

Антіохъ Дм

КАНТЕМИРЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ

В. И. Покровскій

Москва 1910.

Изд. 2-е, дополненное.

...ѣ продаются слѣдующія книги
...овскаго:

...тературѣ XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.
...литературѣ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
... **создатель исторіи новой русской литературы.** Ц. ... *...обр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Содержаніе: I. Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества того времени. — II. Бѣлинскій и Мерзляковъ. — III. Бѣлинскій и Полевой. — IV. Бѣлинскій и Надеждинъ. — V. Бѣлинскій и Шевыревъ. — VI. Булгаринъ, Сенковскій и Бѣлинскій. — VII. Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы. — VIII. Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность. — IX. Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы.

Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. Ц. 1 р. Изд. 2-е. *Включена Мин. Нар. Просв. въ „Каталогъ книгъ для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній“.*

Столѣтіе сатирическаго журнала „Что-нибудь отъ бездѣлья на досугѣ“. Содержаніе: Характеръ сатиры журнала. Общее содержаніе. Отношеніе къ предшественникамъ. Литературная дѣятельность писателя. Ц. 20 к.

О педагогическомъ значеніи класснаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей. Ц. 60 к. (Распродано.)

Отношенія А. С. Пушкина къ отечественнымъ писателямъ. Содержаніе: I. Введеніе — II. Пушкинъ приглашаетъ другихъ поэтовъ къ служенію музамъ. — III. Радостное привѣтствіе Пушкинымъ произведеній поэтовъ. — IV. Живое участіе Пушкина къ дѣятельности поэтовъ.—V. Уваженіе Пушкина къ достоинству имени писателя.— VI. Альтруистическія и симпатическія чувствованія Пушкина къ писателямъ. Ц. 20 к.

„Мой досугъ или уединеніе“. (Страница изъ русской журналистики XVIII вѣка.) Ц. 20 к.

Дамскій журналъ. Ц. 50 к.

Журналъ для милыхъ. Ц. 25 к.

Рогоносцы въ эпиграммахъ XVIII вѣка. Ц. 50 к.

Смертодавы (врачи) въ сатирической литературѣ XVIII вѣка. Ц. 30 к.

Книга и читатель двѣсти лѣтъ назадъ. Ц. 50 к.

Жены декабристовъ. (Сборникъ историко-литературныхъ статей съ портретами). Ц. 1 р. 50 к.

... историко-литературныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго ... *...щенъ* ... *...ста,* ... *...дныя*

... кихъ

... 2-е.

... 2-е.

... лите-
... 50 к.
... ной и

Антіохъ Дмитріевичъ

КАНТЕМИРЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Изданіе 2-е, дополненное.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
1910.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиженск. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Политическое и общественное положеніе дѣлъ въ Россіи времени Кантемира, *Стоюнина*.—Общій обзоръ восьми сатиръ Кантемира—ихъ содержаніе, форма и стихъ, *Бѣлинскаго*.—Девятая сатира Кантемира «Къ солнцу», *Филонова*.—IX сатира Кантемира, какъ выраженіе идейнаго настроенія лучшихъ дѣятелей Петровской реформы и ея тѣсная связь съ современною дѣйствительностію, *К. Покровскаго*.—Характеръ идеала, изображеннаго въ сатирахъ Кантемира, *Порфирьева*.—Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Кантемира въ лексическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, *Истомина*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Условія, при которыхъ росъ Кантемиръ въ дѣтствѣ.

Пріѣздъ двухлѣтняго Антіоха Кантемира въ 1711 году въ Россію совпалъ съ очень печальными внѣшними событіями. Послѣ славнаго Полтавскаго боя русская армія, созданная Петромъ Великимъ, оказалась окруженною впятеро болѣе сильнымъ непріятелемъ на берегахъ Прута. Это была также своего рода Плевна, но только еще болѣе прискорбная, потому что Россіи пришлось заключить немедленно миръ, не добившись побѣды, и возвратить Турціи Азовъ, то-есть, отказаться отъ мысли о проложеніи себѣ дороги къ Черному морю. Вѣрнымъ союзникомъ нашего отечества въ эти тяжелые дни былъ молдавскій господарь князь Дмитрій Кантемиръ, отецъ нашего сатирика, имѣвшій громадное вліяніе на сына въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Ему нашъ сатирикъ въ значительной степени обязанъ тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей первой половины восемнадцатаго вѣка.

На нашемъ сатирикѣ не оправдалось правило, что выдающіеся дѣятели часто имѣютъ весьма посредственныхъ предковъ. Наоборотъ, и отецъ и дѣдъ Антіоха Кантемира были люди выдающіеся: дѣдъ прославился своею храбростью и военными дарованіями; отецъ — своею ученостью и нравственными качествами; самъ Антіохъ отличался литературными дарованіями. Но откуда взялся родъ Кантемировъ? Біографъ дѣда нашего сатирика, князя Константина Кантемира, одинъ изъ первыхъ русскихъ академиковъ, извѣстный историкъ Байеръ, сообщаетъ намъ, что фамилія Кантемиръ — татарскаго происхожденія. За нимъ и митрополитъ Евгеній въ своемъ словарѣ говоритъ, что предки нашего сатирика произошли отъ татаръ Мунгальскаго поколѣнія и почитали родоначальникомъ своимъ Тамерлана. Фамилію Кантемиръ производятъ отъ двухъ словъ: Канъ и Тимуръ, т.-е. родственниковъ Тимура. Но канъ-темиръ означаетъ также кровь-желѣзо, — эпитетъ, подходящій только къ дѣду нашего сатирика, выдающагося воина, но не имѣющій ничего общаго ни съ его отцомъ, мирнымъ ученымъ, ни съ нимъ самимъ, такъ какъ въ его характерѣ преобладали доброта и кротость. Какъ бы то ни было, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что родъ Кантемировъ, дѣйствительно, татарскаго происхожденія, но достовѣрныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о дѣдѣ нашего сатирика, князѣ Константинѣ. Въ молодости мы его застаемъ на польской службѣ. Поляками же онъ

посланъ былъ въ 1665 году полководцемъ противъ ногайскихъ татаръ; а возвращаясь изъ похода, онъ освободилъ Яссы отъ нападенія взбунтовавшихся 8 тысячъ молдаванъ и возвратилъ княженіе изгнанному господарю Дукѣ. Вообще онъ принималъ дѣятельное участіе какъ въ борьбѣ поляковъ, турокъ и крымскихъ татаръ, такъ и въ судьбѣ молдавскаго княжества.

Результатомъ всѣхъ этихъ военныхъ подвиговъ князя Константина было то, что родъ Кантемировъ, во-первыхъ, получилъ за вѣрную службу ханамъ и молдавскимъ правителямъ обширныя помѣстья въ килійской и измаильской областяхъ и, во-вторыхъ, добился княженія въ Молдавіи. Такъ, въ XVII столѣтіи отецъ и дядя нашего сатирика являются молдаванскими господарями, избираемыми дворянами, но не всегда утверждаемыми Портою, потому что, какъ извѣстно, это утвержденіе часто зависѣло отъ такихъ значительныхъ подарковъ, что они могли въ конецъ разорить лицо, желавшее заручиться милостью турецкихъ правителей.

Чтобы проложить своему роду дорогу къ господству, князю Константину не требовалось много усилій. Его военныя дарованія доставили ему громкую славу и богатство. Кромѣ того, онъ былъ женатъ на близкой родственницѣ молдавскихъ господарей, князей Дуки и Дабизы, Аннѣ Ѳеодоровнѣ Бантышевой, женщинѣ, какъ ее аттестуетъ ея потомокъ, составитель извѣстнаго «Словаря достопамятныхъ людей», Бантышъ-Каменскій, «въ наукахъ очень знаменитой». Ей отецъ нашего сатирика, князь Дмитрій, и обязанъ первымъ образованіемъ ума и сердца. Но, можетъ-быть, онъ не достигъ бы такой значительной учености, доставившей ему европейскую извѣстность, преимущественно, какъ историку (хотя онъ, кромѣ того, прекрасно изучилъ философскія и математическія науки), и лестное избраніе въ члены берлинской академіи, если бы ему не пришлось въ молодости долго прожить въ Константинополѣ въ качествѣ заложника. Какъ извѣстно, Порта пользовалась этимъ мало гуманнымъ средствомъ, чтобы держать въ рукахъ подвластныхъ ей правителей. Въ Константинополѣ князь Дмитрій усердно занимался изученіемъ языковъ (онъ свободно говорилъ на языкахъ: турецкомъ, персидскомъ, арабскомъ, греческомъ, италіанскомъ, русскомъ и молдавскомъ; кромѣ того, зналъ языки: славянскій и французскій), наукъ и, кромѣ того, музыкой, такъ что даже сочинялъ разныя музыкальныя пьесы, имѣвшія успѣхъ въ столицѣ Турціи, а построенные имъ впослѣдствіи въ русскихъ его помѣстьяхъ церкви и монастыри свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ любилъ и архитектуру. Въ общемъ онъ написалъ тринадцать сочиненій и оставилъ много другихъ неоконченными. Сочиненія эти посвящены магометанской религіи, возвышенію и упадку оттоманскаго двора, состоянію Молдавіи, турецкой музыкѣ, исторіи сотворенія міра съ «физическими примѣчаніями», разсужденію о монархіяхъ, логикѣ и философіи. Мы привели всѣ эти данныя объ отцѣ нашего сатирика, чтобы пояснить, какое благотворное вліяніе онъ

могъ имѣть въ умственномъ отношенiи на своего сына. Наружность у него была прiятная, обхожденiе любезное, разговоръ увлекательный. Онъ велъ весьма умѣренный образъ жизни и вечера проводилъ всегда въ семьѣ, съ которой старался не разставаться и во время продолжительныхъ своихъ путешествiй. Прибавимъ къ этому, что и женился онъ весьма удачно на гречанкѣ, предки которой были византiйскими императорами, Касандрѣ Кантакузиной, женщинѣ, отличавшейся большимъ образованiемъ и всецѣло посвятившей себя воспитанiю своихъ дѣтей.

Но то, что отразилось такъ выгодно на нашемъ сатирикѣ, тоесть, ученость и нравственныя достоинства его отца, вѣроятно, послужило помѣхою для упроченiя молдавскаго княжества за родомъ Кантемировъ. Во всякомъ случаѣ намъ извѣстно изъ исторiи, что князю Дмитрiю трудно было справиться съ интригами пронырливаго и хитраго валахскаго князя Бранкована, стремившагося захватить власть надъ обоими княжествами. Бранкованъ интриговалъ такъ удачно, что заручился довѣрiемъ какъ Порты, такъ и Россiи, и передъ печальными событiями на Прутѣ Петръ довѣрялъ ему безусловно, не обращая вниманiя на всѣ предостереженiя князя Дмитрiя. Уже въ 1692 году, когда умеръ князь Константинъ, молдавскiе бояре избрали его сына господаремъ, но Порта его не утвердила, и онъ снова поселился въ Константинополѣ, гдѣ 10 сентября 1709 года и родился у него сынъ Антiохъ, нашъ знаменитый сатирикъ. Черезъ два года послѣ его рожденiя Порта преложила гнѣвъ на милость и послала князя Дмитрiя въ Молдавiю управлять обоими княжествами, арестовавъ предварительно князя Бранкована. Возмущенная вѣроломствомъ послѣдняго, Порта даже освободила князя Дмитрiя отъ дани и подарковъ, но какъ только онъ прибылъ на мѣсто, она, измѣнивъ своему слову, потребовала отъ него значительныхъ суммъ, постройки моста черезъ Дунай для переправы турецкой армiи, снабженiя ея необходимымъ провiантомъ и выступленiя въ походъ противъ Россiи. Князь Дмитрiй на все это не согласился, перешелъ на сторону Россiи и затѣмъ остался ей вѣренъ въ постигшемъ ее несчастiи. Во всякомъ случаѣ, этотъ историческiй фактъ долженъ быть нами отмѣченъ, такъ какъ Россiя обязана ему переселенiемъ семьи Кантемировъ въ ея предѣлы, а за гостепрiимство, которое она ей оказала, та отблагодарила дарованiемъ ей такого виднаго дѣятеля и писателя, какимъ былъ нашъ первый сатирикъ.

Порта была глубоко возмущена измѣною князя Дмитрiя и требовала отъ Петра его выдачи. Офицiально Петръ отговаривался тѣмъ, будто бы князя Дмитрiя нѣтъ въ русскомъ лагерѣ, а своимъ приближеннымъ онъ говорилъ: «Я лучше уступлю туркамъ всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдамъ князя, пожертвовавшаго для меня всѣмъ своимъ достоянiемъ. Потерянное оружiемъ возвращается; но нарушенiе даннаго слова не возвратимо. Отступить отъ чести—то же, что не быть государемъ». А между тѣмъ искушенiе

было велико, потому что русской арміи и русскому царю угрожалъ плѣнъ и, слѣдовательно, надо было позаботиться о томъ, чтобы поскорѣе заключить миръ съ Турціею, а она сильно настаивала на выдачѣ князя Дмитрія, облегчившаго русскимъ войскамъ занятіе Молдавіи и снабдившаго ихъ провіантомъ. Для доставленія успѣха русскому оружію, князь Дмитрій далъ нашимъ комиссарамъ 10000 воловъ, 15000 овецъ и 10000 талеровъ, словомъ, онъ разорился и, прибывъ въ русскій лагерь, не имѣлъ уже никакого состоянія.

Всѣ эти жертвы должны были упрочить дружескія отношенія между Петромъ и княземъ Дмитріемъ. Петръ во что бы то ни стало хотѣлъ спасти его отъ турецкаго гнѣва и прибѣгъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы скрыть его отъ зоркихъ глазъ турецкихъ соглядатаевъ. Такъ, князю Дмитрію пришлось долго укрываться въ кухонномъ вагонѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ убѣжище за кастрюлями и другою посудою. Но и это убѣжище оказывалось не вполнѣ надежнымъ, и изъ-подъ вѣдѣнія главнаго царскаго повара Фельтена князь Дмитрій перешелъ въ вѣдѣніе царскаго кучера, сбривъ предварительно бороду и замѣнивъ молдавскій костюмъ нѣмецкимъ. Онъ долго скрывался въ каретѣ царицы. Такимъ образомъ онъ перебрался въ Россію. Какъ извѣстно, съ Турціей миръ былъ заключенъ на весьма невыгодныхъ условіяхъ: о сохраненіи Молдавіи не могло быть и рѣчи, и поэтому князю Дмитрію вмѣстѣ съ его приближенными, 2000 бояръ, офицеровъ, слугъ и пр. пришлось навсегда переселиться въ Россію и принять русское подданство. Петръ его однако щедро вознаградилъ за его потери, за утрату княжества и всего состоянія. Ему предоставленъ былъ титулъ свѣтлѣйшаго, ежегодная пенсія въ 6000 руб., много вотчинъ подъ Харьковомъ, въ Московскомъ и Сѣвскомъ уѣздахъ и домъ въ Москвѣ; кромѣ того, ему представлены были и владѣтельныя права, напримѣръ судъ надъ молдаванами, переселившимися съ нимъ Россію. Въ 1715 году князь Дмитрій приговорилъ къ лишенію жизни трехъ молдавскихъ дворянъ, но потомъ смягчилъ это наказаніе, и Петръ утвердилъ его приговоръ. Извѣстна еще резолюція Петра: «Гдѣ его (князя Дмитрія) пребываніе будетъ, чтобъ былъ гарнизонъ Россійскій». Хотя исполненіе приказаній Петра о предоставленіи князю Дмитрію разныхъ недвижимыхъ имуществъ сильно замедлилось, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ бывшій молдавскій господарь получилъ до 10000 душъ крестьянъ и, слѣдовательно, жилъ въ большомъ достаткѣ. Всѣ это даетъ намъ ясное понятіе о той обстановкѣ, въ которой росъ нашъ сатирикъ въ раннемъ дѣтствѣ.

Непосредственныхъ свѣдѣній о томъ, какъ жилъ и развивался Антіохъ Кантемиръ въ этотъ ранній періодъ, мы не имѣемъ, но въ общемъ можно составить себѣ довольно ясную картину тѣхъ вліяній, которымъ онъ подвергался. Отношенія между родителями были прекрасныя; оба они одинаково заботливо пеклись о воспитаніи дѣтей, какъ и о томъ, чтобы дать имъ самое лучшее и полное

образованіе. Князь Дмитрій, заключая съ Петромъ условіе относительно своего поступленія въ русское подданство, выговорилъ себѣ право «послать сыновей своихъ для наукъ въ знатные городы и иныя христіанскія страны». Отсюда видно, какъ сильно его уже въ то время заботило образованіе дѣтей, хотя старшему изъ нихъ, княжнѣ Марьѣ, было всего одиннадцать лѣтъ. Кромѣ того, мы имѣемъ и другія свѣдѣнія объ этой заботливости. Изъ Молдавіи князь Дмитрій привезъ съ собою ученаго священника, грека Анастасія Кондоиди, именно въ качествѣ наставника своихъ дѣтей. Но Петръ, озабоченный привлеченіемъ къ государственной службѣ возможно большаго числа образованныхъ людей, которыхъ, какъ извѣстно, было тогда мало въ Россіи, опредѣлилъ ученаго греческаго священника въ духовную коллегію и такимъ образомъ лишилъ дѣтей князя Дмитрія опытнаго и знающаго наставника. И вотъ мы видимъ, что князь Дмитрій ревностно заботится о пріисканіи другого столь же опытнаго воспитателя. Для этого онъ даже не страшится гнѣва Петра и проситъ его отпустить къ нему на поруки другого греческаго священника Либерія Колети, сосланнаго навѣки въ Соловецкій монастырь за прикосновенность къ дѣлу царевича Алексѣя. Просьба его въ концѣ концовъ была уважена, и такимъ образомъ нашелся другой наставникъ. Вслѣдъ за тѣмъ князь Дмитрій имѣлъ опять столкновеніе съ Петромъ изъ-за наставника своихъ дѣтей. Не довольствуясь иноземными наставниками, онъ пригласилъ къ себѣ одного изъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ московской академіи, котораго Петръ собирался отправить за границу для дальнѣйшаго образованія, извѣстнаго Ивана Ильинскаго, имѣвшаго также очень значительное вліяніе на нашего сатирика. Но князь Дмитрій рѣшительно воспротивился намѣренію Петра, и ему удалось удержать Ильинскаго при себѣ. Такимъ образомъ молодой Кантемиръ имѣлъ наставниками своими, кромѣ отца, всегда присутствовавшаго на урокахъ дѣтей, матери, двухъ ученыхъ греческихъ священниковъ, и русскаго преподавателя, на котораго въ концѣ концовъ возложено было, главнымъ образомъ, воспитаніе и образованіе нашего сатирика. Къ сожалѣнію, объ этомъ дѣятелѣ, столь близко прикосновенномъ къ біографіи Антіоха Кантемира, сохранились весьма скудныя свѣдѣнія. Достовѣрно извѣстно только, что въ немъ сильна была любовь къ литературнымъ занятіямъ, что онъ самъ много переводилъ и писалъ и передалъ своему даровитому ученику любовь къ литературному труду, что онъ долго оставался въ домѣ князя Дмитрія, исполняя, между прочимъ, дожность домашняго секретаря, и поддерживалъ съ Антіохомъ самыя дружественныя отношенія вплоть до своей смерти (онъ умеръ въ 1737 году). О громадномъ значеніи, которое придавалъ князь Дмитрій образованію своихъ дѣтей, свидѣтельствуетъ и духовное его завѣщаніе, въ которомъ онъ настойчиво имъ совѣтуетъ заботиться о своемъ образованіи, мало того, отказываетъ все свое имущество тому изъ нихъ, который проявитъ наибольшія способности къ научнымъ занятіямъ,

и въ то же время называетъ своего меньшого сына, нашего сатирика, «въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ лучшимъ». Эта аттестація со стороны такого образованнаго и внимательнаго отца, какимъ былъ князь Дмитрій, служитъ доказательствомъ, что Антіохъ уже въ раннемъ дѣтствѣ проявлялъ большія способности къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ. Она и въ другомъ отношеніи является пророческой. Изъ всѣхъ дѣтей князя Дмитрія отъ первой жены пятеро остались въ живыхъ: Марья, Матвѣй, Константинъ, Сергѣй (Сербанъ), Антіохъ. Изъ четырехъ сыновей только Антіохъ оказался вполнѣ достойнымъ принять наслѣдство своего замѣчательнаго отца. Константинъ, какъ мы увидимъ ниже, оказался въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ несостоятельнымъ; Матвѣй и Сергѣй были вполнѣ заурядными людьми и своею разгульною жизнью причиняли много заботъ Антіоху и Марьѣ. Вообще нельзя не удивиться, какъ изъ одной и той же семьи, высокообразованной, нравственной, самымъ заботливымъ образомъ относившейся къ дѣлу воспитанія, вышли столь различныя дѣти. Между нашимъ сатирикомъ и его сестрой Марьей, съ одной стороны, и остальными братьями, съ другой, нѣтъ почти ничего общаго.

Кротость нрава, нерасположеніе къ шумной житейской сутолокѣ, стремленіе къ мирной жизни, къ уединенію составляютъ характеристическія черты душевнаго настроенія Антіоха и Марьи. Что̀ общаго между ними и Матвѣемъ и Сергѣемъ, которые вѣчно возятся съ какими-то «зазорными харайками», дебоширствуютъ съ ними и тутъ же приказываютъ своимъ слугамъ отдуть на обѣ корки своихъ товарищей, капитана Дубасова, какого-то поручика и даже его жену? Изъ интересныхъ документовъ, собранныхъ г. Шимко, мы видимъ, что всѣ три брата нашего сатирика причиняютъ ему безконечныя хлопоты и безпокойства: Константинъ лишаетъ семью всего ея состоянія, Сергѣй проигрываетъ значительныя суммы въ карты, выдаетъ векселя и отказывается платить по нимъ, такъ что его товарищъ, полковникъ Боборыкинъ, даже грозитъ его убить за это и совершаетъ на него ночью набѣгъ «цугомъ въ каретѣ».

Вѣрится съ трудомъ, что все — это дѣти, выросшія подъ нѣжнымъ и заботливымъ попеченіемъ одного и того же отца, одной и той же матери. Теорія наслѣдственной передачи физическихъ и душевныхъ свойствъ на семьѣ Кантемировъ мало оправдывается. Говорятъ, впрочемъ, что Антіохъ проявилъ особенную склонность къ уединенію и научнымъ занятіямъ вслѣдствіе своей болѣзненности: онъ дѣйствительно былъ слабаго тѣлосложенія и вѣчно хворалъ. Но весьма возможно, что и болѣзненному его состоянію и преждевременной смерти много содѣйствовалъ чрезмѣрный умственный трудъ, потому что онъ, дѣйствительно, отъ книгъ и книжныхъ занятій съ ранняго дѣтства не отрывался ни на мигъ. По крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что онъ сильнѣйшимъ образомъ разстроилъ себѣ зрѣніе непрерывными кабинетными занятіями и по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ комнаты. Къ тому же мы видимъ, что его сестра,

княжна Марья, отличавшаяся вообще удовлетворительнымъ здоровьемъ, почти съ такою же ревностью предавалась книжнымъ занятіямъ и находила въ нихъ высшее наслажденіе въ жизни. Мало того, мы должны констатировать, что между Антіохомъ и Марьей существовало тайное сродство душъ, что ихъ вкусы, склонности, настроеніе, даже привычки удивительно какъ совпадали: тотъ же тихій нравъ, глубокая религіозность, преданность высшимъ интересамъ духа, стремленіе жить уединенною жизнью, нерасположеніе къ свѣту, къ участію въ политической борьбѣ, крѣпость семейнаго начала, домовитость — все это въ одинаковой степени присуще брату и сестрѣ. Если Антіохъ, какъ мы увидимъ, рвался за границу, чтобы усовершенствоваться въ наукахъ и мирно предаваться тамъ ихъ изученію на пользу пріемнаго своего отечества, то его сестра не менѣе чуждалась придворной жизни, хотя и была назначена Анною Іоанновною фрейлиной, и жила уединенною жизнью въ Москвѣ или подъ Москвою, предаваясь чтенію, живописи, музыкѣ, наукѣ и заботясь о мірскихъ дѣлахъ лишь настолько, насколько эта забота обусловливалась глубокимъ желаніемъ быть полезною нѣжно-любимому брату и вообще семьѣ.

Когда для нея выяснилось, что она собственнаго семейнаго очага имѣть не будетъ, она помышляла только о томъ, какъ бы соединиться съ любимымъ братомъ или, въ крайнемъ, случаѣ посвятить себя одному служенію Богу, создать мирную обитель, въ которой нашли бы себѣ успокоеніе отрѣшившіяся отъ мірскихъ заботъ одинокія женщины. Чѣмъ-то возвышеннымъ, идеальнымъ вѣетъ въ этомъ отношеніи отъ брата и сестры, двухъ вполнѣ родственныхъ душъ по основному настроенію, если не по жизненнымъ задачамъ и силѣ умственныхъ способностей. Во всемъ ихъ образѣ мыслей и поступкахъ съ большою силою проявляется, какъ мы уже замѣтили, глубокая преданность высшимъ интересамъ духа и, кромѣ того, чрезвычайная заботливость о благополучіи близкихъ людей и вообще всѣхъ, съ кѣмъ сводила ихъ жизнь. Эта заботливость распространялась у нихъ не только на людей, но даже на животныхъ. Когда во время большого московскаго пожара 1737 года у княжны Марьи сгорѣлъ ея домъ, она пишетъ брату, что больше жалѣетъ о своей собачкѣ Перлѣ и двухъ кошкахъ, погибшихъ въ огнѣ, чѣмъ о домѣ. «Горько оплакала я ихъ смерть,—продолжала она:—Кондоиди сочинилъ имъ надгробную рѣчь, подобную той, какая если помните, была произнесена надъ Ромашкой, собакой нашего отца, а Ильинскій перевелъ эту рѣчь на русскій языкъ». Вообще домъ княжны Марьи былъ до такой степени наполненъ кошками и собаками, что она въ шутку называла его своимъ Ноевымъ ковчегомъ.

Столь же любовно относились братъ и сестра къ старымъ слугамъ своего отца, на глазахъ которыхъ они выросли. Въ письмахъ княжны Марьи къ Антіоху встрѣчаются часто приписки этихъ слугъ въ родѣ слѣдующихъ: «И я, сіятельный господинъ, смиренно кла-

пяюсь вмѣстѣ съ служанкою вашей Екатериною, прося Бога увидѣть васъ здоровымъ и радостнымъ», или: «Не гнѣвайтесь на меня, ваше сіятельство, за то, что я давно вамъ не писалъ. Я все странствовалъ по горамъ и полямъ русскимъ». Эти приписки принадлежатъ вѣрному слугѣ князя Дмитрія, его дворецкому, Камарашу. Другой слуга, Гризавиди, дѣлаетъ слѣдующую приписку: «Выпиваю за ваше здоровье двѣ рюмки водки и прошу васъ не забывать меня и моихъ трудовъ». Какая-то Даниловна пишетъ князю, что записала его имя для поминовенія за здравіе, проситъ ему у Бога всякой милости, особенно, чтобы онъ поскорѣй женился и тогда устроилъ ее въ монастырь. Сама княжна Марья извѣщаетъ брата, что одна изъ ихъ служанокъ вышла замужъ за ефрейтора, или сообщаетъ, что Ефрему Богъ далъ сына, или проситъ разыскать въ Лондонѣ мать поступившей къ ней въ услуженіе нѣмки.

Эту же заботливость о меньшей братьѣ Антіохъ и Марья распространяютъ и на своихъ крѣпостныхъ. Жалуясь на неплатежъ крестьянами оброка, что̀ было особенно чувствительно для нашего сатирика, потому что его матеріальное положеніе за границею лишало его всякаго спокойствія, княжна Марья пишетъ: «Приходится терпѣть и сидѣть сложа руки. Что дѣлать! Не одни наши мужики такъ бѣдны. Я очень довольна тѣмъ, что долго прожила въ деревнѣ, такъ какъ тамъ меньше расходовъ, чѣмъ въ Москвѣ... Жаль крестьянъ: ужъ третій годъ у нихъ неурожай». И княжна Марья не рѣшается взыскивать съ нихъ недоимки, а предпочитаетъ заложить у кого-то Игнатья Францовича свой крестикъ и не выслать брату денегъ за границу. Чувства княжны Марьи къ крѣпостнымъ выразились и въ томъ краснорѣчивомъ фактѣ, что передъ смертью она дала всѣмъ дворовымъ отпускныя и завѣщала «до пріисканія пропитанія кормить ихъ и давать имъ помѣщеніе, а при уходѣ выдать имъ жалованье и харчи на полгода». Что же касается до чувствъ самого Кантемира въ этомъ отношеніи, то о нихъ свидѣтельствуютъ его стихи. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія нашъ сатирикъ писалъ, что «пахарь и вельможа равны въ судѣ, и одна правда превосходна», что «та же и въ свободныхъ и въ холопяхъ течетъ кровь, та же плоть, тѣ же кости». Тогда уже нашъ сатирикъ негодовалъ на тѣхъ, «кто каменной душою бьетъ холопа до крови», и клеймилъ того, чью «храбрость одинъ лишь холопъ искушаетъ», потому что «онъ одинъ отвѣчать не посмѣетъ». Пышно расцвѣли въ нашемъ сатирикѣ эти чувства доброжелательства къ ближнимъ, которыми проникнута была его семья, расцвѣли, — и разрослись до просвѣщеннаго сознанія гражданскаго долга, до глубокой преданности общественнымъ и государственнымъ интересамъ, до готовности, не щадя силъ и здоровья, служить отечеству.

Но объ этомъ рѣчь у насъ впереди. Мы пока хотѣли только указать и, по возможности, выяснить тѣ семейныя вліянія, которыя окружали Антіоха въ дѣтствѣ. Если онъ вынесъ изъ семьи много

плодотворнаго, то потому, что у него была богато одаренная натура: душа его воспринимала, жадно поглащала добрыя сѣмена, посѣянныя родителями и наставниками. Только этимъ и можно объяснить себѣ, что изъ одной и той же семьи вышли столь различныя дѣти. Марья и Антіохъ прониклись семейною атмосферою, окружавшею ихъ въ дѣтствѣ, и каждый по-своему взростилъ воспринятыя ими однородныя сѣмена. Остальные братья какъ бы вышли изъ другой семьи: Константинъ совсѣмъ выродился въ нравственномъ отношеніи; Матвѣй былъ самымъ зауряднымъ человѣкомъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ сотни другихъ товарищей и офицеровъ, а Сергѣй (послѣдній представитель рода Кантемировъ, умершій въ Москвѣ въ 1780 году) только подъ конецъ жизни проявилъ домовитость и нѣкоторую дѣловую практичность, благодаря которой сдѣлался собственникомъ очень значительнаго состоянія. Отмѣтимъ еще мимоходомъ, что дочь князя Дмитрія отъ второго брака съ Трубецкой, Екатерина Дмитріевна Голицына, завѣщала 22.000 руб., — сумму очень значительную для того времени, на проценты съ которой должны были получать медицинское образованіе молодые русскіе за границею, преимущественно въ страсбургскомъ университетѣ. Россія обязана такимъ образомъ этой дочери князя Дмитрія многими врачами, въ томъ числѣ такими замѣчательными, какими были Тереховскій и Амбодикъ.

Касаясь тѣхъ вліяній, которымъ подвергался нашъ сатирикъ въ дѣтствѣ, мы не можемъ не упомянуть еще о двухъ обстоятельствахъ. Составители учебниковъ по русской словесности, упрекающіе Антіоха Кантемира въ его чужеземномъ происхожденіи, въ недостаточномъ знакомствѣ съ русскимъ народомъ и даже духомъ русскаго языка, забываютъ, что нашъ сатирикъ уже въ дѣтствѣ имѣлъ случай близко познакомиться съ пріемнымъ своимъ отечествомъ. Князь Дмитрій постоянно находился въ разъѣздахъ, жилъ въ своихъ вотчинахъ, о благоустройствѣ которыхъ онъ много заботился, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, подъ конецъ жизни совершилъ еще путешествіе черезъ всю Россію въ Персію и постоянно бралъ съ собою свою семью, въ томъ числѣ и сына Антіоха. Уже двухлѣтнимъ ребенкомъ Антіохъ былъ перевезенъ изъ Яссъ подъ Харьковъ, гдѣ онъ, кажется, прожилъ довольно долго въ помѣстьѣ своего отца, затѣмъ перевезенъ былъ въ Москву, а оттуда неоднократно совершалъ вмѣстѣ съ отцомъ поѣздки въ курскія и орловскія помѣстья, гдѣ тотъ подолгу проживалъ. Въ 1719 году отецъ, вступилъ во второй бракъ, переселился окончательно въ Петербургъ, а изъ Петербурга тринадцатилѣтній Антіохъ совершилъ вмѣстѣ съ отцомъ путешествіе чрезъ всю Россію въ Персію, хотя вслѣдствіе опасной болѣзни отца добрался только до Астрахани. Такимъ образомъ уже въ раннемъ дѣтствѣ нашъ сатирикъ постоянно былъ окруженъ русскою природою, русскими людьми, изъѣздилъ Россію вдоль и поперекъ, его глазъ и ухо ловили русскіе виды, русскіе звуки. Всѣ

впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ въ дѣтствѣ, были проникнуты русскимъ духомъ, а впечатлѣнія ранняго возраста бываютъ быть можетъ самыя сильныя въ жизни. Вотъ чѣмъ объясняется фактъ, отмѣченный однимъ критикомъ съ нѣкоторою, небольшою, впрочемъ, неточностью въ цифрахъ и датахъ: «Съ двѣнадцатилѣтняго возраста въ походахъ въ Персію, съ четырнадцати лѣтъ въ полу-русскомъ тогда Петербургѣ, съ двадцати-двухъ лѣтъ за границею. Всего на всего восемь лѣтъ въ Россіи. Но онъ понялъ геній языка русскаго... Онъ первый въ Россіи осмѣлился писать, какъ говорятъ».

Но удивляться тутъ нечему: съ двухлѣтняго до двадцатилѣтняго возраста, т.-е. въ періодъ жизни, когда человѣкъ наиболѣе восріимчивъ, когда онъ окончательно формируется физически и духовно, когда воспринимаетъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія, нашъ сатирикъ постоянно разъѣзжалъ по Россіи и близко знакомился съ страною и людьми. Къ тому же, какъ мы уже видѣли, однимъ изъ его учителей былъ Иванъ Ильинскій. Къ сожалѣнію, въ точности неизвѣстно, съ какого года онъ жилъ въ семьѣ Кантемировъ. Извѣстно только, что уже въ 1716 году Петръ требовалъ отъ князя Дмитрія, чтобъ тотъ отпустилъ Ильинскаго для посылки его за границу. Слѣдовательно, Ильинскій находился въ домѣ Кантемировъ уже тогда, когда нашему сатирику было всего семь лѣтъ. Вліяніе на него Ильинскаго было громадное. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты: несомнѣнно, что отъ Ильинскаго Антіохъ перенялъ склонность писать стихи: какъ Ильинскій составилъ «симфонію» на четвероевангеліе, такъ Антіохъ уже на четырнадцатомъ году составилъ «симфонію» на псалмы, — первый печатный трудъ нашего сатирика. Мало того, изъ замѣтокъ Антіоха въ его календарѣ за 1728 годъ видно, что онъ находился въ дѣятельной перепискѣ съ своимъ бывшимъ наставникомъ, и мы знаемъ, что эта переписка продолжалась въ теченіе всей жизни Ильинскаго. Такимъ образомъ въ самой семьѣ нашъ сатирикъ съ ранняго возраста подчинялся русскому вліянію и началъ уже мыслить и чувствовать по-русски. Хотя, повидимому, разговорнымъ языкомъ въ семьѣ Кантемировъ былъ греческій, но роднымъ своимъ языкомъ нашъ сатирикъ считалъ русскій. Съ своею горячо-любимою сестрою Марьею онъ переписывался на греческомъ и италіанскомъ языкахъ, но, очевидно, отчасти для усовершенствованія въ нихъ (италіанскимъ языкомъ Антіохъ началъ свободно владѣть только за границею), отчасти же, чтобъ скрыть содержаніе корреспонденціи отъ охотниковъ до чтенія чужихъ писемъ, которыхъ въ Россіи было и тогда много. Переписка на этихъ языкахъ представляла для него затрудненіе, и когда онъ чувствовалъ себя слабымъ, когда болѣзнь лишала его энергіи, онъ писалъ сестрѣ по-русски. Такъ, одно изъ его писемъ начинается слѣдующими словами: «Будучи я весьма слабъ, а наипаче сегодня, не въ состояніи много писать, для того отвѣтствую по-русски». Это письмо относится къ 1744 году, году смерти Антіоха; слѣдовательно, оно написано послѣ

того, какъ онъ провелъ за границею двѣнадцать лѣтъ изъ 35, прожитыхъ имъ на свѣтѣ. Прибавимъ къ этому, что въ теченіе этихъ двѣнадцати лѣтъ онъ почти исключительно встрѣчался съ иностранцами, ни разу не былъ въ Россіи, откуда онъ уѣхалъ двадцати-двухлѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, и мы поймемъ, какъ глубоко сроднился Кантемиръ съ русской рѣчью, и какъ онъ даже въ этомъ физіологическомъ, такъ сказать, отношеніи былъ русскимъ до мозга костей, хотя самъ и называлъ себя «породою иноземцемъ».

Чрезвычайно любопытно уяснить себѣ еще, какія чувства внушены были Кантемиру въ дѣтствѣ въ политическомъ отношеніи. Дѣтство нашего сатирика болѣе или менѣе совпадаетъ съ первою четвертью восемнадцатаго вѣка, когда еще не было рѣчи о явныхъ признакахъ той бури, которая разразилась надъ Европою въ концѣ того же вѣка. Отецъ Антіоха ставилъ монархическій образъ правленія очень высоко вообще и въ частности по отношенію къ Россіи. Вся просвѣщенная Европа восторгалась тогда неутомимою и геніальною дѣятельностью Петра, направленною къ пріобщенію нашего отечества къ остальному цивилизованному міру. Еще въ 1739 году Вольтеръ въ письмѣ къ Кантемиру поздравлялъ его съ тѣмъ, что его семья отреклась отъ варваровъ турокъ и переселилась въ Россію, находившуюся подъ управленіемъ Петра, и съ паѳосомъ говорилъ о «великихъ идеяхъ» русскаго царя. Тѣми же чувствами былъ проникнутъ и отецъ нашего сатирика. Это видно изъ его сочиненій, изъ той преданности, которую князь Дмитрій проявлялъ Петру, и подтверждается его готовностью служить великому царю, чѣмъ онъ только могъ, его жалобами на то, что Петръ не даетъ ему возможности проявить рвеніе къ службѣ государственной. «Близъ десяти лѣтъ, — пишетъ онъ Петру: — аще я празденъ былъ, обаче не яко не хотѣлъ, но яко не имѣлъ повелѣнія».

Насъ не должны тутъ вводить въ заблужденіе вѣчныя жалобы князя Дмитрія на необезпеченность его матеріальнаго положенія, на лишенія, которымъ онъ подвергается въ Россіи, и пр. Не слѣдуетъ забывать, что онъ въ Молдавіи былъ богатымъ человѣкомъ и велъ жизнь владѣтельнаго князя. Переселеніе въ Россію было сопряжено для него съ большими лишеніями и убытками, несмотря на щедрое вознагражденіе, предоставленное ему Петромъ, тѣмъ болѣе, что воля Петра, несмотря на всю энергію, какъ извѣстно, далеко не всегда въ точности исполнялась. Такъ, уцѣлѣли черновыя нѣскольких донесеній за подписью бывшаго господаря о выдачѣ назначенной ему ежегодной 6-титысячной пенсіи, отведеніи пожалованныхъ земель, обидахъ, чинимыхъ ему кіевскимъ губернаторомъ кн. Дм. Голицынымъ (разыгравшимъ впослѣдствіи, когда онъ былъ верховникомъ, такую непривлядную роль въ жизни нашего сатирика) и курскимъ оберъ-комендантомъ Колтовскимъ, черновыя его прошенія на высочайшее имя, объ огражденіи его отъ несправедливыхъ дѣйствій сената и того же князя Голицына. Въ одномъ изъ этихъ прошеній

говорится: «Загороднова двора, о котораго дачѣ тремя имянными указами правительствующему сенату повелѣно, еще не дано». Кромѣ того князь Дмитрій жалуется, что онъ не имѣетъ средствъ помочь старшему брату и племяннику, которые, живя въ Константинополѣ и Молдавіи, «едва повсядневную имѣютъ пищу, и то за мою причину, что вѣрность величеству вашему соблюлъ непорочную». Мы видимъ, слѣдовательно, что и при Петрѣ, какъ, впрочемъ, хорошо всѣмъ извѣстно, «законы были святы, да исполнители лихіе супостаты», что даже троекратное высочайшее повелѣніе не исполнялось; но въ то же время изъ всѣхъ сохранившихся документовъ видно, что отецъ нашего сатирика нисколько не сомнѣвался въ добрыхъ намѣреніяхъ самого царя и питалъ къ нему преданность и глубокое уваженіе. Въ этихъ чувствахъ былъ воспитанъ и Антіохъ. Это совершенно очевидно изъ тѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыя онъ при всякомъ удобномъ случаѣ расточалъ по адресу великаго преобразователя. Для него Петръ былъ идеальнымъ правителемъ.

Онъ изображаетъ его «испытующимъ обиды, учиненныя люду», или ищущимъ способа облегчить нужды народа, или награждающимъ «сущихъ въ бѣдности».

Правда, онъ восхвалялъ въ стихахъ и правительницъ, смѣнившихъ Петра, но въ этихъ восхваленіяхъ дѣло не обходится безъ нѣкотораго ехидства. Такъ, въ рѣчи къ Аннѣ Іоанновнѣ онъ говоритъ:

Да, искусство требуетъ наше стихотворно,
Чтобъ межъ правдою было нѣчто и притворно,

и заключаетъ заявленіемъ, что лучше молчать, «нежели грубы похвалы писать», а въ посвященіи Елизаветѣ Петровнѣ съ неменьшимъ ехидствомъ включаетъ слѣдующіе стихи:

Явно бо, что книжку рабъ, дая ей такую,
Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ тую.

Въ стихахъ же, посвященныхъ Петру, нигдѣ не замѣтно слѣда той сатирической соли, которая такъ сродна душѣ Кантемира; въ нихъ вы не найдете ничего, кромѣ глубокаго чувства уваженія, иногда доходящаго до восторга. Въ каждомъ словѣ его стиховъ, посвященныхъ Петру, чувствуется беззавѣтная преданность, отношеніе благодарнаго ученика къ незабвенному великому учителю. Кантемиръ дѣйствительно старался итти только по стопамъ Петра на поприщѣ, ему наиболѣе свойственномъ и сродномъ.

Такимъ образомъ, мы очертили тѣ условія, въ которыхъ росъ нашъ сатирикъ въ дѣтствѣ. Подведемъ теперь итоги. Родители его принадлежали къ числу самыхъ образованныхъ людей своего вѣка, отличались большими нравственными достоинствами и сумѣли внушить дѣтямъ безграничную къ себѣ любовь, которую тѣ сохранили на всю жизнь. Когда Антіохъ прислалъ сестрѣ своей Марьѣ сочиненія Боккачіо, она, поблагодаривъ брата, слѣдующимъ образомъ

отозвалась о новеллѣ «Фіамета»: «По моему мнѣнію, когда Боккачіо писалъ это сочиненіе, онъ... забылъ, что мать его — женщина». Съ такимъ же уваженіемъ относился и самъ Антіохъ къ памяти своей матери, а объ отцѣ онъ постоянно отзывался, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ, самъ составилъ его біографію, заботился объ изданіи его сочиненій, о переводѣ ихъ на другіе языки и спѣшилъ исправить всѣ ошибки или опровергнуть обвиненія, которыя могли омрачить его память. Извѣстна, напримѣръ, по этому поводу его переписка съ Вольтеромъ, изобразившимъ въ своей исторіи Карла XII Дмитрія Кантемира измѣнникомъ. Это уваженіе къ памяти родителей, эта любовь, которую сохранили къ нимъ дѣти до конца жизни, были вызваны, понятно, не только достоинствами родителей, но и ихъ любовнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ. Отецъ и мать никогда не разлучались съ своими дѣтьми; они окружали ихъ всевозможною заботливостью, развивали въ нихъ любовь къ знанію, къ просвѣщенію и дѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы дать имъ возможно полное образованіе. Не всѣ дѣти князя Дмитрія воспользовались этими благопріятными семейными условіями, но нашъ сатирикъ и его сестра Марья вынесли изъ родительскаго дома глубокое уваженіе къ знаніямъ, наукѣ, искусству. Въ нихъ они усматривали не только высшее наслажденіе въ минуты отдыха отъ другихъ занятій, но, какъ видно изъ жизни обоихъ, даже вопреки словамъ самого Кантемира, что къ литературному труду только «въ лишнихъ часахъ прилежать позволено», они оба въ сущности жили только литературою, наукою, искусствомъ. Ихъ переписка была посвящена, главнымъ образомъ, указаніямъ на новыя книги. Антіохъ то и дѣло посылалъ сестрѣ разныя книги, преимущественно, научнаго содержанія (по астрономіи, геометріи, космографіи), лучшія произведенія классической литературы, путешествія и т. п. Оба они занимались живописью и музыкой (картины Антіоха вызывали одобреніе со стороны знатоковъ). Не фразою въ устахъ Кантемира были его слова, что крайнія желанія его составляетъ проводить время,

Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.

Душа его постоянно рвалась къ «тишинѣ», къ «малому дому», гдѣ бъ онъ спокойно могъ предаваться научной и литературной работѣ, и въ этой его склонности нельзя не усмотрѣть вліянія тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ родительскаго дома. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ чувствовать себя общественнымъ дѣятелемъ, когда сознаніе гражданскаго долга проникло все его существо, онъ, согласно съ тѣми же впечатлѣніями, давая волю своей склонности, усматривалъ благо и счастье близкихъ ему людей, а затѣмъ народа, съ которымъ онъ сроднился всею душой, своего пріемнаго отечества, къ свѣтлому будущему котораго онъ питалъ безграничное довѣріе и принадлежностью къ которому онъ гордился, ревниво оберегая добрую его славу и достоинство передъ другими народами, какъ

писатель и какъ дипломатъ, впослѣдствіи, говорю я, онъ, примыкая къ традиціямъ царствованія Петра Великаго, усматривалъ счастье и благо Россіи въ распространеніи просвѣщенія среди русскаго народа, въ заимствованіи у другихъ народовъ всего, что они выработали хорошаго, критически относясь къ этому хорошему и не принимая мишуры за золото. Такъ, любовь къ просвѣщенію и любовь къ ближнему, а затѣмъ и къ соединенію ближнихъ, къ отечеству, уже съ малолѣтства развилась въ нашемъ сатирикѣ и, въ связи съ чувствомъ безграничнаго уваженія къ Петру Великому, легла въ основу всей литературной, общественной и государственной дѣятельности Кантемира.

Въ общей я пользѣ собственную чаю.

Этотъ стихъ изъ письма къ князю Н. Ю. Трубецкому сталъ какъ бы девизомъ всей его жизни. Если крайнимъ его стремленіемъ было въ тишинѣ «изслѣдовать всѣхъ вещей дѣйствія и причины», то этимъ онъ не только хотѣлъ удовлетворить стремленію, присущему его душѣ, но и подѣлиться съ другими результатами этихъ изслѣдованій, воспользоваться ими для увеличенія благополучія и счастья своихъ соотечественниковъ, для которыхъ онъ мыслилъ, трудился и жилъ. Любовь къ научному труду, къ искусству, просвѣщенный патріотизмъ и глубокое религіозное чувство — вотъ что Кантемиръ вынесъ изъ родительскаго дома. Религіозное чувство, которое ему было въ дѣтствѣ внушено, отличалось, какъ мы увидимъ, такимъ же просвѣщеннымъ характеромъ, какъ и его патріотизмъ. Онъ далекъ былъ отъ всякой религіозной нетерпимости, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ людьми различныхъ вѣроисповѣданій и мало дорожилъ внѣшнею стороной религіи, оставаясь, однако, вѣренъ православной церкви. *Сементковскій.*

Образованіе Кантемира въ отрочествѣ и его общественная и политическая дѣятельность.

Послѣ Персидскаго похода, отецъ Антіоха заболѣлъ и умеръ въ своемъ малороссійскомъ помѣстьѣ. Такъ какъ ни одинъ изъ сыновей, по несовершеннолѣтію, не имѣлъ еще права наслѣдовать князю Димитрію, то князь Димитрій оставилъ завѣщаніе, въ которомъ просилъ самого царя распорядиться его состояніемъ, прибавляя отъ себя, что «успѣхи въ наукахъ должны рѣшить, кому владѣть наслѣдствомъ», а рѣшеніе должно послѣдовать тогда, когда всѣ братья придутъ къ совершеннолѣтію. При этомъ отецъ особенно выставлялъ Антіоха, и называлъ его «въ умѣ и наукахъ отъ всѣхъ сыновей своихъ лучшимъ». На образованіе дѣтей князь Димитрій, въ завѣщаніи своемъ, указывалъ выдавать ежегодно по 3000 рублей,

и просилъ государя оказать имъ такую милость—послать ихъ для окончанія образованія «въ иныя страны».

На этомъ основаніи, немного спустя послѣ смерти отца, шестнадцатилѣтній Кантемиръ сталъ проситься у царя за границу, для окончанія своего ученія; но просьба его почему-то оставлена была Петромъ, противъ всякаго ожиданія, безъ исполненія, и молодому человѣку пришлось оканчивать образованіе свое въ Петербургѣ, уже послѣ смерти самого Петра, подъ руководствомъ первыхъ прибывшихъ въ Москву академиковъ: Бернулли ознакомилъ его съ высшей математикой, Байеръ—съ исторіей всеобщей, Гроссъ съ нравоучительной философіей.

Восемнадцати лѣтъ Кантемиръ уже рѣшился выдать въ свѣтъ первый литературный трудъ свой, «Симфонію на псалтырь», которая и была напечатана въ 1727 году, съ предисловіемъ, въ которомъ объяснялъ цѣль книги: авторъ высказывалъ въ немъ желаніе принесть практическую пользу тѣмъ, кто любитъ ссылаться на изреченія библіи. Біографы Кантемира видятъ въ этомъ трудѣ, и въ особенности въ предпосланіи труду посвященія императрицѣ Екатеринѣ I, слѣды вліянія и помощи Кантемирова наставника, Ильинскаго, который и самъ около того же времени занятъ былъ подобнымъ же трудомъ—составленіемъ «симфоніи на четвероевангеліе». Въ посвященіи Екатеринѣ о книгѣ Кантемира говорится, что «трудокъ сей прилежности паче неже остроумія указаніемъ есть», и что онъ «сочинился аки бы самъ собою, за частое во священныхъ псалмопѣніяхъ упражненіе»... Это указаніе важно для насъ въ томъ смыслѣ, что свидѣтельствуетъ не менѣе самого сюжета, избраннаго въ основу книги, о томъ религіозномъ настроеніи молодого Кантемира, которое составляло въ теченіе всей послѣдующей жизни его одну изъ существенныхъ сторонъ его характера, несмотря на то, что онъ сильно вооружался противъ современныхъ ему церковныхъ нестроеній и оставилъ намъ въ своихъ сатирахъ много очень рѣзкихъ отзывовъ о важнѣйшихъ представителяхъ современнаго духовенства и о грубомъ невѣжествѣ низшихъ слоевъ его.

Въ это время, какъ извѣстно, Кантемиръ находился уже на службѣ въ Преображенскомъ полку, и, вѣроятно, около того же времени сблизился съ кружкомъ Ѳеофана, такъ какъ оба эти образованнѣйшіе представители современнаго русскаго общества не могли не оцѣнить другъ друга. Притомъ же Кантемиръ былъ страстнымъ поклонникомъ европейской науки, а слѣдовательно и реформы Петра, открывшаго ей прямой доступъ въ Россію; а такъ какъ главнымъ сторонникомъ и представителемъ идей реформы является въ современномъ обществѣ Ѳеофанъ, то сближеніе съ нимъ Кантемира, не смотря на разницу въ лѣтахъ, скоро обратилось въ тѣсную дружбу. Кантемиръ не былъ человѣкомъ способнымъ принадлежать къ какой бы то ни было партіи; ни по лѣтамъ ни по взглядамъ своимъ не могъ онъ сочувствовать интригамъ и борьбѣ, волновав-

шимъ и раздѣлявшимъ тогда все общество на отдѣльные кружки. Но тягостныя обстоятельства вскорѣ вынудили и благодушнаго Кантемира избрать себѣ партію, не только сочувственно отнестись къ ея интересамъ, но даже горячо ихъ отстаивать. Въ царствованіе Петра II, когда вся власть находилась въ рукахъ верховнаго Тайнаго Совѣта, братъ Кантемира женился на дочери одного изъ «верховниковъ» князя Димитрія Михайловича Голицына, и такъ какъ даже и младшій изъ Кантемировъ, Антіохъ, былъ въ это время не только совершеннолѣтнимъ, но даже и получилъ уже офицерскій чинъ, то князь и воспользовался этимъ случаемъ для приведенія въ исполненіе завѣщанія Кантемира-отца. Въ завѣщаніи, какъ мы выше замѣтили, предоставлялось Государю право передать все имѣніе въ руки достойнѣйшаго изъ братьевъ Кантемировъ: такимъ достойнѣйшимъ, конечно, явился зять Голицына, Константинъ Кантемиръ, и все имѣнье отца (болѣе 10.000 душъ крестьянъ) перешло въ его руки. Антіохъ, вмѣстѣ съ остальными братьями и сестрами, остался безъ всякихъ средствъ къ существованію, кромѣ весьма скуднаго офицерскаго жалованья. Такая грубая несправедливость одного изъ нашихъ вельможъ, поставившая Кантемира въ затруднительное положеніе, заставила его выйти изъ колеи обыденнаго спокойствія и умѣренности, свойственной его нраву, и глубоко затаить въ себѣ ненависть къ той партіи, которой представителемъ являлся князь Дм. Мих. Голицынъ. Это настроеніе высказалось, съ одной стороны, въ двухъ первыхъ замѣчательныхъ сатирахъ Кантемира, которыя были написаны именно около времени вступленія на престолъ Анны Іоанновны; съ другой стороны, то же настроеніе выразилось и въ самомъ тѣсномъ сближеніи съ Ѳеофаномъ, въ которомъ молодой Антіохъ сталъ теперь видѣть уже не просто представителя извѣстныхъ идей реформы, не только любителя просвѣщенія и литературы, а ловкаго, искуснаго въ интригѣ главу партіи, враждебной стремленіямъ верховниковъ, къ которымъ Кантемиръ относился также враждебно подъ вліяніемъ своихъ личныхъ обстоятельствъ. Къ тому же, Ѳеофанъ, около этого времени, находился въ положеніи трудномъ и опасномъ, и враги его, повидимому, уже готовились торжествовать побѣду... Обоюдное несчастье и тягостное положеніе, переживаемое обоими друзьями, еще болѣе скрѣпило узы, связывавшія ихъ, и заставило ихъ дружно стать на сторону той партіи, которая, противно желаніямъ верховниковъ, возвела на престолъ Анну Іоанновну безъ всякихъ ограниченій ея власти. Верховники погибли, но скоро стали сбываться и страшныя слова одного изъ нихъ, князя Дм. Мих. Голицына: — «Мое поприще кончается», сказалъ онъ, «но тѣ, которые заставили меня плакать, поплачутъ еще долѣе, нежели я». И дѣйствительно, власть оказалась вскорѣ въ рукахъ страшнаго Бирона, и всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстно, какъ онъ ею воспользовался... Однако же, отъ переворота и паденія верховниковъ, на первыхъ порахъ, кое-кто и выигралъ; къ числу

немногихъ принадлежалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, избавившійся отъ наиболѣе опасныхъ враговъ своихъ, и Кантемиръ, которому возвращена была нѣкоторая часть его состоянія. Наконецъ, въ 1731 году, при могущественномъ содѣйствіи сильнаго въ то время при дворѣ князя Черкасскаго и другихъ лицъ восторжествовавшей партіи, двадцати-двухъ лѣтній Кантемиръ, котораго Черкасскій прочилъ себѣ въ зятья, былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ.

Полевой.

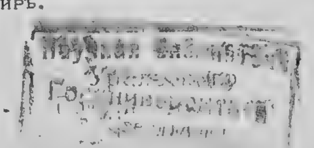
Ученый кружокъ Ѳеофана Прокоповича.

Ѳеофанъ былъ душою небольшого кружка лицъ, которыя вводили въ общество новыя образовательныя начала и прокладывали ему новые пути.

Еще въ Кіевѣ Ѳеофанъ познакомился *съ княземъ Д. М. Голицынымъ*, «разумнѣйшимъ человѣкомъ своего времени», по выраженію кн. Щербатова. Поводомъ къ этому сближенію было, вѣроятно, то, что Голицынъ давалъ академическимъ ученымъ книги для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій. Ѳеофанъ перевелъ также одну книгу съ латинскаго языка. Впослѣдствіи они разошлись съ Голицынымъ въ убѣжденіяхъ и во взглядахъ на вещи и лица. Голицынъ былъ почитателемъ Стефана Яворскаго до конца его жизни и содѣйствовалъ изданію «Камня вѣры», конечно, противъ желаній Ѳеофана. Въ событіяхъ 1730 года Голицынъ и Ѳеофанъ принимали равное участіе, но шли къ разнымъ цѣлямъ. Успѣхъ оправдалъ дѣло Ѳеофана, а Голицынъ погибъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ 1729 году молодой князь *Антіохъ Кантемиръ* написалъ первую сатиру: «На хулящихъ ученіе». Одинъ изъ пріятелей князя выпросилъ ее прочитать и показалъ Ѳеофану, считая его, по его убѣжденіямъ и по степени образованія, лучшимъ судьею и цѣнителемъ подобныхъ произведеній. Ѳеофану очень понравилась сатира. Онъ привѣтствовалъ начинающій талантъ извѣстнымъ одобрительнымъ посланіемъ.

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, колпкой достоинъ ты славы.
Да почто жъ было имя укрывати?
Знать, тебѣ страшны сильныхъ глупцовъ нравы.
Плюнь на ихъ грозы, ты блаженъ трикраты.
Благо, что Богъ далъ умъ тебѣ здравый;
Пустъ весь міръ будетъ на тебя гнѣвливый,
Ты и безъ счастья довольно счастливый.
Объемлетъ тебя Аполлинъ великій,
Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
О тебѣ поютъ парнасскіе лики,
Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
И будетъ сладка въ будущіе вѣки;
А я и нынѣ сущій твой любитель:
Но сіе за верхъ славы твоей буди,

Что тебѣ злые ненавидятъ люди.
А ты, какъ началъ течи путь преславный,
Коимъ книжные текли исполины,
И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ ученой дружины,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
Кой плодъ ученый не единъ искуситъ,
А дураковъ злость языкъ свой прикуситъ.

Благодарный поэтъ посвятилъ Өеофану одну изъ своихъ сатиръ — 3-ю — написанную имъ въ 1730 году и посвященную изображенію человѣческихъ страстей. Къ сатирѣ присоединены были стихи, выражающіе чувства поэта къ Өеофану.

Устами ты обязалъ меня и рукою,
Далъ хвалу мнѣ свыше мѣръ, заступилъ не мало.
Сатирику то забыть никакъ не пристало,
Иже неблагодарства страсть хулитъ трубою.
Нѣтъ! но силы воздавать дары равномѣрны
Въ знакъ благодаренія, увы! запрещаютъ.
Пріими убо сія, хоть и не блистаютъ
Дары изяществомъ, однакъ знаки воли вѣрны.

Сатира начинается и оканчивается обращеніемъ къ Өеофану и разсыпаетъ ему похвалы щедрою рукою.

Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышшей мудрости тайны свои открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ, —
Өеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что можетъ поняти.
Скажи мнѣ, можешь бо ты, всѣмъ всякаго рода
Людямъ, давши тѣло тожъ и въ немъ духъ, природа,
Она ли имъ разныя надѣлила страсти,
Которыя одолѣть уже не въ ихъ власти,
Или другой ключь тому ручью искать нужно?

Потомъ, частію подъ вымышленными, частію подъ собственными именами, сатирикъ описываетъ разныя людскія страсти и, наконецъ, заключаетъ свою сатиру:

Да не пора ль, Муза моя, губы
Прижавъ кончить нашу рѣчь? Сколь наши ни любы
Намъ рѣчи, мѣру въ нихъ знать здравый смыслъ насъ учитъ.
Всякому, лишно долга, рѣчь уху наскучитъ,
И должно помнить тебѣ, съ кѣмъ мнѣ идетъ слово:
Өеофана чаешь ли не имѣть иново
Дѣла, развѣ выспаться, досыта покушать,
И, поджавъ руки, весь день стихи мои слушать.
Пастырь прилежный своемъ о стадѣ радѣетъ
Недремно; спасенія сѣмя чисто сѣетъ
И раститъ примѣромъ онъ такъ какъ словомъ, тщится.
Главный и церкви всея правитель садится

Не напрасно подъ царя. Церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей, и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ исходитъ
Изъ его устъ, и ведетъ въ истинну дорогу.
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
Намъ струи; труды его безъ конца различны...

Кантемиръ такъ же, какъ Ѳеофанъ, принималъ участіе въ событіяхъ 1730 года. Онъ присталъ къ партіи консерваторовъ существующаго порядка, во главѣ которой были Ѳеофанъ, князь Черкасскій и князь И. Ю. Трубецкой. Ему, какъ литератору, поручена была редакція прошенія къ императрицѣ о принятіи самодержавія. Императрица приняла прошеніе и пожаловала Черкасскому и Трубецкому андреевскіе ордена, а Кантемиру съ братьями тысячу тридцать крестьянскихъ дворовъ.

Какъ Ѳеофанъ въ проповѣдяхъ, такъ Кантемиръ въ сатирахъ, вооружаются противъ недостатковъ современнаго общества, такъ что между проповѣдями и сатирами можно провесть довольно полную параллель. Тотъ и другой показывали народу необходимость и пользу разныхъ отраслей знанія, осмѣивали ханжество и суевѣрія, изъясняли пользу путешествій и внушали религіозную терпимость въ отношеніи къ иноземцамъ и выгоду отъ обращенія съ ними. Переходное время ихъ представляло два типа враговъ просвѣщенія и совершаемыхъ въ духѣ его преобразованій: упорныхъ невѣждъ и недоученыхъ прогрессистовъ и цивилизаторовъ, считавшихъ за существенное одну лишь внѣшность, одинъ лоскъ европейца. Первыхъ, разумѣется, было несравненно больше по численности и силѣ, нежели послѣднихъ, и на нихъ-то направляютъ Ѳеофанъ свои поученія, Кантемиръ — свою сатиру. Но и другой классъ враговъ просвѣщенія также подпалъ подъ ихъ перо.

Къ этому же кругу образованныхъ лицъ принадлежалъ *Н. В. Татищевъ.* Русскій душою, складомъ ума и характера, онъ расходился съ Ѳеофаномъ во многихъ убѣжденіяхъ, но тяготѣлъ къ нему, какъ человѣкъ образованный къ человѣку высшаго ума и образованія. Умъ и образованность сближаютъ людей, имѣющихъ не только различныя, но и противоположныя убѣжденія, если только они честно слѣдуютъ своимъ убѣжденіямъ, не выставляя ихъ напоказъ и не скрывая за ними какихъ-нибудь эгоистическихъ стремленій. Напротивъ, это столкновеніе различныхъ взглядовъ и убѣжденій полезно и благотворно тѣмъ, что возбуждаетъ новые вопросы, открываетъ въ предметѣ новыя стороны, выясняетъ и упрочиваетъ самыя убѣжденія, и образуетъ между ними точки соприкосновенія и сближенія.

Одинъ изъ разговоровъ съ Татищевымъ былъ поводомъ Ѳеофану къ сочиненію разсужденія: *О книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣснь пѣсней.*

Въ свою очередь и Татищевъ не оставался безучастнымъ къ бесѣдамъ Θеофана. Въ своей исторіи онъ часто и съ большою похвалою ссылается на указанія и замѣтки Θеофана. «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ», — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — «какъ былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ». Подъ вліяніемъ одной бесѣды съ нимъ, Татищевъ написалъ «Разговоръ о пользѣ наукъ», который завѣщалъ, какъ дорогое наслѣдіе, своему сыну. Въ заключеніе своей замѣчательной *Духовной* сыну, онъ говоритъ: «Наконецъ, какъ я тебѣ уже ничего завѣщать не имѣю болѣе, но токмо для тебя о тебѣ самомъ и что тебѣ нужно къ разумѣнію, слѣдующимъ «Разговоромъ» награждаю, который прошлаго 733 года будучи здѣсь, по случаю разговора съ князь Сергіемъ Долгоруковымъ началъ, чрезъ разговоръ съ архіепископомъ новгородскимъ Θеофаномъ Прокоповичемъ и съ князь Алексѣй Михайловичемъ Черкасскимъ, яко же съ нѣкоторыми профессоры академіи, разсуждалъ, продолжая и тебѣ тѣмъ пользу принести». Въ этой Духовной онъ совѣтуетъ сыну читать на ряду съ твореніями знаменитыхъ отцовъ и учителей Церкви сочиненія Θеофана Прокоповича — «истолкованіе десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за Катихизисъ, а малый Букварь — за лучшее нравоученіе служить могутъ».

Во взглядахъ у него много сходнаго съ Θеофаномъ. Совершенно согласно съ его образомъ мыслей Татищевъ пишетъ въ Духовной, что «прологи и житія святыхъ въ Минеяхъ-Четьихъ надобно читать такому, кто довольно въ письмѣ святомъ искусился и могъ бы довольно разсуждать; ибо хотя въ нихъ многія исторіи въ истинѣ оскудѣваютъ и неразсуднымъ соблазны къ мнительству о всѣхъ, въ нихъ положенныхъ, подать могутъ; однакожъ тѣмъ не огорчевайся, но разумѣй, что все оное къ благоуханному наставленію предписано, и тщися подражать дѣламъ ихъ благимъ». Между прочимъ, онъ совѣтуетъ сыну, послѣ достаточнаго ознакомленія съ своимъ (православнымъ) закономъ, изучать творенія писателей католическихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ, чтобы, встрѣчаясь въ обществѣ съ людьми этихъ вѣроисповѣданій, вступая въ разговоры съ ними, не быть ими обманутымъ; но не совѣтуетъ вступать въ споры съ единовѣрцами, чтобъ не подать людямъ о себѣ злого мнѣнія. Въ примѣръ онъ указываетъ на самого себя. «Я хотя о Богѣ и правости божественнаго закона никогда сомнѣнія не имѣлъ, ниже о томъ съ кѣмъ въ разговоръ или преніе вступалъ; но потому, что я нѣкогда о убыткахъ, законами человѣческими въ тягость положенныхъ, говаривалъ, отъ несмысленныхъ и безразсудныхъ, невѣдущихъ Божьяго закона и токмо человѣческіе уставы противу заповѣданія Христова чтущихъ, не только за еретика, но и за безбожника почитанъ и не мало невиннаго поношенія и бѣдъ претерпѣлъ». «Съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда

не согласуйся, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ, о чемъ тебѣ исторіи нашего государства ясные приклады показать могутъ, какъ то нѣкоторые и предъ немногими лѣты безумно начинали».

Извѣстно, что Татищевъ участвовалъ въ событіяхъ 1730 года. Когда Верховный Совѣтъ предложилъ дворянству представить свои соображенія о лучшемъ образѣ правленія, составилось много кружковъ. Въ одномъ изъ нихъ дѣйствовалъ Татищевъ. Въ духѣ политики, внушаемой своему сыну, онъ составилъ и подалъ мнѣніе о несправедливомъ присвоеніи верховниками власти избирать государя и издавать законы и о неприкосновенности монархической самодержавной власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ соображенія, принятыя наибольшимъ числомъ дворянства, объ устройствѣ Сената и изданіи новыхъ законовъ, объ учрежденіи народныхъ училищъ, о улучшеніи быта духовенства и купечества и объ учрежденіи правильнаго престолонаслѣдія. Наконецъ, Татищевъ принималъ участіе въ поднесеніи императрицѣ адреса о принятіи ею самодержавія. Императрица была довольна образомъ его дѣйствій и назначила его церемоніймейстеромъ при своей коронаціи.

Такъ всѣ перечисленныя нами передовыя лица своей эпохи принимали участіе въ смутныхъ событіяхъ 1730 года, но каждый по своему.

Чистовичъ.

Съ живымъ интересомъ и участіемъ относился Ѳеофанъ и къ литературѣ, желая видѣть въ ней выразительницу новыхъ идей. Онъ близко сошелся съ молодымъ поборникомъ просвѣщенія, Кантемиромъ, который рѣшился возвысить голосъ въ защиту науки въ тяжелое для нея время. Общіе интересы, сходство убѣжденій и одинаковый складъ ума обоихъ писателей закрѣпили дружескія отношенія между ними. Кантемиръ скоро подпалъ подъ вліяніе Прокоповича; почти во всѣхъ своихъ сатирахъ онъ указываетъ на тѣ же самые факты, развиваетъ тѣ же идеи, какія были предметомъ похвальныхъ и торжественныхъ проповѣдей Ѳеофана. Уже въ первой сатирѣ мы видимъ слѣды этого вліянія: изображая невѣждъ, презрительно отзывающихся о наукѣ, авторъ выводитъ, между прочимъ, епископа, имѣющаго, какъ сказано въ примѣчаніи, много сходства съ Д***, который «въ наружныхъ церемоніяхъ поставлялъ всю первосвященства должность, а существенную, которая есть душеспасительными поученіями къ добродѣтели наставлять паство свое, презиралъ». Въ этой характеристикѣ не трудно узнать врага Ѳеофанова, Георгія Дашкова, надъ которымъ и Кантемиръ и Прокоповичъ вдоволь насмѣялись въ своихъ стихотвореніяхъ. Далѣе, дореформенный Сильванъ говоритъ, какъ мы замѣтили выше, почти то же и почти тѣми же словами, что «идіотъ» въ одномъ изъ разговоровъ Ѳеофана; опровергая ходячее мнѣніе, что «расколы и ереси науки суть дѣти», Кантемиръ (въ примѣчаніи) почти дословно повторяетъ сказанное

въ «Духовномъ Регламентѣ»[1]). Ханжа Критонъ, который, перебирая четки, ворчитъ на новые порядки, на то, что «дѣти наши

. . . къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину,

а главное, — «мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ», этотъ ханжа, вздыхающій о добромъ старомъ времени, — одинъ изъ любимыхъ типовъ Прокоповича, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ характеризовавшаго своихъ противниковъ, представителей старо-церковной партіи. Какъ враги образованія, эти люди возстаютъ и противъ проповѣди, замѣчая, что

Казанье писать — пользы нѣтъ ни малой мѣры:
Есть для исправленія нравовъ Камень Вѣры.

Этой характеристикой Кантемиръ язвитъ сторонниковъ Стефана Яворскаго. Исправленіе нравовъ въ смыслѣ «Камня Вѣры» означало изгнаніе иностранцевъ, въ особенности—нѣмцевъ, и возвращеніе къ временамъ патріаршества—идея, которая при Петрѣ II получила, какъ мы видѣли, особенную силу.

Общій тонъ первой сатиры Кантемира — горькая жалоба на пренебреженіе къ наукѣ во всѣхъ классахъ общества, на то, что «злобныхъ слова умными владѣютъ», что невѣжество занимаетъ привилегированное положеніе, вполнѣ соотвѣтствовалъ личному настроенію Ѳеофана въ это, тяжелое для него, время, когда онъ, обращаясь къ молодому сатирику, писалъ:

Ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно, —
    Все ненастье,
Нѣтъ и надежды, о, многобідно
    Мое счастье...
Прошелъ день пятый, а водъ дождевныхъ
    Нѣтъ отміны,
Нѣтъ же и конца воплей плачевныхъ,
    И кручины...

а Кантемиръ утѣшалъ его, издѣваясь надъ «славнымъ воромъ Егоромъ», и, указывая на приближеніе Діаны, готовой истребить звѣрей, вредящихъ стаду пастыря, пророчилъ ему скорое наступленіе красныхъ

---

[1]) «Хотя то правда, что почти всѣ ересей начальники были ученые люди, однакожь отъ того не слѣдуетъ, что тому причина была ихъ наука, понеже много ученыхъ, которые не были еретики... Между тѣмъ и то примѣтно, что въ Россіи расколы больше отъ глупости, чѣмъ отъ ученія рождаются; суевѣріе же есть истое невѣжества порожденіе». *Кантемиръ*, Соч., стр. 26. Ср. еще *Ѳеофана* Слова и Рѣчи, I, сл. 12, и II, сл. 1 и 17.

дней[1]). Роль Кантемира въ событіяхъ при воцареніи Анны Ивановны, имѣла такой же характеръ, какъ и роль Ѳеофана; оба они шли къ одной цѣли, что, конечно, должно было еще болѣе сблизить ихъ.

Прочитавъ первую сатиру Кантемира, Ѳеофанъ прислалъ ему похвальные стихи, въ которыхъ совѣтовалъ ему открыто выступить на борьбу съ невѣжествомъ и порокомъ, «плюнуть на грозы сильныхъ глупцовъ» и итти славнымъ путемъ, «коимъ книжные текли исполины».

Пусть весь міръ будетъ на тебе гнѣвливый, —
Ты и безъ счастья довольно счастливый!

Во второй сатирѣ — «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» — Кантемиръ, мимоходомъ, задѣваетъ враговъ Ѳеофана — «Егора», который «чинъ патріаршъ достати ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати», и Меншикова:

Кто не всѣ еще стеръ съ грубыхъ рукъ мозоли,
Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя» — крича — «ясно свѣчи
Горятъ», кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи, —
Тотъ, на высоку степень вспрыгнувши, блистаетъ[2])...

нападаетъ на свѣтское двоевѣріе, на полуобразованное невѣжество[3]) и въ лицѣ Клита восхваляетъ «беззлобное притворство, которое нраво-

[1]) *Кантемиръ*, стран. 283—288. Замѣтимъ, кстати, что извѣстные стихи въ «Epodos consolatoria» Кантемира:

«Сенька и Ѳедька когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ немазаны двери скрипѣли
Ветчиною» —

кажутся намъ недостаточно объясненными. Н. С. Тихонравовъ видитъ въ «Сенькѣ» намекъ на Симеона Полоцкаго (*Библіогр. Зап.*, (1859) 67), а Пекарскій въ «Ѳедькѣ» — на Поликарпова (34-е присужденіе демид. наградъ (С.-Пб. 1866), 135). Сравненіе Ѳеофана съ Симеономъ Полоцкимъ очень странно; Симеонъ давно умеръ, дѣятельность его была совершенно иная, и главное — съ точки зрѣнія Ѳеофана не могла заключать въ себѣ ничего предосудительнаго; едва ли можно думать, что Кантемиръ хотѣлъ указать на превосходство *стиховъ* Ѳеофана предъ стихами Полоцкаго, — это указаніе было бы слишкомъ мелочно и незначительно; смыслъ словъ Кантемира, кажется, тотъ, что Ѳеофанъ всей своей дѣятельностью и своими дарованіями стоитъ несравненно выше «Сеньки и Ѳедьки»; эти уничижительныя имена обозначаютъ, конечно, противниковъ Прокоповича, неумѣло и неудачно соперничавшихъ съ нимъ. Если такъ, то и Ѳедоръ Поликарповъ едва ли можетъ итти въ сравненіе съ Прокоповичемъ: это личность слишкомъ мало замѣтная, и притомъ въ борьбѣ съ Ѳеофаномъ не принимавшая никакого участія. Не слѣдуетъ ли, вмѣсто «Сенька» читать «Стенька», что означало бы Стефана Яворскаго? Въ такомъ случаѣ и «Ѳедька», можетъ быть, — Ѳеодосій Яновскій?

[2]) Сат. II, 25—29.

[3]) Ср. сат. IV, 145—148:

....глупецъ, что губы чуть помазалъ въ латину,
Хвастаетъ наукою и ищетъ причину
Безвременно всѣмъ скучать долгими рѣчами,
Ѣстъ и пьетъ, аргументомъ, говоритъ стихами...

Здѣсь почти буквально повторяются слова Прокоповича.

учители добродѣтелью почитаютъ, подъ именемъ simulatio и dessimulatio»; царедворецъ, по мнѣнію Кантемира, долженъ «занять у Клита умѣренность въ словахъ, и лицо, которое могло бы свободно и печальнымъ и радостнымъ казаться, примѣняяся по лицу тѣхъ, съ коими находимся:

Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не остался[1])...

Мы видѣли, что это мнѣніе раздѣлялъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, хотя и осуждавшій подобострастіе, выражающееся въ грубой формѣ. Для людей того положенія, въ которомъ онъ находился, эта мораль могла, пожалуй, считаться идеальною...

Третья сатира Кантемира — «О различіи страстей человѣческихъ» — прямо посвящается Ѳеофану Прокоповичу:

Дивный первосвященникъ, которому сила
Вышшей мудрости свои тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отчего бываютъ!
Ѳеофанъ, которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что можетъ поняти!

такъ обращается сатирикъ къ своему патрону, о которомъ дальше говоритъ, что онъ

Пастырь прилежный, о стадѣ своемъ радѣетъ
Недремно; спасенія сѣмя часто сѣетъ
И растить примѣромъ онъ, такъ какъ словомъ, тщится.
Главный и церкви всея правитель садится
Не напрасно предъ царемъ; церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей, и хвальный чинъ вводитъ;
Воля намъ Всевышняго ясна ужь исходитъ
Изъ Его устъ, и ведетъ въ истинну дорогу;
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
Намъ струи; труды его безъ конца различны[2]).

Сатира состоитъ изъ характеристикъ, взятыхъ, большею частью, съ натуры; изъ нихъ нѣкоторыя напоминаютъ подобныя же характеристики въ проповѣдяхъ Ѳеофана Прокоповича: таковы изображенія льстеца Трофима (ст. 275—305) и ханжи Варлама (ст. 159—186), который, по справедливому указанію г. Чистовича, представляетъ собою Варлаама, архимандрита Троицкаго, духовника Анны Ивановны и одного изъ претендентовъ на патріаршество, слѣдовательно — врага Ѳеофанова[3]).

[1]) Сат. II, 324—326 и примѣч. къ ст. 319.

[2]) Сат. III, 1—6 и 361—372. Въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ Кантемиръ даетъ краткую біографію Ѳеофана и перечисляетъ нѣкоторыя его сочиненія.

[3]) Ѳ. Прокоповичъ, 273. Ср. примѣчанія Кантемира къ сат. III.

Въ то время, когда Θеофанъ велъ дѣятельную борьбу съ своими противниками, Кантемиръ осмѣивалъ ихъ въ сатирахъ, и поддерживая Θеофана, давалъ ему такіе совѣты:

Кто дѣло свое вершивъ, утвердить желаетъ
Въ долги вѣки, долженъ все, что тому мѣшаетъ,
Отдалять, и что вредитъ, — искоренять скоро;
Безъ того дѣло его не можетъ быть споро[1]).

Послѣ переворота 1730 года онъ, такъ же какъ и Θеофанъ, издѣвался надъ неудачнымъ исходомъ дѣла верховниковъ, внушая имъ, что

Кто древо, какъ говорятъ, не по себѣ рубитъ,
Тотъ, большово не доставъ, малое погубитъ[2]).

Восхваляя «мудры указы Петровы», обновившіе Россію и направившіе ее на путь славы и просвѣщенія (Сат. II, 283—286, VII, 65 и сл.), Кантемиръ, можно сказать, на все окружающее смотритъ точно такъ же, какъ и Θеофанъ, и въ своихъ сатирахъ подробно развиваетъ идеи и взгляды проповѣдника. Это можно прослѣдить даже и въ мелочахъ. Такъ, напримѣръ, отзывы Кантемира о духовенствѣ какъ о партіи ретроградной, невѣжественной, грубо-эгоистичной, совершенно совпадаютъ съ отзывами Θеофана, отличаясь отъ послѣднихъ только большею непринужденностью. «Пастыри душъ», обязанные заботиться объ исправленіи нравственности, молчатъ, не желая навлекать на себя неудовольствія:

Зимой дровъ никто не дастъ, ни льду въ лѣтню пору;

церковь — или пуста, или полна людьми, пришедшими туда для постороннихъ цѣлей, и почти никто не слышитъ молитвы, которую попъ «ворчитъ, спѣша сумасбродно»; молебны онъ отправляетъ «съ необъятною скоростію», чтобы побольше заработать; хвалитъ только тѣхъ, которые увеличиваютъ его доходы; а именно на этихъ доходахъ, а не на чемъ-нибудь иномъ, не на нравственномъ авторитетѣ основаны «лучшія права» церкви и вся ея слава. Попы «обычайно всю (Святую) недѣлю жадно для своей корысти по всѣмъ дворамъ Христа славятъ»; между ними рѣдко бываетъ согласіе, «понеже одного ремесла люди въ обществѣ безъ зависти пробыть не могутъ»; они прожорливы и развратны подъ личиной ханжества; при этомъ они невѣжественны: «многіе изъ нихъ лучше знаютъ, какъ звонить, нежели что читать»; попы и монахи — «толпа людей брадатыхъ, черною главою кивающихъ», главные противники просвѣщенія и прогресса, потому что они, «всякой науки лишены будучи, всякое мнѣніе, имъ неизвѣстное, за богохульное почитаютъ»; достаточно сравнить всѣ эти выраженія съ «Регламентомъ» и книгой Θеофана о блаженствахъ, чтобы видѣть, откуда идутъ взгляды Кантемира на современное ему духовенство[3]).

[1]) Соч., стран. 327.

[2]) Тамъ же, стран. 329.

[3]) См. сат. I, 119 примѣч., 144—146; II, 22 пр., 259 пр.; III, 17 пр.; 172—181; V, 47—50, 150; V, 255—259, 381, 427 и прим.

Въ этомъ отношенiи особеннаго вниманiя заслуживаетъ сатира IX — «На состоянiе свѣта сего», представляющая, можно сказать, переложенiе въ стихи проповѣдей Ѳеофана. Авторъ говоритъ о суевѣрiяхъ и расколахъ:

Мужикъ, который соху оставилъ недавно,
Аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно,
А прислушайся, что вретъ . . .
. . . богословски рѣчи:
Какiя предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло старинѣ противно, и т. д.

Таково богословiе неграмотныхъ мужиковъ;

Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?
Тѣ-то суевѣрiе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ головъ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы...

Попробуй поспорить съ такимъ «ученымъ» и увидишь, что онъ наговоритъ тебѣ:

Вынетъ тебѣ съ сундука тетради цвѣлыя,
Предложитъ исторiи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего отца Аввакума...

Впрочемъ—говоритъ сатирикъ—что жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь, каковъ попъ, таковъ и приходъ:

Хочетъ ли кто божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало[1]),
То ужь тамъ однихъ ушей будетъ ему мало:
Не переслушаешь рѣчь его медоточну...

Онъ «безъ разсмотру и безъ стыда» начнетъ разсуждать о церковныхъ обрядахъ, а въ концѣ концовъ сведетъ рѣчь, какъ Ѳеофановъ Жериволъ, на то, что въ церковь нужно носить какъ можно больше денегъ, а что тѣ, которые даютъ скупо, никогда не спасутся. Во всемъ этомъ оскудѣнiи вѣры, говоритъ онъ,—виноваты «проклятые нѣмцы», съ которыми не слѣдуетъ знаться, такъ какъ они совращаютъ православныхъ съ пути спасенiя...

Горячо отстаивая науку и желая внести въ русское общество новый идеалъ человѣка, проникнутаго интересами европейскаго просвѣщенiя, Кантемиръ является, такимъ образомъ, проповѣдникомъ тѣхъ же самыхъ идей, за которыя ратовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ бы продолжателемъ Ѳеофана въ литературѣ. Ученикъ академиковъ Байера, Гросса, Бильфингера, Кантемиръ съ самой ранней молодости привыкъ уважать высоко цѣнимаго ими образованнѣйшаго

---

[1]) Въ кабакъ.

представителя русскаго духовенства; едва ли можно сомнѣваться, что именно бесѣды съ Ѳеофаномъ всего болѣе содѣйствовали развитію убѣжденій молодого писателя и окончательно опредѣлили направленіе его литературной дѣятельности. Князь Дмитрій Кантемиръ — человѣкъ, для своего времени тоже очень образованный, но по старому,— когда-то полемизировалъ съ Ѳеофаномъ, обвиняя его въ неуваженіи къ традиціонному православію; сынъ его Антіохъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ Прокоповича, и можетъ быть, именно послѣднему обязанъ тѣмъ, чѣмъ сталъ онъ для русской литературы. Наглядный примѣръ, характеризующій два поколѣнія...

Подобное же вліяніе новыя идеи, внесенныя въ русскую жизнь реформою Петра и проповѣдью Ѳеофана, имѣли и на другого писателя того времени, на В. Н. Татищева. Воспитанный въ школѣ Петра Великаго, потомъ побывшій за границей — въ Германіи, которую Ѳеофанъ Прокоповичъ называлъ «матерью всѣхъ странъ»,—одаренный отъ природы недюжиннымъ умомъ и наблюдательностью, самоучка Татищевъ развилъ въ себѣ интересъ къ научнымъ занятіямъ и на различныхъ поприщахъ дѣятельности, какъ инженеръ, юристъ, политикъ и историкъ, заявилъ себя человѣкомъ, съ любовью относящимся къ своему дѣлу. Знакомство съ трудами Декарта, Бэйля и Бэкона содѣйствовало развитію въ немъ того скептическаго раціонализма, которымъ въ заключительной степени отличался Ѳеофанъ, высоко цѣнившій названныхъ писателей; Татищевъ привыкъ относиться критически и къ русской старинѣ и къ современности, и у него рано, еще въ молодости, сложились тѣ оригинальные взгляды, которые, по тому времени, считались крайнимъ вольнодумствомъ, и за которые неосторожный раціоналистъ былъ однажды больно побитъ «изъ царскихъ рукъ». Сходство политическихъ и философскихъ убѣжденій, преданность одному и тому же дѣлу, естественно, должны были сблизить его съ Ѳеофаномъ; въ 1730 году Татищевъ выступилъ энергичнымъ защитникомъ того же принципа, который отстаивалъ Прокоповичъ; мы уже имѣли случай упоминать о его запискѣ, заключающей въ себѣ тѣ же самыя доказательства необходимости для Россіи самодержавія, какія развиваются въ проповѣдяхъ новгородскаго архіерея. Какъ самъ Ѳеофанъ, такъ и близкіе къ нему академики, интересовавшіеся русскою исторіей, поощряли Татищева къ изслѣдованію родной старины; уѣзжая изъ Петербурга, онъ велъ съ ними переписку, а живя въ столицѣ, нерѣдко бесѣдовалъ съ Ѳеофаномъ о различныхъ отвлеченныхъ вопросахъ. Памятникомъ одной изъ такихъ бесѣдъ осталась, написанная Ѳеофаномъ въ 1730 году, небольшая апологія «Пѣсни Пѣсней»[1]), книги, о которой Татищевъ

[1]) «Разсужденіе о книгѣ Соломоновой, нарицаемой Пѣснь Пѣсней, яко она есть не человѣческою волею, но Духа Святаго вдохновеніемъ написана отъ Соломона, и яко не плотскій въ ней разумъ, но духовный и божественный заключается, *противъ неискусныхъ и малоразсудныхъ мудрецовъ*, легко о книгѣ сей помышляющихъ, сочиненное 1730 года». 1-е изд., М., 1774, 4°; 2-е, М., 1784, 4°; находится, кромѣ того, въ рукописяхъ И. П. Б., Q. I, 459 и Погод. № 1176.

отозвался не совсѣмъ осторожно. Когда зашла рѣчь объ этой книгѣ, онъ (какъ разсказываетъ Прокоповичъ въ предисловіи къ своей апологіи),—«поворотя лицо свое въ сторону, ругательнѣ усмѣхнулся; а когда и далѣ еще, поникнувъ очи въ землю, съ молчаніемъ и перстами въ столбъ долбя, притворный видъ на себѣ показывалъ, вопросили мы его съ почтеніемъ: что ему на мысль пришло? и тотчасъ отъ него нечаянный отвѣтъ получили: «Давно—рече—удивлялся я, чѣмъ понужденные не токмо простые невѣжи, но и сильно ученые мужи возмечтали, что Пѣснь Пѣсней есть книга Св. Писанія и слова Божія? А по всему видно, что Соломонъ, разжизаяся похотію къ невѣстѣ своей, царевнѣ египетской, сія писалъ, какъ то у прочихъ, любовію зжимыхъ, обычай есть; понеже любовь есть страсть многорѣчивая и молчанія нетерпящая, чего ради во всякомъ народѣ ни о чемъ иномъ такъ многія пѣсни не слышатся, какъ о плотскихъ любезностяхъ». Симъ отвѣтомъ *такъ пораженное содрогнулось въ насъ сердце*, что не могли мы придумать, что сказать. А понеже онъ и еще повторялъ тожде свое *злорѣчіе*, того ради»—Θеофанъ и написалъ свое разсужденіе. Очевидно, въ этомъ пунктѣ мнѣнія его рѣшительно расходились съ смѣлыми отрицательными сужденіями Татищева.

Результатомъ другой бесѣды Татищева съ Θеофаномъ, княземъ А. М. Черкаскимъ и нѣкоторыми академиками былъ написанный первымъ, въ поученіе своему сыну, «Разговоръ о пользѣ наукъ», сочиненіе, которое можетъ служить богатымъ матеріаломъ для характеристики личности русскаго интеллигентнаго человѣка первой половины прошлаго столѣтія. Отзывы Татищева о Θеофанѣ, вообще, свидѣтельствуютъ о томъ высокомъ уваженіи, какимъ пользовался въ глазахъ его просвѣщенный сотрудникъ Петра Великаго[1]); литературная дѣятельность Θеофана, убѣжденія, имъ высказанныя и развитыя со всею силою неизвѣстной дотолѣ ученой аргументаціи, наконецъ—личныя, довольно близкія отношенія къ Татищеву, все это должно было оказать вліяніе на образъ мыслей послѣдняго и на направленіе его трудовъ. Убѣжденіе въ необходимости для Россіи самодержавія, такъ опредѣленно и категорически высказанное Татищевымъ, имѣло, конечно, одинаковый источникъ съ такимъ же убѣжденіемъ Θеофана: оба они относились къ до-петровской старинѣ безусловно отрицательно, оба были горячими сторонниками и защитниками преобразованія, совер-

[1]) Въ своей Духовной Татищевъ совѣтуетъ, на ряду съ произведеніями отцовъ и учителей церкви читать сочиненія Θеофана—«Первое ученіе отрокомъ» и «Христовы о блаженствахъ проповѣди толкованіе». «Нашъ архіепископъ Прокоповичъ», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—«былъ въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было. По природѣ острымъ сужденіемъ и удивительно твердою памятью былъ одаренъ». Ист. Росс., I, 436, 134. Изъ замѣчаній Татищева, между прочимъ, видно, что Θеофанъ нерѣдко объяснялъ собственныя имена и географическія названія, встрѣчаемыя у древнихъ писателей славянскимъ языкомъ; такъ, напримѣръ, Далматію онъ производилъ отъ *дала мать*, амазонокъ отъ *сама жена*. Не отъ него ли заимствовалъ и Тредіаковскій свои этимологическіе пріемы?

шеннаго по почину самодержавнаго царя; на Петра Великаго они смотрѣли, какъ на необыкновеннаго героя-полубога, который своими личными трудами и усиліями, пользуясь своею безграничною властью, возродилъ Россію, вывелъ ее изъ тьмы невѣжества и варварства на новый путь, озаренный свѣтомъ знанія, сдѣлалъ ее европейскимъ государствомъ. Борьба, веденная Петромъ при ближайшемъ участіи Прокоповича, за утвержденіе новаго порядка, не кончилась со смертью царя-преобразователя; напротивъ, новыя обстоятельства содѣйствовали усиленію оппозиціонныхъ элементовъ и дѣлали борьбу еще болѣе ожесточенною и непримиримою. Люди, преданные новому порядку и явившіеся, по смерти Петра, охранителями и продолжателями начатаго имъ дѣла, твердо вѣрили, что только сильная рука правительства, ничѣмъ не ограниченнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ поддержать реформу и сломить сопротивленіе ея враговъ, защитниковъ старины. Воспитанные въ школѣ «просвѣщеннаго деспотизма», эти новые люди, между которыми первое мѣсто принадлежитъ Ѳеофану, конечно, могли судить обо всемъ не иначе, какъ съ точки зрѣнія этой теоріи. Рѣзкое противорѣчіе между новыми идеалами и складомъ старо-русской жизни съ ея традиціонными понятіями заставляло новыхъ людей смотрѣть на до-петровскую Россію почти такъ же, какъ въ наше время просвѣщенный европеецъ смотритъ на какую-нибудь Бухару: въ до-петровской Россіи они видѣли только дикость, варварство, невѣжество, суевѣріе и ханжество, отъ котораго единственное спасеніе заключалось въ «новомъ словѣ» Петра, представителя самодержавной власти. Въ до-петровской Руси, въ этомъ царствѣ непроницаемаго мрака, первенствующее положеніе принадлежало духовенству, какъ сословію единственно-учительному, идеями котораго опредѣлялся строй русской умственной и общественной жизни; это же духовенство явилось, при Петрѣ, главнымъ руководителемъ протеста противъ всякихъ преобразованій, раздававшагося постоянно во имя православія и имѣвшаго характеръ преимущественно церковный; поэтому неудивительно, что обвиненія въ невѣжествѣ, суевѣріи и пр. прилагались, главнымъ образомъ, къ представителямъ духовнаго сословія, что Петръ Великій обращалъ особенное вниманіе на преобразованіе церкви. По той же причинѣ всѣ люди реформы, начиная съ Петра, усвоили крайне неблагопріятный, даже прямо враждебный взглядъ на духовенство. Оно представлялось имъ «факціей темныхъ людей», замыслы которыхъ направлены ко вреду общества и государства, людей, возводящихъ невѣжество въ основной принципъ жизни ради своихъ корыстныхъ цѣлей. Мы видѣли развитіе этого взгляда въ указахъ Петра и въ сочиненіяхъ Ѳеофана, приравнивавшаго наше духовенство къ католическому; преобразовательная дѣятельность Петра Великаго представлялась Ѳеофану, главнымъ образомъ, въ смыслѣ борьбы за просвѣщеніе противъ теократическаго обскурантизма; мы видѣли, что этотъ взглядъ онъ высказалъ еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности,

въ своей трагедокомедіи, и не отступалъ отъ него въ продолженіе всей своей жизни; знакомство съ протестанскою полемическою литературой и съ сочиненіями передовыхъ европейскихъ мыслителей дало ему возможность обобщить это мнѣніе, такъ что въ Россіи онъ видѣлъ только частное проявленіе общаго принципа, одинаково прилагаемаго къ духовенству католическому и православному. Такое же отношеніе къ духовенству мы видимъ и у Кантемира и въ историческихъ трудахъ Татищева. Раздѣляя взгляды своихъ современниковъ, Татищевъ видѣлъ въ исторіи науку политическаго и вообще житейскаго опыта; сообразно съ этимъ взглядомъ, интересъ собственно историческій отодвигается у него (какъ и у другихъ писателей того времени) на задній планъ; на первомъ же планѣ стоитъ обсужденіе даннаго историческаго факта съ точки зрѣнія современной автору политики, морали, общественной жизни. Перенося, такимъ образомъ, понятія своего времени на времена прошедшія, историкъ и въ группировкѣ фактовъ и въ ихъ истолкованіи держится критерія чисто субъективнаго, и освѣщаетъ событія своею любимою идеей.

Такою идеею для Татищева, какъ и для Прокоповича, было оправданіе преобразователей дѣятельности Петра Великаго вообще, и спеціально по отношенію къ русской церкви; факты русской исторіи въ трудѣ Татищева группируются и освѣщаются преимущественно съ точки зрѣнія борьбы между просвѣтительною дѣятельностью правительства и абскурантизмомъ духовенства. Злонамѣренное невѣжество и ретроградство онъ считаетъ даже необходимою принадлежностью духовенства, такъ что, по его мнѣнію, въ странѣ господствуетъ невѣжество, если духовенство пользуется преобладающимъ вліяніемъ въ народѣ, — процвѣтаетъ образованность, если побѣда переходитъ на сторону свѣтской власти. Для того, чтобы выдержать эту идею, онъ даже игнорируетъ иногда факты. «Въ Россіи, науки», говоритъ онъ, — «не токмо читать и писать, но и языковъ — греческаго отъ самаго пріятія вѣры Христовой, а потомъ и латынскій языкъ — введены, и многія училища устроены были: но нашествіемъ татаръ какъ власть государей умалилася, а духовныхъ возрасла, тогда симъ, *для пріобрѣтенія большихъ доходовъ и власти, полезнѣе явилось народъ въ темнотѣ невѣдѣнія и суевѣрія содержать;* для того все ученіе въ училищахъ и въ церквахъ пресѣкли и оставили; потомъ, хотя нѣкоторые государи о томъ прилежаніе изъявили, наипаче многихъ — царь Иванъ Васильевичъ, но весьма мало успѣли, даже вѣчныя славы достойной его императорское величество Петръ Великій, яко государь премудрый, оное возобновилъ, и математическихъ наукъ и языковъ европейскихъ училища основалъ; всюду по епархіямъ училища устроилъ, и на оныя туне гиблемые великіе доходы монастырей употребить повелѣлъ; чѣмъ не токмо своихъ предковъ, но многихъ иностранныхъ государей превзошелъ, свое цѣломудріе и любовь къ отечеству всемірно изъявилъ... Но по кончинѣ его величества злостными или отечеству невѣрными, или

невѣжествомъ тѣхъ, на кого то положено было, такъ все упущено, что едва слѣды того осталися»...[1]). Въ этихъ словахъ заключается, такъ сказать, общая программа русской исторіи Татищева; эти взгляды проводятся послѣдовательно во всѣхъ его историческихъ трудахъ, что его и обвиняли въ религіозномъ вольнодумствѣ, и исторія его могла быть издана только въ либеральные годы царствованія Екатерины II. Какъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ смѣется надъ властолюбіемъ папъ, надъ желаніемъ католиковъ дать твердыя основы ученію о папской непогрѣшимости[2]), надъ внѣшнимъ пониманіемъ религіи, надъ приверженностью къ обряду, колдовствомъ, суевѣріемъ, ложными чудесами и пр.; раскольниковъ называетъ невѣждами и «пустовѣрами», но замѣчаетъ, что обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, кто чѣмъ свой толкъ утверждалъ, очень немного. Причина этой скудости заключается, по мнѣнію Татищева, въ властолюбіи церковнослужителей, въ томъ, что они, «когда отъ кого въ ихъ, противу Писанія Святаго для власти и сребролюбія учиненныхъ, законахъ правильно обличаемы бываютъ, то, не могущіи терпѣть, злобно осуждаютъ и губятъ, а бояся народа, чтобъ ихъ злость и безумство предъ всѣми не обличилось, истину тая, а лжи на оныхъ обличителей сплетая объявляютъ, и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко къ спасенію нужное, предаютъ»[3]). Обращаясь къ русскому духовенству, онъ указываетъ на предосудительное поведеніе нѣкоторыхъ митрополитовъ и патріарховъ и обвиняетъ древне-русское учительное сословіе въ особенной заботливости о собираніи богатствъ и земель. Такъ, уставъ о церковныхъ десятинахъ онъ считаетъ подложнымъ: «Слогъ новый, мню, — *попами вымышленный;* да и *съ мудростію* несогласно, чтобъ отъ всѣхъ доходовъ государственныхъ десятое на церковь давать, и тѣмъ содержанію войскъ и защитѣ и оборонѣ подданныхъ ущербъ чинить. Другое, — смотрѣть нужно, на какую потребу и сколько церковь дохода требуетъ, главная того потребность — содержаніе больницъ, богадѣленъ, и училищъ, а не на роскошность, піянство, блудъ или великолѣпіе духовныхъ... Архіепископы у насъ нѣкоторые изъ подлости и убожества имѣютъ каждогоднаго дохода до 30 тысячъ руб., однакожъ тѣмъ недовольны, ищутъ еще болѣе; противно тому фельдмаршалъ есть главный чинъ въ государствѣ, ходитъ съ войскомъ, терпитъ безпокойство и труды, имѣетъ великій обозъ и множество служителей, а 30 тысячъ дохода не имѣя, доволенъ»[4]).

---

[1]) *Н. Поповъ,* Татищевъ и его время (М. 1861) стран. 514—515. См. также статьи *П. Знаменскаго:* «Татищевъ и его исторія» въ *Трудахъ Кіев. Дух. Акад.,* 1862 года, I, 197—228, и *С. М. Соловьева,* «Писатели русск. исторіи XVIII вѣка», въ *Архивѣ ист.-юрид. свѣд. — Калачева.* т. II, отд. III, стран. 15—40.

[2]) Исторія Россійская, I, 569—570, 496.

[3]) Тамъ же, II, прим. 374.

[4]) Тамъ же, пр. 202; ср. Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, изъясненный *Татищевымъ* (М. 1768), стран. 138.

Къ извѣстіямъ, сообщаемымъ духовными писателями, Татищевъ относится крайне подозрительно. Такъ, по его мнѣнію, митрополитъ Макарій въ Степенную книгу «отъ скудости знанія въ древности или отъ лицемѣрства нѣколико недоказательныхъ обстоятельствъ внесъ»; патріархъ Никонъ переправлялъ лѣтопись, стараясь возвысить значеніе духовной власти надъ свѣтскою. Во многихъ древне-русскихъ законахъ Татищевъ также видитъ «продерзкое духовныхъ употребленіе ко утвержденію ихъ власти», о духовенствѣ же вообще говоритъ, что въ рядахъ его, «видно, ни единаго не токмо философскихъ наукъ, но и грамматики ученаго не было, и для того какая надежда отъ такихъ пастырей просвѣщенія народу уповать было должно, хотя между ними мужи благоразумые и житія похвальнаго были»[1]). Въ этомъ отношеніи Татищевъ является предшественникомъ Болтина, который и, конечно, уже подъ вліяніемъ французской «просвѣтительной» впослѣдствіи литературы, еще категоричнѣе высказалъ тотъ же взглядъ на духовенство. Болтинъ прямо заявляетъ, что духовенство вредно для народа всегда и вездѣ, чѣмъ оно просвѣщеннѣе. «Лучше быть народу суевѣрну при непросвѣщенномъ духовенствѣ», говоритъ онъ, — «нежели быть рабами просвѣщенному; легче суевѣріе истребить, нежели изъ-подъ тиранническаго ига власти духовныя освободиться; понеже корысть, любоначаліе и гордость заставятъ духовенство всѣ способы употребить къ недопущенію народа до просвѣщенія духовенства; въ противномъ случаѣ и въ Россіи власть бы его не меньше была, какъ и въ областяхъ римскаго вѣроисповѣданія». Болтинъ относился къ Татищеву съ особеннымъ уваженіемъ.

Наконецъ, и политическія убѣжденія Татищева совершенно тождественны съ убѣжденіями Ѳеофана, какъ можно видѣть изъ 45-й главы первой части его исторіи — «о древнемъ правительствѣ русскомъ и другихъ въ примѣръ». Основою государства онъ считаетъ договоръ, а основою государственнаго права — право семейное; разсуждая о различныхъ видахъ правленія, онъ, какъ и Ѳеофанъ, приходитъ къ заключенію, что признать какой-либо изъ нихъ абсолютно лучшимъ невозможно, и что зависитъ отъ условій страны, отъ состоянія общества. Въ малыхъ областяхъ съ пользою можетъ существовать демократія; въ болѣе обширныхъ, но хорошо огражденныхъ естественными границами и просвѣщенныхъ государствахъ можетъ существовать аристократія; «великія же области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ, и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится, тамъ нужна быть монархія». Говоря о порядкѣ престолонаслѣдія, Татищевъ, какъ и Ѳеофанъ въ «Правдѣ воли монаршей», до-

---

[1]) Ист., I, 63; Судебникъ, 136; 137 и др.

казываетъ, «что наслѣдственный государь имѣетъ власть престолъ поручить, кому за благо разсудитъ»[1]).

Такимъ образомъ, и Ѳеофанъ Прокоповичъ, и Кантемиръ, и Татищевъ старались въ своихъ литературныхъ трудахъ проводить въ сознаніе русскаго общества одинаковыя идеи — тѣ самыя идеи, которыя Петръ Великій проводилъ въ своихъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ; Ѳеофану принадлежитъ въ этомъ отношеніи первенство какъ по времени, такъ и по таланту, и въ этомъ смыслѣ мы, кажется, имѣемъ право говорить о его вліяніи на Кантемира и Татищева. *Морозовъ.*

Политическое и общественное положеніе дѣлъ въ Россіи времени Кантемира.

По смерти Петра въ Синодѣ засѣдали два равноправные вице-президента, два старинные врага — Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилактъ Лопатинскій.

Ѳеофанъ ученый, хитрый, многосторонне образованный, честолюбивый, дѣятельный, принадлежитъ къ числу тѣхъ страстныхъ натуръ, которыя ищутъ жизни въ движеніи впередъ, которыя создаютъ себѣ лучшіе идеалы для будущаго и, увлекаясь ими, стремятся къ нимъ всѣми силами своей души. Изъ такихъ натуръ выходятъ всегда реформаторы; во время революцій они быстро возвышаются и дѣлаются передовыми людьми, предводителями.

Еще въ юности, безвѣстнымъ, бѣднымъ ученикомъ на пути въ Римъ, Ѳеофанъ познакомился съ жизнію нѣсколькихъ чужеземныхъ странъ, съ которою могъ сравнить русскую одностороннюю жизнь, лишенную многихъ интересовъ европейской жизни. Въ Римѣ своимъ умомъ, любознательностью, остротою, настойчивостью въ трудѣ, онъ обратилъ на себя вниманіе образованнѣйшихъ іезуитовъ, которые истощили много убѣжденій, чтобы привлечь юнаго ученика на свою сторону. Но умъ его былъ не таковъ, чтобы поддаться этимъ убѣжденіямъ: ища жизни, а не схоластики, ее сковывающей, онъ уже не полюбилъ всѣхъ схоластическихъ мудрствованій и занялся изученіемъ писателей древнихъ и христіанскихъ. На ряду съ отцами церкви греческой и римской онъ знакомился съ Демосѳеномъ, Цицерономъ, Виргиліемъ, Овидіемъ и со многими другими классическими поэтами, сатириками, ораторами, историками; внимательно разсматривалъ памятники древности, и не только не увлекся «папежскимъ духомъ» (какъ онъ называетъ католичество), которымъ его хотѣли увлечь, но напротивъ, развилъ въ себѣ сатирическій духъ, и, на-

---

[1]) Ист. Росс., I, 532—535. Обзоръ русской исторіи, совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ и въ проповѣди Ѳеофана 1734 года — тамъ же, 541—547. Здѣсь всякія уклоненія отъ того государственнаго порядка, какой представлялся Прокоповичу и Татищеву, называются общимъ именемъ *безпутства.*

конецъ, явился въ кіевскую академію самостоятельнымъ дѣятелемъ. Реформаторскія стремленія онъ сначала выказалъ безъ всякой связи съ петровой реформою. Пока Петръ боролся съ шведскимъ королемъ, онъ занималъ скромную каѳедру преподавателя философіи и богословія въ кіевской академіи. И скоро слушатели Ѳеофана съ восторгомъ стали разносить по всему юго-западному краю вѣсти о новомъ изложеніи богословія. Дошло это и до Москвы, и ужаснулись московскіе схоластики смѣлости кіевскаго іеромонаха и единогласно осудили его въ отступничествѣ отъ православія. Въ другое время, конечно, онъ былъ бы задавленъ, несмотря на всю свою энергію, но реформаторскій духъ Петра далъ ему опору въ борьбѣ и направленіе его наклонностямъ. Уже въ то время сатирической и презрительной насмѣшкой поражалъ онъ ханжество и невѣжество поповъ и монаховъ (poporum et monachorum). Даже и характеромъ онъ былъ сходенъ съ Петромъ: холерико-сангвиническаго темперамента, съ сатирическимъ взглядомъ, развившимся вслѣдствіе противорѣчія узкой дѣйствительности съ его живымъ идеаломъ, онъ любилъ, подобно Петру, веселую и разнообразную жизнь, ни на мигъ не забывая дѣла. Первая встрѣча этихъ двухъ личностей, столь родныхъ по духу, была въ 1706 году, когда Ѳеофанъ въ качествѣ префекта академіи встрѣчалъ царя въ кіевскомъ софійскомъ соборѣ привѣтственною рѣчью. Въ ней ораторъ уже во многомъ отступаетъ отъ безжизненныхъ пріемовъ и вноситъ въ нее то, что дѣйствительно могло имѣть интересъ для Петра, посѣтившаго Кіевъ. Петръ, умѣвшій такъ хорошо угадывать способныхъ людей, не могъ и тогда не замѣтить такой личности, какъ Ѳеофанъ. Черезъ двѣ недѣли послѣ полтавской битвы Прокоповичъ снова встрѣчаетъ царя поздравительною рѣчью, которая по царскому приказу тогда же и была напечатана вмѣстѣ съ латинскимъ переводомъ. Затѣмъ черезъ два года царь беретъ его съ собою въ прутскій походъ, и въ это-то время, конечно, слушая его проповѣди, могъ узнать ближе его стремленія. Но по мѣрѣ того, какъ проповѣдникъ сближался съ Петромъ, все болѣе и болѣе расходился съ высшими представителями своего сословія. Въ 1712 году онъ написалъ книгу «Объ игѣ неудобоносимомъ», которая сталкиваетъ его съ прежнимъ его школьнымъ товарищемъ, Феофилактомъ Лопатинскимъ, и ставитъ обоихъ во взаимныя враждебныя отношенія. Эта враждебность потомъ обращается въ борьбу на смерть, когда оба сходятся на одной дорогѣ во главѣ русскаго духовенства, какъ первые члены синода. Они учились вмѣстѣ въ Кіевѣ и за границей, потомъ вмѣстѣ учили въ кіевской академіи, но совершенно расходились въ своихъ взглядахъ и убѣжденіяхъ. Феофилактъ также былъ человѣкъ умный и ученый, но не имѣлъ той страстности, той изворотливости, какими былъ одаренъ Прокоповичъ, а главное, былъ чуждъ всякихъ реформаторскихъ стремленій, держался старыхъ порядковъ, признавая авторитетъ старины. Не чуждый честолюбивыхъ увлеченій, онъ былъ въ то же время кротокъ, до-

вѣрчивъ, простъ и считалъ своимъ священнымъ долгомъ защищать православіе отъ всякихъ нападковъ и искаженій. Явившись дѣятелемъ въ эпоху революціонную, когда иностранцы разныхъ вѣроисповѣданій наполняли войска и исправляли разныя гражданскія и государственныя должности; когда раскольники предъявляли свои толки; когда между самыми православными получали силу нѣкоторыя мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ тогдашнею богословскою наукою; когда самъ царь показывалъ полную религіозную терпимость: Феофилактъ съ совершенною добросовѣстностью, безъ всякой задней мысли хотѣлъ быть стражемъ Церкви. Но онъ не запятналъ себя доносами, обычными въ то время, а вооружался литературнымъ оружіемъ, думая сочиненіями остановить разливъ ложныхъ, по его мнѣнію, ученій. И въ предѣлахъ литературныхъ онъ въ самомъ дѣлѣ силенъ; но онъ по своей простотѣ не предвидѣлъ, что въ то время литературная полемика легко доводила до тайной канцеляріи, гдѣ занимались особенною, спеціальною литературою, заставляя на дыбѣ подъ кнутомъ и раскаленными вѣниками сочинять диссертаціи на заданныя темы. Внѣ литературы Феофилактъ былъ не способенъ на борьбу, по своей прямотѣ и недальновидности. Въ этомъ случаѣ онъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ были совершенною противоположностью одинъ другому. Прокоповичъ, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, соединялъ съ даромъ слова искусство утонченнаго политика, тогда какъ Лопатинскій терялся въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ возвысился, пока подъ защитою Петра могъ дѣйствовать въ литературной сферѣ. Петръ, пользуясь его богословскою ученостью, поручалъ ему писать нѣкоторыя религіозныя сочиненія и хладнокровно смотрѣлъ на полемическія выходки архипастырей, если онѣ не касались политики. Но со смертью Петра, когда эти религіозныя страсти, а съ ними и честолюбивыя стремленія удерживать было некому, когда Феофилактъ волей неволей долженъ былъ выйти изъ ограниченной сферы литературной полемики, онъ не могъ устоять передъ искусными политиками, обнаруживъ безхитростно свои симпатіи къ старому порядку.

Еще бывъ ректоромъ московской академіи, Феофилактъ считалъ не совсѣмъ православнымъ богословское ученіе Прокоповича, которое раздавалось съ кіевской академической каѳедры. Онъ ждалъ случая, чтобы приняться за перо противъ такого ученія, и случай не замедлилъ представить самъ Ѳеофанъ своею книгою «Объ игѣ неудобоносимомъ». Она вызвала сочиненіе Лопатинскаго «Иго Господне — благо», которое ясно показало Ѳеофану враждебное отношеніе къ нему ученаго московскаго духовенства за его реформаторскія стремленія. Оно еще сильнѣе обнаружилось, когда черезъ четыре года Ѳеофанъ былъ вызванъ въ Петербургъ, чтобы вѣдать духовными дѣлами псковской епархіи. Взволновалось не только духовенство, но вся партія стараго порядка, всѣ сторонники царевича, какъ-будто предугадывая новую силу, которая шла въ союзъ съ Петромъ. И они не обману-

лись: Прокоповичъ сразу понялъ, гдѣ ему нужно искать точку опоры. Онъ не задумался стать на сторону Петра и слилъ съ его стремленіями свои реформаторскія стремленія: небольшой ручеекъ нашелъ себѣ исходъ въ большомъ потокѣ, и раздѣленіе сдѣлалось невозможнымъ. Попавъ въ эту революціонную струю, Прокоповичъ долженъ былъ отстаивать всѣ ея интересы, понявъ очень хорошо, что съ ними тѣсно соединяется его собственное «быть или не быть». И вотъ въ Петербургѣ, въ ожиданіи царя, который былъ тогда за границею, Ѳеофанъ говоритъ рѣчь за рѣчью, объясняя благодѣтельное значеніе царевой реформы. Онъ сравниваетъ новую Россію со старою, отдавая первой преимущество во всемъ; доказываетъ пользу путешествій по образованнымъ землямъ, выставляя важное значеніе путешествія самого царя; враждебно относится ко всѣмъ старымъ идеаламъ жизни и съ увлеченіемъ рисуетъ новые, возникшіе на европейской почвѣ, приносящіе съ собою интересы науки и искусства. Дѣйствительно, новымъ словомъ, новымъ духомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ проповѣдей, несмотря на ихъ искусственную, реторическую оболочку. Свои доказательства, логическіе выводы ораторъ нерѣдко смѣняетъ насмѣшкой, сатирой, не стѣсняясь никакими картинами, никакими выраженіями. Онъ сразу заявилъ въ себѣ энергическую силу, о которой только по слухамъ до тѣхъ поръ знали приверженцы старины, такъ сухо принявшіе его въ Москвѣ и въ Петербургѣ.

Нельзя было мѣшкать; нужно было какъ нибудь подавить эту силу. И вотъ почти все высшее духовенство, и во главѣ его самъ блюститель патріаршаго престола, старикъ Стефанъ Яворскій, заговорили вслухъ, что богословское ученіе Прокоповича не православное, а лютеранское, что онъ хочетъ внести въ нашу церковь ересь. Составилось донесеніе самому царю, которому выставлялось на видъ, что Ѳеофанъ самъ «наложилъ на себя препятствіе ко святому, великому архіерейскому сану, проповѣдуя въ Кіевѣ ученіе не согласное съ православной церковью». Но уже этимъ донесеніемъ они выказали себя не въ благопріятномъ свѣтѣ: зачѣмъ же они молчали прежде, если ученіе Ѳеофана было вредно? зачѣмъ возстали только тогда, когда увидѣли силу, грозящую ихъ собственнымъ интересамъ? Ѳеофанъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе; но съ помощью царя обвинители его офиціально отказались отъ своихъ обвиненій, и въ 1718 году онъ былъ посвященъ въ санъ псковскаго епископа. Враги его явно обнаружились; онъ затаилъ свою злобу, которой впослѣдствіи далъ широкій просторъ. Теперь онъ только воспользовался начавшимся судомъ надъ царевичемъ, въ дѣла котораго оказались замѣшанными Стефанъ Яворскій и многіе изъ высшаго духовенства. Онъ написалъ «Слово о власти и чести царской», которымъ поразилъ противниковъ своихъ и петровыхъ, съ явными намеками на личности.

Петръ хорошо понялъ реформаторскій духъ Ѳеофана Прокоповича, и никому другому, а ему поручилъ составить духовный регла-

ментъ, который долженъ былъ преобразовать церковное управленіе. Хотя патріарха у насъ не было уже двадцать почти лѣтъ, но праздный престолъ его существовалъ и въ средѣ духовенства идея о патріаршествѣ не исчезала. Стефанъ Яворскій до самой смерти (1722) мечталъ быть патріархомъ; равнымъ образомъ митрополитъ крутицкій Игнатій Смола, получивъ въ свое управленіе патріаршій духовный приказъ (1719), считалъ себя кандидатомъ въ патріархи. Сторонники царевича и Евдокіи Лопухиной, разсчитывая на успѣхъ, также возбуждали честолюбіе въ разныхъ духовныхъ лицахъ. Ѳеофанъ въ началѣ своего регламента поразилъ своихъ ненавистниковъ въ самое сердце, напавъ на идею патріаршества, доказавъ, что нѣтъ нужды возстановлять его въ Россіи, и все это представилъ въ такихъ ловкихъ формахъ, какъ-будто имѣлъ въ виду разъяснить только предѣлы власти правительствующаго синода. Здѣсь онъ даже нерѣдко впадаетъ въ сатирическій тонъ, намекая на разныя личности, не щадя и старика Яворскаго, который, произнося проповѣди, размахивалъ руками. О всѣхъ этихъ кандидатахъ въ патріархи, которыхъ, конечно, онъ зналъ по имени, онъ замѣчаетъ, что они «склонны къ бунтамъ, воспріемля надежды высокія, что они, неосновательные мудрецы, равнаго чина людей ненавидятъ, и если кто въ ученіи похваляемъ, того всячески тщатся предъ народомъ и у властей обнести и охулити». Явно, что оскорбленный Ѳеофанъ не забылъ тѣхъ обвиненій, которыя писались и распускались о немъ изъ устъ его собратьи.

Можно себѣ представить, какое озлобленіе противъ него копилось во всѣхъ духовныхъ лицахъ, во всѣхъ врагахъ новыхъ порядковъ. Прежнее обвиненіе его въ лютеранствѣ ходило изъ устъ въ уста и переходило въ народъ; стали являться тайныя сочиненія и пасквили, направленные противъ его личности. Но Прокоповичъ не безпокоился о своей защитѣ: онъ былъ безопасенъ подъ сѣнью Петра, который умѣлъ сдерживать эту церковную вражду въ строгихъ предѣлахъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказался Ѳеофанъ со смертію Петра, когда нужно было самому заботиться о своей безопасности. Онъ увидѣлъ себя совершенно одинокимъ въ средѣ духовенства, передъ которымъ сдѣлался отвѣтственнымъ въ церковной реформѣ. Онъ увидѣлъ, что ему теперь нужна вся энергія его души, чтобы отстаивать новые порядки, что борьба должна быть на смерть, что малѣйшая уступка съ его стороны повлечетъ за собою собственную его гибель. Положеніе дѣйствительно трагическое, изъ котораго можно было выйти только по кровавой дорогѣ. Еще при Петрѣ, охотно сближаясь съ иностранцами, какъ представителями новоевропейской жизни, интересовъ науки, революціоннаго движенія, Ѳеофанъ теперь окончательно примкнулъ къ нимъ, разсчитывая на ихъ положеніе въ Россіи, которое обязывало поддерживать новые порядки, такъ какъ они сами были выдвинуты въ государствѣ тѣмъ же революціоннымъ движеніемъ. Они также должны были употребить всѣ силы, чтобы поддержать созданіе Петра, иначе усилившаяся реакція должна была поглотить ихъ.

Конечно, это сближенiе съ иностранцами, преимущественно съ лютеранами, еще болѣе раздуло молву, что псковскiй (а потомъ новгородскiй) архiепископъ зараженъ лютерскою ересью. Католики, разсчитывая на возможность соединенiя церквей въ пользу папы и зная въ Θеофанѣ явнаго противника этому, примкнули къ старо-русской партiи, и такимъ образомъ снова смѣшались и политическiе и религiозные интересы. Сообщительный Θеофанъ своимъ веселымъ нравомъ нравился иностранцамъ-лютеранамъ, которые въ своихъ запискахъ отзываются о немъ съ самой выгодной стороны; они называютъ его умнѣйшимъ и образованнѣйшимъ въ средѣ русскаго духовенства, а Берхгольцъ представляетъ его и какъ веселаго собесѣдника за стаканомъ вина.

Итакъ со смертiю Петра Θеофанъ быстро разсчиталъ, какую позицiю нужно занять ему. Первое время онъ находилъ нѣкоторую опору въ Екатеринѣ, которая знала объ его дѣятельномъ участiи при ея избранiи и оказывала ему довѣренность. Для своего обезпеченiя ему прежде всего нужно было занять первое мѣсто въ синодѣ, которое при смерти Петра занималъ новгородскiй архiепископъ Θеодосiй, человѣкъ вспыльчивый и честолюбивый. Ему казалось возможнымъ возобновить патрiаршество и самому стать патрiархомъ. Ужъ одно это ставило его въ недружелюбныя отношенiя къ Θеофану, который неусыпно слѣдилъ за всѣмъ и зорко стоялъ на стражѣ[1]). Неумѣренныя домогательства, раздражительнось, вспыльчивость и грубость Θеодосiя помогли Θеофану. По приказанiю императрицы Θеодосiй преданъ суду, и при участiи Θеофана написанъ указъ объ его ссылкѣ съ лишенiемъ архiерейства за оскорбленiе величества. Θеофанъ сдѣлался первымъ, имѣя товарищемъ Феофилакта Лопатинскаго, который стоялъ на стражѣ православiя съ перомъ въ рукахъ, замышляя и теперь на Θеофана литературную атаку. Другихъ замысловъ у него не было: кротость, прямодушiе, честность—вотъ тѣ

---

[1]) При Петрѣ Θеодосiй держался только укоренившимися личными близкими отношенiями съ Петромъ; въ немъ не было никакихъ задатковъ для поддержанiя себя въ томъ же высокомъ положенiи въ случаѣ смерти Петра; напротивъ, характеръ его дерзкiй, заносчивый, честолюбивый, склонный къ интригамъ, подавалъ поводъ къ безпрестаннымъ столкновенiямъ съ людьми, въ которыхъ властолюбiе и честолюбiе были развиты не только не менѣе, но, можетъ быть, и болѣе, нежели въ немъ. Онъ не имѣлъ связей въ духовенствѣ высшемъ, которое могло бы поддержать его; онъ не имѣлъ друзей и въ придворныхъ, а главное лицо, Меньшиковъ, уже былъ другъ Θеофану; а къ тому же и народъ православный и раскольники ненавидѣли Θеодосiя: первый за неблагочинiе, за различныя мѣры противъ такъ называемаго тогда суевѣрiя и предразсудковъ, т.-е. мнимыхъ чудесъ, противъ кликушъ; народъ зналъ, что въ невскомъ ѣдятъ мясо и что Θеодосiй потворствуетъ всѣмъ въ этомъ страшномъ грѣхѣ; а раскольники были личные враги Θеодосiя, который съ Питиримомъ былъ главнымъ ихъ гонителемъ... Θеодосiй, увлеченный властолюбiемъ, не сообразилъ своего положенiя, не обратилъ вниманiя на выроставшаго своего соперника Θеофана и замышлялъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю церковную администрацiю, сдѣлаться главою церкви, можетъ быть и патрiархомъ. (Чернецъ Θеодос. «Отеч. Зап.» 1862, № 6).

качества, за которыя всѣ его уважали[1]). Реакція новымъ порядкамъ готовилась въ тайнѣ, такъ какъ Екатерина считала своимъ долгомъ поддерживать дѣло Петра, а Меньшиковъ, ставшій во главѣ правительства, иначе не могъ и думать, не противорѣча даже своимъ личнымъ интересамъ. Но тайная подземная борьба сдѣлалась ощутительнѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ. Противники его видимо усиливались, питая надежду восторжествовать. Понемногу стали возвышаться и получать значеніе лица, бывшія въ немилости въ предшествовавшее царствованіе, а въ синодъ входили новыми членами прежніе опальные и явные враги Ѳеофана Прокоповича. Между последними Георгій Дашковъ, епископъ ростовскій, сдѣлался третьимъ членомъ.

Происхожденіе Дашкова довольно темное. Носились слухи, что онъ въ молодости, совершивъ какое-то злодѣяніе, бѣжалъ отъ казни въ Польшу. Но въ 1706 г. онъ уже является монахомъ-строителемъ троицкаго монастыря и оказываетъ важную заслугу, помогая Шереметеву въ усмиреніи астраханскаго мятежа. Съ этихъ поръ онъ постоянно былъ на виду у царя, въ то же время дѣйствовалъ и самъ разными сближеніями съ сильными лицами и интригами, такъ что въ 1718 году получаетъ санъ епископа ростовскаго. Онъ былъ изъ неученыхъ, а потому и на ученость смотрѣлъ съ подозрѣніемъ; не любилъ ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ простиралъ свою нелюбовь и на всѣхъ *малороссійцевъ*, т.-е. тѣхъ, которые получили образованіе въ кіевской академіи. Понятно, что уже по одному этому онъ смотрѣлъ недружелюбно на Ѳеофана Прокоповича. Человѣкъ честолюбивый и завистливый, съ природнымъ умомъ, съ энергической настойчивостью, способный къ интригамъ всякаго рода, въ связи съ партіею Лопухиныхъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Трубецкихъ, всѣхъ тѣхъ, у которыхъ были политическія цѣли встать въ оппозицію революціонному правительству, онъ могъ быть очень опаснымъ врагомъ Ѳеофана. И въ 1725 г., по смерти Петра, именнымъ указомъ императрицы онъ былъ опредѣленъ въ синодъ третьимъ архіереемъ. Когда снова былъ поднятъ вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ, онъ энергически возсталъ за церковную собственность и представилъ императрицѣ письменный протестъ, въ которомъ объявляетъ, что «судей и приказныхъ не накормишь, иностранныхъ не наградишь, а богадѣленъ и нищихъ не обогатишь, а монастыри чуть не богадѣльнями стали, также архіереи и прочіе духовные бродятъ такъ, какъ бывало иностранные, или и хуже, ибо служителей и требъ до церковной службы довольства не имѣютъ и приходятъ въ нищіе»[2]). Но революціонная партія восторжествовала въ этомъ дѣлѣ.

---

[1]) Рѣшиловское дѣло. Нов. матерьялы для рѣшил. д., Чистовича. «Правосл. Обозр.» ян. 1863. Наука и литер. при Петрѣ в., Пекарскаго, ч. I. Словарь Бантышъ-Каменскаго, ч. V.

[2]) «Правос. Обозрѣн.» Янв. 1863.

Въ синодѣ былъ только одинъ членъ, который понималъ истинное значеніе реформы и могъ сочувствовать Ѳеофану. Это былъ Ѳеофилъ Кроликъ, человѣкъ умный, европейски образованный. Онъ, какъ мы уже видѣли, въ 1716 г. былъ посланъ за границу, въ Прагу, вмѣсто учителя Кантемировъ, Ильинскаго. Тамъ онъ занимался переводами съ чешскаго и нѣмецкаго языковъ; съ этимъ послѣднимъ онъ былъ нѣсколько знакомъ еще въ Москвѣ. Когда онъ возвратился на родину, неизвѣстно; но въ 1722 г. онъ, уже іеромонахомъ, является въ синодѣ асессоромъ, а черезъ годъ чудовскимъ архимандритомъ и синодальнымъ совѣтникомъ.

Повидимому, звѣзда его ярко заблистала, но не надолго. Приверженцы старины на него смотрѣли, какъ на своего заклятаго врага, и въ концѣ 1726 года успѣли удалить его изъ синода[1]). Ѳеофанъ не могъ не замѣтить, что подкапываются и подъ него. Внѣ синода самымъ фанатическимъ противникомъ Ѳеофана Прокоповича является монахъ Маркелъ Родышевскій съ своимъ другомъ Михаиломъ Аврамовымъ, имя котораго разъ уже вошло и должно еще войти въ біографію Кантемира, какъ критика нашего писателя, что увидимъ впослѣдствіи. Родышевскій и Аврамовъ были самые ожесточенные ненавистники всякой новизны, считая, что она подкапываетъ православіе; поэтому и на всѣхъ приверженцевъ Петра они смотрѣли почти какъ на антихристовъ.

Вращаясь около монаховъ и разныхъ странниковъ, они распространяли о Ѳеофанѣ самые нелѣпые толки, обвиняя его въ лютеранствѣ, и особенно нападали на его духовный регламентъ и монашескій уставъ. Не довольствуясь этимъ, они составляли разные доносы, пасквили и брань на сочиненія Прокоповича, наполняя ихъ самыми грубыми и непристойными выраженіями, и все это съ намѣреніемъ распространяли въ средѣ грамотныхъ людей, разжигая фанатическое воображеніе толпы. «Ѳеофанъ-ересіархъ, кроликъ зловѣрный и иные симъ подобные — сборище суще злочестивое» — вотъ выраженія самыя умѣренныя изъ устъ Родышевскаго.

Цѣль его была во что бы то ни стало сломить новую силу и утвердить всѣ прежніе порядки, будто бы основанные на православіи. Хотя впослѣдствіи Ѳеофану и удалось его вмѣстѣ съ Аврамовымъ и многими ихъ соучастниками привлечь въ тайную канцелярію, но все это стоило ему многихъ заботъ, безпокойствъ и хлопотъ. Въ послѣдніе дни царствованія Екатерины положеніе его сдѣлалось очень затруднительнымъ, а съ воцареніемъ Петра II оно было рѣшительно шатко, двусмысленно и даже опасно. *Стоюнинъ.*

[1]) Новые матерьялы для рѣшил. д., Чистовича. Наука и литер. при Петрѣ Великомъ, Пекар., ч. I стран. 233—236.

Кантемиръ въ Лондонѣ и Парижѣ и его дипломатическая дѣятельность.

Милостивое отношеніе новаго правительства, покровительство сильнаго въ то время Черкасскаго, выдающееся образованіе, рѣдкое въ тогдашнемъ обществѣ, создали для кн. Антіоха возможность видной служебной карьеры: въ концѣ 1731 года состоялось назначеніе его резидентомъ въ Лондонѣ. 1-го января слѣдующаго года онъ отправился въ путь; по дорогѣ двадцатитрехлѣтній дипломатъ долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время въ Берлинѣ и Гагѣ, чтобы воспользоваться совѣтами русскихъ резидентовъ, болѣе его опытныхъ,— такова была, повидимому, мысль Остермана. Довольно долго промедлилъ Кантемиръ въ Гагѣ, гдѣ съ давнихъ поръ былъ посланникомъ гр. А. Г. Головкинъ, и 30-го марта прибылъ въ Лондонъ. Первою заботой его были переговоры о личности новаго англійскаго представителя въ Петербургѣ, который долженъ былъ замѣнить тогдашняго резидента Клавдія Рондо. Выборъ остановился на лордѣ Форбсѣ; вопросъ о его дипломатическомъ «характерѣ» былъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что оба представителя — и русскій и англійскій — получили одинакое званіе — полномочныхъ министровъ. Скоро обнаружилась крайняя недостаточность тѣхъ средствъ, которыя отпускались русскому посланнику,— всего 3000 рублей. Хлопоты о прибавкѣ вызвали переписку, и, благодаря содѣйствію кн. Черкасскаго и княжны Марьи, въ то время пожалованной во фрейлины, вопросъ разрѣшенъ благопріятно: содержаніе полномочнаго министра увеличено до 7000 рублей. Въ Лондонѣ Кантемиръ нашелъ нѣсколько десятковъ русскихъ въ бѣдственномъ положеніи; нѣкоторые были когда-то посланы правительствомъ и потомъ имъ позабыты; инымъ угрожала даже тюрьма за долги; Кантемиръ хлопоталъ за нихъ: выручить ихъ, по его мнѣнію, требовала самая честь Россіи; но при начавшемся въ то время господствѣ нѣмцевъ при дворѣ императрицы Анны такія ходатайства не имѣли успѣха. Хлопоты о русской посольской церкви оказались однако жъ успѣшнѣе; церковь была устроена еще Петромъ Великимъ, но около шести лѣтъ, какъ она была заброшена, между тѣмъ въ Лондонѣ нашелся даже православный священникъ, грекъ Варфоломей, научившійся хорошо по-англійски и обратившій въ православіе нѣсколькихъ англичанъ. Стараніями Кантемира ему назначено было небольшое содержаніе, и православное богослуженіе было возстановлено.

Въ 1733 году смерть польскаго короля Августа II и возникшія затрудненія при замѣщеніи польскаго престола призвали молодого дипломата къ болѣе серіозной дѣятельности. По указаніямъ Остермана онъ добивался отъ англійскаго правительства отправки эскадры къ Данцигу, чтобы парализовать дѣйствіе французскаго флота; онъ долженъ былъ обнадеживать англичанъ въ полной готовности рус-

ской эскадры выступить изъ Кронштадта; но плохое состояніе русскаго флота, заброшеннаго послѣ смерти Петра, должно быть, не было тайной для англичанъ, и правительство англійское давало уклончивые отвѣты; тѣмъ временемъ Данцигъ былъ взятъ русскими войсками, и англійское правительство не помѣшало избранію Августа III, поддержаннаго Россіей. Это было вмѣнено въ заслугу Кантемиру.

Довольно непріятною и хлопотливою обязанностью, лежавшей также на русскихъ дипломатическихъ агентахъ, было слѣдить за книгами о Россіи, появлявшимися за границей. XVIII вѣкъ богатъ печатными пасквилями на Россію, авторами которыхъ были всего чаще иностранные авантюристы, потерпѣвшіе въ ней какую-нибудь неудачу. Уже въ 1732 году Кантемиръ сообщалъ Остерману о враждебной Россіи статьѣ въ журналѣ «Evening Post». А въ ноябрѣ 1735 г. завязалась оживленная переписка по поводу памфлета противъ Россіи, который появился подъ французскимъ заглавіемъ Lettres moscovites и тотчасъ же былъ переведенъ на англійскій языкъ. Авторъ памфлета былъ скоро угаданъ въ Петербургѣ: онъ оказался итальянскимъ авантюристомъ графомъ Локателли, который пріѣхалъ въ Россію подъ вымышленнымъ именемъ и былъ арестованъ въ Казани по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Привезенный въ Петербургъ, онъ цѣлый годъ просидѣлъ въ крѣпости, пока не былъ, наконецъ, высланъ за границу за недостаткомъ уликъ. «Московскія письма» содержатъ очень нелестную картину русскихъ правительственныхъ порядковъ. Роль Кантемира въ дѣлѣ объ этой книгѣ оказалась очень затруднительной: ему было не легко увѣрить петербургскія власти, что само правительство въ Англіи безсильно противъ свободной печати. Когда, три года спустя, самъ Локателли появился въ Лондонѣ, продавая какіе-то «медицинскіе секреты», Кантемиръ предлагалъ Остерману другое средство, къ которому въ то время въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко прибѣгали: нанять людей, которые нашли бы случай побить Локателли. Результатъ такого предложенія неизвѣстенъ.

Много хлопотъ русскому дипломату доставляли еще различныя порученія, которыя давали ему изъ Петербурга разныя высокопоставленныя лица. Сношенія съ Парижемъ, послѣ размолвки по польскому вопросу, были въ то время рѣдки; кромѣ того, кажется, самая молодость лондонскаго резидента позволяла съ большою безцеремонностью обременять его комиссіями. Эти порученія представляютъ нѣкоторый бытовой интересъ. Роскошь, поощряемая императрицей и Бирономъ, быстро распространялась,—и вотъ Кантемиру приходится, по просьбѣ разныхъ лицъ, закупать дорогія матеріи, шелковые чулки, страусовыя перья и т. п.; онъ долженъ даже разыскивать «дамскія фузеи», потому что придворныя дамы, подражая императрицѣ, стали увлекаться стрѣльбой изъ ружей. Вѣроятно, съ большею охотой исполнялъ молодой посланникъ другого рода порученія: закупалъ для Академіи Наукъ книги, математическіе и астрономическіе инструменты и собиралъ гравированные портреты Петра Великаго.

Въ 1737 г. Кантемиръ долженъ былъ объявить англійскому правительству объ избраніи графа Бирона въ герцоги курляндскіе. Дѣло имѣло свою щекотливую сторону; нужно было выставить это избраніе добровольнымъ актомъ со стороны курляндскихъ чиновъ. Вслѣдъ затѣмъ главнымъ предметомъ заботъ лондонскаго посланника сдѣлались французскія отношенія. По инструкціи Остермана, онъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ посломъ въ Лондонѣ де-Камби, и успѣшное начало ихъ подало мысль о переводѣ Кантемира въ Парижъ. Въ сентябрѣ 1738 году и состоялся переводъ его туда. Слишкомъ шестилѣтнее пребываніе въ Лондонѣ было для князя Антіоха хорошею дипломатическою школой. Пріѣхавъ въ страну, языка которой онъ первоначально вовсе не зналъ, не имѣя даже непосредственнаго предшественника, отъ котораго могъ бы получить характеристику людей и отношеній,—онъ долженъ былъ постоянно имѣть дѣло съ такими выдающимися противниками, какъ братья Вальполи и, несмотря на то, съ честью выполнялъ свою миссію, заслужилъ расположеніе двора, уваженіе обоихъ министровъ и дружбу одного изъ нихъ—Горація. Его выдающаяся образованность и таланты тотчасъ были оцѣнены въ культурной Англіи; похвалы Вальполей, кажется, даже возбудили какъ бы зависть въ Остерманѣ. Первый біографъ Кантемира, аббатъ Венути, видитъ секретъ дипломатическихъ успѣховъ его въ Лондонѣ и потомъ въ Парижѣ въ высокихъ нравственныхъ свойствахъ его личности, которыя позволяли ему вносить больше искренности и честности въ дипломатическое дѣло, чѣмъ это обыкновенно бывало.

Выдающимся фактомъ частной жизни нашего дипломата за лондонскій періодъ его службы является процессъ четырехъ братьевъ Кантемировъ противъ ихъ мачехи. Господарь, овдовѣвъ черезъ два года по пріѣздѣ въ Россію, въ 1719 году вступилъ во второй бракъ съ шестнадцатилѣтней княжной Трубецкой; въ 1723 г. онъ умеръ и вдова его не получила законной части наслѣдства, которое цѣликомъ перешло потомъ къ ея пасынку Константину. Примирившись съ обстоятельствами, пока были въ силѣ Голицыны, вдова господаря выжидала только удобной минуты и, бросившись однажды къ ногамъ императрицы Анны, просила ее дать разрѣшеніе на возбужденіе процесса. Разрѣшеніе дано было тѣмъ охотнѣе, что процессъ являлся удобнымъ средствомъ припомнить князю Дмитрію Михайловичу Голицыну его участіе въ событіяхъ 1730 года; всѣ такъ и посмотрѣли съ самаго начала на этотъ процессъ; веденный съ большою суровостью, онъ разрѣшился въ 1737 году и повлекъ за собой заточеніе въ крѣпость гордаго петровскаго фельдмаршала; княгинѣ же Кантемиръ, около этого времени вышедшей замужъ за принца Гессенъ-Гомбургскаго, состоявшаго на русской службѣ, разрѣшено было взыскать неполученную ею долю наслѣдства съ Константина и частію съ остальныхъ трехъ братьевъ, насколько они пользовались наслѣдствомъ отца до его присужденія Константину; князю Антіоху при-

ходилось выплатить мачехѣ 21000 р., — сумму, которая совершенно превышала его тогдашнія средства. Князь Антіохъ началъ дѣятельно хлопотать, чтобы избавиться отъ такого непосильнаго ему расхода; ревностною пособницей его явилась та же княжна Марья; результатъ былъ благопріятенъ для князя Антіоха; кажется, дѣло не обошлось безъ заступничества князя Черкасскаго; да и сама мачеха не настаивала особенно на взысканіи съ трехъ обдѣленныхъ, какъ и она, братьевъ.

Пріѣхавъ въ Парижъ, Кантемиръ принужденъ былъ нѣкоторое время жить инкогнито, пока не выяснился вопросъ о его полномочіяхъ; въ Петербургѣ, повидимому, находили даже, что онъ поторопился пріѣздомъ, и княжнѣ Марьѣ пришлось вліять на не совсѣмъ дружелюбно расположеннаго Остермана, чтобы небольшому служебному промаху не дано было слишкомъ большаго значенія. Наконецъ полученъ былъ кредитивъ на званіе полномочнаго министра и 23 декабря 1738 г. состоялся пріемъ у короля. Но возникли новыя затрудненія: французское правительство соглашалось отправить своего уполномоченнаго не иначе, какъ на правахъ посланника; русскій дипломатъ не могъ согласиться на это безъ ущерба для чести Россіи, и въ концѣ января 1739 г. онъ получилъ новый кредитивъ на званіе посланника и имѣлъ новую аудіенцію у короля 27-го января. Въ Парижѣ ждали русскаго дипломата болѣе трудныя и хлопотливыя задачи, которыя усложнялись очень сильно неискреннею и медлительною политикой кардинала Флери. Часто и горько жаловался честный и искренній Кантемиръ, работавшій подъ придирчивымъ надзоромъ Остермана, на образъ дѣйствій французскаго министра: «нельзя довольно ухвалить его обходительность», сознается онъ, но дѣло тормозится «сумнительными експрессіями», которыхъ полны его рѣчи, «малопамятствомъ» и «легкоподозрительствомъ» кардинала. Вопросъ объ отъѣздѣ французскаго посланника въ Петербургъ все затягивается; сперва намѣченъ былъ гр. Вогренанъ; онъ медлилъ, скрывался отъ Кантемира, выставлялъ вымышленныя причины, препятствовавшія ему ѣхать; наконецъ, выбрано было другое лицо — маркизъ Шетарди, который и отправляется въ Россію въ концѣ 1739 г. Но по пріѣздѣ его началась длинная и непріятная переписка: французскій посолъ былъ недоволенъ пріемомъ, а русское правительство — его заносчивымъ и неосторожнымъ поведеніемъ. На первыхъ же порахъ кн. А. Кантемиру пришлось приступить къ щекотливому вопросу объ императорскомъ титулѣ, въ которомъ французское правительство все еще отказывало русскимъ государямъ. Всѣ представленія Кантемира встрѣчены были упорнымъ сопротивленіемъ; французское правительство ссылалось на примѣръ Австріи; напрасно русскій посланникъ развивалъ мысль, что французскій король могъ бы быть самостоятеленъ въ своемъ сужденіи — ему отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ.

Важною задачей было выясненіе французской политики въ Константинополѣ; но содержаніе депешъ французскаго посла де-Виль-

нева кардиналъ Флери тщательно скрывалъ; положеніе посланника затруднялось еще дружбою Россіи съ Австріей, которая возбуждала французскую подозрительность. Между тѣмъ дороговизна парижской жизни очень давала себя чувствовать; содержаніе русскаго посланника было больше, чѣмъ недостаточно; онъ долженъ былъ уступать даже сардинскому, который тратилъ въ годъ не менѣе 120 тыс. ливровъ. Онъ представлялъ въ Петербургъ о необходимости предоставить ему большія средства; такого рода ходатайства неохотно исполнялись, и кн. А. Кантемиру приходилось еще оправдываться отъ упрековъ въ корыстолюбіи.

Въ іюнѣ 1739 года надѣлала большого шума загадочная смерть шведскаго маіора Синклера, который проѣздомъ изъ Константинополя въ Швецію былъ убитъ въ Силезіи; теперь достовѣрно извѣстно, что это было сдѣлано по желанію петербургскаго правительства; но тогда это, конечно, тщательно скрывалось и отвергалось; Кантемиру стоило большихъ усилій очистить русское правительство отъ подозрѣній въ этомъ политическомъ убійствѣ; французъ Кутюрье, спутникъ Синклера, былъ арестованъ въ Дрезденѣ для допроса; французское правительство готово было видѣть въ этомъ знакъ сильнаго вліянія Россіи на польско-саксонскій домъ, и это возбуждало въ немъ непріятное чувство и ревность.

Извѣстіе о кончинѣ Анны Іоанновны и регенствѣ Бирона поставило Кантемира въ затруднительное положеніе; догадываясь о непрочности власти нелюбимаго иноземца, онъ отправилъ поздравительное письмо свое на имя одного изъ друзей, и расчетъ его оказался вѣренъ: письмо не дошло еще до мѣста, когда Биронъ былъ свергнутъ. Но здѣсь почва колеблется у него подъ ногами; ему неизвѣстно отношеніе къ нему новаго правительства; онъ подумывалъ объ отставкѣ, ссылаясь на разстроенное здоровье; но опасенія немилости оказались неосновательными; были даже, повидимому, предположенія назначить его воспитателемъ къ малолѣтнему Іоанну VI-му.

Съ искренней радостью встрѣтилъ Кантемиръ воцареніе дочери Петра Великаго. Самое положеніе его какъ дипломата замѣтно облегчилось; роль Франціи и маркиза Шетарди въ переворотѣ 24 ноября 1741 г. положила начало новымъ болѣе откровеннымъ отношеніямъ, которыя дали возможность возбудить опять, и на этотъ разъ съ большимъ успѣхомъ, вопросъ о титулѣ. Но личное положеніе Кантемира скоро омрачилось неблагопріятными обстоятельствами: смерть Черкасскаго (въ 1742 г.) лишила его могущественной поддержки; Бестужевъ-Рюминъ не благоволилъ къ нему, онъ какъ бы боялся найти въ лицѣ Кантемира себѣ соперника; Гроссъ, котораго онъ очень цѣнилъ, былъ отозванъ противъ желанія Кантемира; это было личною ему непріятностью и помѣхой въ дѣлахъ, исполненіе которыхъ къ тому же все болѣе и болѣе затруднялось ослабленіемъ здоровья кн. А. Кантемира.

К. Шалыгинъ.

Послѣдніе дни жизни Кантемира.

Съ 1740 года сталъ Кантемиръ чувствовать болѣзненные припадки въ желудкѣ, несмотря на свою воздержную жизнь. Цѣлительныя воды въ Aix-la-Shapelle, куда онъ ѣздилъ въ 1741 году, нѣсколько помогли ему, но не надолго. Въ слѣдующемъ году онъ отправился въ Пломбіерскія воды, но онѣ оказались для него болѣе вредны, чѣмъ полезны. Въ концѣ этого года онъ писалъ въ одной изъ своихъ депешъ: «Крайне сожалѣю, что нынѣшнее мое плохое здоровье обязываетъ меня почти неисходнымъ быть изъ дому, мучая непрестанно въ лѣкарствахъ, отъ которыхъ столь мало пользы получаю, что еще и третьяго дня имѣлъ я сильный припадокъ жара, и слѣдственно мало въ состояніи нахожусь собою исполнять высочайшіе вашего императорскаго величества указы». У него открылась водяная въ груди, такъ что его пріятели стали опасаться за его жизнь и совѣтовали перемѣнить климатъ. Черезъ двѣ недѣли (29 декабря) послѣ приведенной депеши онъ писалъ къ нашему двору слѣдующее: «Уже тому близъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ и до того весьма дряхлое мое здоровье повседневно ослабѣваетъ и изнуряется, такъ что нынѣ нахожусь въ крайне худомъ состояніи, не могучи ни мало что ѣсть безъ рѣзу въ желудкѣ, терпя по вся ночи жестокіе жары и кашель, котораго продленіе и чахотку мнѣ навести можетъ. Для освобожденія себя отъ сей болѣзни во время четырехъ годовъ я употребилъ всѣ возможные способы, каковые отъ здѣшнихъ докторовъ мнѣ были предписаны, и ни одного изъ сихъ я уже не миновалъ; но всѣ совѣты ихъ до сихъ поръ явились безполезны. Для того напослѣдокъ въ держаной на сихъ дняхъ консультаціи пятерыхъ здѣшнихъ лучшихъ докторовъ, они признали, что я отъ лѣкарства никакой себѣ цѣльбы ожидать не долженъ и присовѣтовали мнѣ, оставя всякія аптекарскія зелія, искать свое здоровье въ умѣренномъ питаніи и въ движеніи тѣла, а наипаче въ какой пріятной и недолгой поѣздкѣ, въ которой бы я могъ воздухъ перемѣнить и отбыть нынѣшнюю свою меланхолію. Того ради припадая къ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданѣйше прошу дозволить мнѣ свое всемилостивѣйшее соизволеніе въ концѣ наступающаго марта отъ здѣшняго двора недѣль на шесть, чтобы я могъ предпринять то докторами присовѣтованное путешествіе, а намѣреніе мое, которое такожде всемилостивѣйше апробовать всенижайше прошу, есть объѣхать здѣшнія ближнія провинціи, переѣхать въ Лондонъ, гдѣ я подлинно надѣюсь сыскать добрыхъ и искусныхъ докторовъ, каковыхъ здѣсь нѣтъ, и можетъ быть, получить отъ ихъ совѣтовъ давно желанную цѣльбу. Минеральныя тамошнія Пунбридскія и Батскія воды также меня заставляютъ предъизбрать эту поѣздку, которой бы я предпочелъ ѣзду въ Италію за добротою тамошняго воздуха, еслибы я смѣлъ всеподданнѣйше просить о срокѣ

четырехъ мѣсяцевъ, каковъ къ той поѣздки нуженъ, и еслибъ имѣлъ способъ учинить потребное на то иждивеніе изъ собственныхъ денегъ. Да и для поѣздки въ Лондонъ деньги мнѣ свои весьма недостаточны, понеже болѣзнь мое черезъ четыре года повседневно меня принуждаетъ къ чрезвычайнымъ немалымъ расходамъ. И потому, вѣдая вашего императорскаго величества высокое къ своимъ подданнымъ великодушіе, смѣлость пріемлю рабски просить ваше императорское величество указать пожаловать мнѣ изъ своей казны на ту поѣздку какую-либо денежную помощь, сколь вашему императорскому величеству будетъ угодно; за что я вѣчно буду долженъ молить Бога о благополучномъ и долголѣтнемъ царствованіи вашего императорскаго величества».

На это прошеніе указомъ отъ 14 февраля 1744 года Кантемиру дозволялось предпринять поѣздку въ Италію. Но отвѣтъ его показываетъ, въ какомъ состояніи засталъ его указъ: «По весьма слабому и дряхлому моему нынѣшнему состоянію, я не надѣюсь, чтобъ тѣмъ вашего императорскаго величества великодушіемъ въ дозволеніи могъ пользоваться, развѣ мѣсяца въ четыре отсюду; однакожъ хотя поздно опымъ надѣюсь съ немалою удачею тогда пользоваться, понеже отъѣзжая отсюда въ Италію къ осени, найду тамъ другое лѣто и избѣгну здѣшнюю зиму, которая мнѣ смертельна, и для того отъ вашего императорскаго величества монаршаго милосердія и другую высочайшую милость ожидаю и рабски сколько могу прилежнѣе о томъ прошу, чтобъ къ наступающему новому году меня отъ здѣшняго двора отозвать въ отечество, за которую вашего императорскаго величества милость не меньше какъ за теперь показанную вѣчно буду Бога молить о благополучномъ и долголѣтнемъ царствованіи вашего императорскаго величества».

Въ это время Кантемиръ, дѣйствительно, мечталъ о такой службѣ, которая была бы совершенно согласна съ его склонностями; онъ думалъ получить изъ Петербурга мѣсто президента Академіи Наукъ, чтобы предаться вполнѣ своимъ занятіямъ и исполненію плановъ Петра Великаго, предназначавшаго Академіи широкую дѣятельность. Но желанію Кантемира не удалось исполниться: жизнь его быстро угасла. Другъ его аббатъ Венути оставилъ намъ описаніе послѣднихъ дней ея: «Во все продолженіе своей болѣзни», говоритъ онъ, «Кантемиръ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не заняться, хотя недолго, наукою или чтеніемъ, и самъ, какъ всегда, писалъ депеши по два раза въ недѣлю. Этому обыкновенію онъ измѣнилъ только за день до смерти. Чтеніемъ онъ развлекалъ и частыя ночныя безсонницы. Когда ему говорили, что прилежаніе можетъ повредить ему, онъ отвѣчалъ, что не страдаетъ только тогда, когда работаетъ. Послѣднимъ трудомъ его былъ переводъ Эпиктетова нравоученія. Охоту къ научнымъ занятіямъ онъ потерялъ за три или четыре дня до смерти; въ этомъ онъ видѣлъ дурное предзнаменованіе: онъ сталъ думать, что находится въ опасномъ положеніи. Одинъ изъ его друзей,

видя близкій конецъ его, почелъ за долгъ навести его самого на эту мысль. Развлекая его чтеніемъ, онъ прочитывалъ съ нимъ трактатъ о дружбѣ Цицерона и воспользовавшись однимъ мѣстомъ, гдѣ говорится объ обязанностяхъ и заботахъ дружбы, указалъ ему на его собственное опасное положеніе, совѣтуя ему привести въ порядокъ свои домашнія дѣла и подумать о совѣсти. Больной принялъ это увѣдомленіе съ примѣрною покорностью, сказавъ, что на эту услугу онъ смотритъ какъ на самое несомнѣнное доказательство его дружбы, которую продолжать проситъ до конца. О смерти онъ говорилъ, какъ настоящій философъ-христіанинъ. Онъ проситъ купить ему книгу де-Мо (**de Meaux**) о возношеніи къ Богу, о которой слышалъ много хорошаго, и наконецъ, заключилъ свою рѣчь словами: «будемъ продолжать начатое чтеніе о дружбѣ, чтобы вдохновиться этою добродѣтельною утѣшительницею». Дѣйствительно, прибавляетъ при этомъ его другъ, Кантемиръ болѣе всего былъ склоненъ къ дружбѣ; во время своихъ продолжительныхъ страданій онъ болѣе всего утѣшался тѣмъ, что могъ постоянно видѣть вокругъ себя своихъ друзей, которые не оставляли его одного; самый близкій другъ его Мопертюи, заходилъ къ нему ежедневно по нѣскольку разъ. Послѣ переданнаго разговора Кантемиръ пожелалъ, чтобы съ нимъ говорили о вѣрѣ, о чемъ онъ всегда любилъ говорить: изъ словъ его было видно, какъ безропотно онъ покорялся волѣ Провидѣнія.

«Мысль о смерти», однажды сказалъ онъ, «сначала испугала меня, а теперь, когда я подумаю, что она приходитъ отъ того же, кто далъ мнѣ жизнь, она утѣшаетъ меня». Послѣдніе дни жизни онъ посвятилъ на исполненіе христіанскихъ обязанностей: онъ исповѣдался у посольскаго священника, а въ Свѣтлое воскресенье слушалъ обѣдню и причащался, на другой день былъ опять у обѣдни, а на третій уже не могъ явиться въ церковь. Онъ также не забылъ и своихъ домашнихъ дѣлъ и позаботился написать завѣщаніе, въ которомъ отказывалъ все свое имѣніе братьямъ Матвѣю и Сергѣю и сестрѣ Маріи. Съ послѣднею онъ былъ связанъ тѣсною дружбою и велъ съ нею постоянную переписку на разныхъ языкахъ. Въ завѣщаніи онъ приказывалъ набальзамировать свое тѣло и перевезти въ Россію для погребенія въ томъ же монастырѣ, гдѣ погребенъ и его отецъ. Онъ былъ въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты. Жизнь его прекратилась 31 марта 1744 года на тридцать пятомъ году отъ рожденія. На слѣдующій день секретарь русскаго посольства Гроссъ такимъ письмомъ извѣщалъ нашъ дворъ объ этомъ событіи:

«Вашего императорскаго величества тайный совѣтникъ и полномочный министръ князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ по долготерпѣнной жесточайшей болѣзни, сначала въ желудкѣ и потомъ въ груди, напослѣдокъ вчерась, т.-е. $\frac{\text{11-го апрѣля}}{\text{31-го марта}}$ въ вечеру въ восьмомъ часу, перемѣнилъ сіе временное житіе съ вѣчнымъ блаженствомъ. Ваше императорское величество подлинно въ немъ изволили потерять вѣр-

наго раба и весьма искуснаго ученаго министра. Здѣсь такимъ обще всѣ его почитали и понеже къ превосходнымъ качествамъ ума присовокупилъ гораздо пріятное обхожденіе со всѣми людьми, а особливо съ своими друзьями; обще же въ городѣ и при дворѣ сожалѣютъ о преждевременной его смерти. Я должности своей чаялъ объ оной два часа послѣ его кончины увѣдомить статскаго секретаря г. Амелота чрезъ мое письмо, съ котораго копію всенижайше при семъ прилагаю. А то время двухъ часовъ я проводилъ въ самомъ нужнѣйшемъ попеченіи о тѣлѣ покойнаго князя и въ проченіи съ его душеприказчиками его духовной. Оная же три недѣли тому назадъ на русскомъ языкѣ отъ князя Антіоха Дмитріевича мнѣ была диктована и потомъ, когда мною была переписана, всякую статью приложеніемъ своей руки онъ изволилъ подкрѣпить». *Стоюнинъ.*

Кантемиръ, какъ сатирикъ, и живая связь его сатиръ съ современнымъ обществомъ.

Всецѣло преданный, какъ и Татищевъ, интересамъ новаго времени, какъ они были указаны преобразователемъ, человѣкъ образованный, жадный къ знанію, сулившій себѣ блестящую будущность при Петрѣ, благодаря именно своей образованности, молодой Кантемиръ долженъ былъ начать свое служебное поприще съ обманутыми надеждами: Петръ былъ уже во гробѣ, его дѣло останавливалось, даже обнаруживалась реакція; преемниками Петра были—сначала женщина, обманувшая во многомъ надежды своихъ приверженцевъ, потомъ испорченный дурнымъ воспитаніемъ, ребенокъ, частные интересы сильныхъ людей были на первомъ планѣ. Среди борьбы честолюбій молодой Кантемиръ явился одинокъ и былъ затертъ съ своими личными достоинствами и съ своею наукою, которыя при Петрѣ такъ легко прокладывали путь человѣку къ высшей дѣятельности. У Кантемира было нѣсколько братьевъ; по уставу майората, отецъ имѣлъ право изъ нѣсколькихъ сыновей выбрать одного, хотя бы и младшаго, и оставить ему все недвижимое имѣніе. Старый князь Дмитрій Кантемиръ, умирая, предоставилъ назначеніе майората императору, при чемъ однако указывалъ на младшаго сына Антіоха, какъ на «лучшаго въ умѣ и наукахъ». Конечно, при жизни Петра Великаго Антіохъ на этомъ основаніи и получилъ бы майоратъ; но Петра не было, и Верховный Тайный Совѣтъ распорядился иначе, отдалъ майоратъ брату его Константину, разумѣется, не безъ помощи князя Д. М. Голицына, на дочери котораго былъ женатъ Константинъ Кантемиръ. Отсюда сильное раздраженіе Антіоха противъ существующаго порядка вещей, мрачный взглядъ, усиливаемый болѣзненнымъ состояніемъ, хотя, въ свою очередь, удары судьбы, усиливали болѣзненное состояніе и были не безъ вліянія на преждевременную смерть;

отсюда молодой человѣкъ, начавшій пробовать свой талантъ въ нѣжныхъ любовныхъ стихахъ, призналъ въ себѣ исключительную способность къ сатирѣ:

Въ сатирахъ хочу состарѣти,
А не писать мнѣ нельзя: не могу стерпѣти...
Хоть муза моя всѣмъ сплошь имать досаждати,
Богатъ, нищъ, веселъ, скорбенъ — буду стихи ткати,
И понеже ни хвалить, ни молчать не знаю,
Одно благонравіе вездѣ почитаю,
Проче въ сатиру писать въ вѣки не престану.

Будучи такъ сильно недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣла, т.-е. положеніемъ ихъ въ царствованіе Петра II, Кантемиръ естественно и необходимо примыкалъ къ тому немногочисленному кружку, который своею главою считалъ Ѳеофана Прокоповича, ученѣйшаго изъ русскихъ людей, за свою ученость подпавшаго гоненію отъ исчадій стараго мрака. Личныя достоинства и знанія, пролагавшія при Петрѣ путь къ чести, теперь «не въ авантажѣ обрѣтались», и вотъ по смерти Петра II это печальное положеніе дѣлъ хотятъ увѣковѣчить: двѣ знатнѣйшія фамиліи хотятъ сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, свобода для очень немногихъ, вмѣсто самодержавія олигархія! Легко понять, почему Прокоповичъ, Татищевъ и Кантемиръ принимаютъ такое дѣятельное участіе въ движеніи, направленномъ противъ ограниченія самодержавія Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, т.-е. Голицыными и Долгорукими, ибо остальные члены Совѣта сами трепетали за свое будущее, никакъ не надѣясь удержать своихъ мѣстъ подлѣ Голицыныхъ и Долгорукихъ. Дѣло шло не о томъ собственно, чтобы возвратить Россію къ допетровскому времени, какъ мы обыкновенно понимаемъ это время въ противоположность эпохѣ преобразованія; не во власти Долгорукихъ и Голицыныхъ было заставить Россію отказаться отъ европейскихъ условій жизни, если бы даже они этого и хотѣли: дѣло шло о противодѣйствіи стремленіямъ Петра Великаго въ извѣстныхъ частностяхъ, выгодныхъ или невыгодныхъ тѣмъ или другимъ лицамъ, тому или другому сословію, тому или другому кружку. Отсюда и могущественныя побужденія къ борьбѣ. Способности и знанія обрѣтались въ авантажѣ при Петрѣ; послѣ него обрѣлись не въ авантажѣ; напротивъ, люди, обрѣтавшіеся при Петрѣ не въ авантажѣ, подняли головы и чуть-чуть не погубили Ѳеофана; теперь предстоитъ переворотъ, затѣянный въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ; но этотъ переворотъ могъ ли быть выгоденъ Ѳеофану съ товарищи, могъ ли возвратить имъ авантажъ? Надежды на это не было никакой: захватывали власть въ свои руки люди, считавшіе главнымъ правомъ своимъ на власть происхожденіе, люди, которые враждебно относились къ дѣятельности преобразователя именно за то только, что онъ вывелъ и далъ преимущественное значеніе худороднымъ людямъ за таланты и знанія. Для однихъ время Петра было райскимъ, золотымъ вѣкомъ, потому что они тогда

обрѣтались въ авантажѣ; для другихъ это время вовсе не было желаннымъ, потому что они тогда обрѣтались не въ авантажѣ или, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ, на какой считали себя въ правѣ. Послѣдніе брали рѣшительный верхъ; первые должны были употребить всѣ усилія, чтобъ не дать имъ господства.

Усилія увѣнчались успѣхомъ; Голицынскій замыселъ рушился; но вначалѣ правительство считало нужнымъ соблюдать большую осторожность относительно враговъ и друзей; изданъ былъ манифестъ, направленный противъ архіереевъ-нововводителей, пренебрегавшихъ крестными ходами, а главою архіереевъ-нововводителей считался Ѳеофанъ; въ манифестѣ заключалась даже выходка противъ преобразователя, объявлялось, что относительно вѣры все будетъ по старинѣ, какъ было при дѣдѣ и отцѣ Анны. Должно быть къ этому времени относятся жалобные стихи Ѳеофана:

Коли дождусь я весела ведра
И дней красныхъ,
Коли явится милость прещедра,
Небесъ ясныхъ?
Ни съ какихъ странъ свѣта не видно,—
Все ненастье;
Нѣтъ и надежды. О многобѣдно
Мое счастье!

Кантемиръ счелъ своею обязанностью написалъ Ѳеофану утѣшительные стихи (epodos consolatoria), въ которыхъ говоритъ, что по яснымъ примѣтамъ наступаетъ весна, явилась благодатная Діана (Анна): она скоро затравитъ дикихъ звѣрей, раздѣлитъ добычу (кожи этихъ звѣрей), и охранитъ стадо Ѳеофана, который представляется сѣдымъ пастухомъ, воспѣвающимъ Діану. Въ заключеніе Кантемиръ указываетъ на собственный примѣръ: его также постигло несчастье, но онъ не унываетъ:

У меня было мало козлятокъ,
Ты извѣстенъ,
Сей былъ моея паствы начатокъ
Некорыстенъ,
Но и сихъ Егоръ и его други[1])
Отогнали.
Млеко и волну вороги туги,
Всю раскрали.
Ужъ трожды солнце въ кругъ обѣжало
Путь свой бѣлый,
А я не имѣю льготы ни мало
Весь унылый.
Лишенъ и стадца, лишенъ хижины,
Лишенъ нивы,
Межъ пастушками брожу единый
Несчастливый.

[1]) Георгій Дашковъ и его друзья, между которыми главный, разумѣется, князь Д. М. Голицынъ.

Кантемиръ не надѣялся понапрасну. Молодой человѣкъ былъ отправленъ министромъ въ Лондонъ на основаніи способностей и знаній, какъ дѣлывалось при Петрѣ; бѣдный пастушокъ получилъ также стадце и ниву (деревни въ Нижегородскомъ и Брянскомъ уѣздахъ) и воспѣлъ за это благодатной Діанѣ громкую оду. Но если обычаемъ времени, господствующими въ немъ отношеніями объясняется вообще привычка поэтовъ XVII вѣка сочинять высокопарныя оды въ честь сильныхъ земли, то тѣмъ болѣе понятны похвальные стихи Аннѣ Ѳеофана и Кантемира, ибо они были диктованы благодарностью. Сказавши, что Аполлонъ запретилъ ему писать похвалы императрицѣ по неимѣнію достаточнаго для того таланта, Кантемиръ заканчиваетъ свою оду такъ:

Молчу убо, но молча сильно почитаю
Тую, отъ нея же честь и жизнь признаваю.

Но для похвальной оды Кантемиръ не признавалъ въ себѣ способностей; ему больше всего нравилась сатира: что же онъ осмѣивалъ въ ней?

По отношенію нашего автора ко времени Петра Великаго и послѣдующему за нимъ уже можно догадаться, кому больше всего достанется въ его сатирѣ; поклонникъ новаго начала, умственнаго развитія посредствомъ науки, онъ прежде всего схватился съ старыми учителями, старыми руководителями общества, будетъ обвинять ихъ въ своекорыстномъ поклоненіи господствовавшему прежде началу, въ его искаженіи, раздражаясь тѣмъ, что старые руководители упрекали его злоупотребленіями, крайностями того начала, которому онъ служилъ; онъ упрекалъ ихъ въ суевѣріи, они упрекали его въ невѣріи. Борьба велась давно; началась она съ тѣхъ поръ, какъ въ Москву явились новые учителя изъ Кіева и Бѣлоруссіи и уличили старыхъ учителей въ невѣжествѣ, съ тѣхъ поръ какъ молодые люди стали ѣздить въ Кіевъ для науки и пренебрегать старыми духовниками; наплывъ новыхъ учителей усиливался все болѣе и болѣе, молодые люди стали ѣздить подалѣе Кіева за наукою и возвращались еще болѣе холодными къ своимъ духовнымъ отцамъ. Но и не одни ѣздившіе за границу для науки обнаруживали эту холодность; примѣръ Тверитинова съ товарищами показывалъ, какія могутъ быть слѣдствія того, что русскіе люди пошли въ науку къ иностраннымъ, иновѣрнымъ учителямъ, И старые учителя, которыхъ величаютъ невѣждами, отплачиваютъ своимъ порицателямъ, указывая въ наукѣ источникъ ереси, невѣрія. Это производило сильное впечатлѣніе; чтобъ ослабить его, приверженцамъ новаго нужно было выставить обличителя въ смѣшномъ видѣ, показать, что онъ смѣшиваетъ существенное съ несущественнымъ, что онъ полагаетъ религію только въ одной внѣшности, въ одномъ обрядѣ, и дѣлаетъ это не по одному невѣжеству, но изъ самыхъ недостойныхъ побужденій, изъ честолюбія и корыстолюбія:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ.
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа въ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что сами не знали,
Теперь къ церкви соблазну Библію честь стали;
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу.
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

Сухой прозаикъ Татищевъ, вооружаясь противъ излишнихъ доходовъ высшаго чернаго духовенства, требовалъ усиленія матеріальныхъ средствъ низшаго, бѣлаго духовенства, указывалъ, что крайняя бѣдность дѣлаетъ его неспособнымъ исполнять обязанности своего званія. Сатирикъ Кантемиръ не даетъ себѣ этого труда указывать причину явленія; онъ хватаетъ смѣшныя и ненравственныя черты, чтобъ только поглумиться надъ попомъ, и глумленіемъ своимъ еще ниже погрузить несчастнаго въ ту тину, изъ которой Татищеву хотѣлось бы его вытянуть для общей пользы. Говоря о зависти, Кантемиръ непремѣнно выставитъ зависть поповъ соборныхъ; описывая, какъ онъ весело и скоро пишетъ сатиры, дѣлаетъ такое сравненіе:

Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ не пропустилъ укорить попа и за то, что онъ «молитвы ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная, что поетъ». Посмѣется и надъ аппетитомъ поповской семьи:

Пространный столъ, что семьи поповской съѣсть трудно;
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.

Татищевъ указываетъ причину, почему священникъ не учитъ своихъ прихожанъ, а бражничаетъ съ ними; Кантемиръ глумится надъ явленіемъ и хотя выставляетъ бѣдность священника, но не съ тѣмъ, чтобы возбудить сочувствіе къ бѣдствующему:

Вонъ на пастырей взглянемъ,
Такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ,
Хочетъ ли кто Божьихъ словъ въ церкви поучиться,
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало,

То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ ему мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ:
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ около стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.
«Не знаю» (говоритъ) «какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ де ряса;
Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ па что купить мяса,
Все де чортъ склонилъ людей и съ нѣмцами знаться».

Говоря о трудномъ дѣлѣ, Кантемиръ не приминетъ сказать: «труднѣй то — нежели попу не славить святую недѣлю». Смѣшно — и довольно, а почему — сатирикъ не обязанъ этого объяснить.

Не щадя духовенства, Кантемиръ, разумѣется, предполагалъ, что и оно его щадить не будетъ; такъ, въ сатирѣ на человѣка онъ говоритъ:

Здѣсь пора бы ужъ кончить, но зрю предъ собою
Толпу людей брадатыхъ, черною главою
Киваюшихъ, и слышу съ ярости вопити,
Временной, вѣчной казни мя достойна быти —
За то, что тварь изящну, чудну, несказанну,
На подобіе Творца премудро созданну,
Такъ охулить дерзнуло перо неучтиво.

Мы видѣли, что Кантемиръ приписывалъ свою бѣду Георгію Дашкову и друзьямъ его. Мы не имѣемъ права отвергать этого свидѣтельства; Дашковъ, архіерей неученый и стремившійся, однако, къ первенству, къ патріаршеству, враждовавшій съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, старавшійся показать, что Ѳеофанъ не имѣетъ права на первенство, потому что основаніе этого права, ученость, ведетъ къ неправославному образу мыслей, какъ это и видно въ Ѳеофанѣ, — такой архіерей не могъ сочувствовать молодому человѣку, жаркому поклоннику науки и ученѣйшаго архіерея — Ѳеофана; враждебно столкнуться имъ было гдѣ, и устная сатира Кантемира относительно Дашкова, вѣроятно, предупредила писанную. Въ началѣ второй сатиры прямо выводится ростовскій архіепископъ, опечаленный тѣмъ, что не могъ достигнуть патріаршества.

Что такъ смутенъ, дружокъ мой? Щоки внутрь опали,
Блѣденъ и глаза красны, какъ бы ночь не спали?
Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конный свой заводъ раздарилъ некстати.

И въ первой сатирѣ, конечно, имѣлся въ виду все тотъ же Дашковъ:

Епископомъ хочешь быть? уберися въ рясу,
Сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата
Пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата,

Клобукомъ покрой главу, брюхо бородою,
Клюку пышно повели везти предъ тобою.
Въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву
Трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву;
Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати
Знакахъ, благоговѣйно отцомъ называти.
Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?
Иной, пиша проповѣдь, выпись позабудетъ,
Отъ чего доходамъ вредъ; а въ нихъ церкви права
Лучшія основаны, и вся церкви слава.

Георгій Дашковъ не отличался монашескимъ образомъ жизни; не отличалось имъ другое духовное лицо, также враждебное Ѳеофану, а, слѣдовательно, и друзьямъ его, троицкій архимандритъ Варлаамъ, котораго нѣкоторые прочили въ патріархи за благочестіе. Благочестіе! но это лицемѣріе, по словамъ друзей Ѳеофана, и вотъ сатирикъ рисуетъ Варлаама:

Варлаамъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ,
Всѣмъ низко поклонится, къ всякому подойдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ, глаза въ землю втупитъ;
Чуть слыхать что говоритъ, чуть, какъ ходитъ, ступитъ.
Безперечь чотки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово.
Молебны пѣть, и свѣчи класть склоненъ безъ мѣру,
Умильно десятью въ часъ выхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церковную славу расширили,
И великолѣпенъ храмъ Божій учинили;
Души — де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться;
О доходахъ говорить церковныхъ склоняетъ,
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу,
Тѣмъ однимъ легку сыскать можемъ въ рай дорогу.
Когда въ гостяхъ, за столомъ — и мясо противно
И вина не хочетъ пить; да и то не дивно:
Дома съѣлъ цѣлой каплунъ, и на жиръ и сало
Бутылки венгерскаго съ нуждой запить стало.
Жалки ему въ похотяхъ погибшіе люди,
Но жадно пялитъ съ подъ лба глазъ на круглы груди,
И женѣ бы я своей заказалъ съ нимъ знаться.
Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайно недруга, не дастъ покой и по смерти.

Но среди этихъ невѣждъ, честолюбцевъ, корыстолюбцевъ и лицемѣровъ поднимается одинъ достойный пастырь, осыпанный похвалами: это Ѳеофанъ Прокоповичъ. Ѳеофанъ стихами привѣтствовалъ первую сатиру девятнадцатилѣтняго Кантемира, озаглавленную: «На хулящихъ ученіе». Ѳеофанъ уговаривалъ молодого сатирика плюнуть на угрозы сильныхъ глупцовъ и продолжать свое дѣло, нападать «на нелюбящихъ ученой дружины». Кантемиръ въ 3-й сатирѣ называетъ Ѳеофана «дивнымъ первосвященникомъ, которому сила высшей мудрости открыла всѣ свои тайны; пастыремъ, недремно радѣющемъ

о своемъ стадѣ, часто сѣющимъ сѣмя спасенія и растящимъ его словомъ и примѣромъ, защитникомъ церковной славы, исправителемъ испорченныхъ нравовъ пастырскихъ; воля Всевышняго исходитъ изъ его устъ ясною и пр.

Изъ свѣтскихъ современниковъ Кантемира въ сатирахъ его замѣтно выдается фаворитъ Петра II, молодой князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій. У автора могли быть съ нимъ и личныя столкновенія; но и кромѣ того, Кантемира могла раздражать противоположность судьбы Долгорукаго и его самого: оба были очень молоды, оба были знатнаго происхожденія, но одинъ, богатый дарованіями и знаніями, былъ бѣденъ и занималъ ничтожное положеніе; другой, не имѣя ни талантовъ ни образованія, былъ на верху почестей. Вотъ что говоритъ Кантемиръ о Долгорукомъ:

Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
Коему и власть и чинъ высокій достался
Въ двадцать лѣтъ, юность когда и въуздѣ ретива.
Сего уже разуздавъ богиня плѣшива,
Ты самъ суди, какъ съ одной рыскалъ на другую
Пропасть, потерявъ совсѣмъ дорогу прямую.
Часто смотря на него, я лопался со смѣху,
Хоть меня шутомъ Менандръ ему далъ въ утѣху.
Не умѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ наипаче примѣтной,
На ловлѣ съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Вѣкъ ничему не учась, смѣлыми словами
И дерзкимъ лицомъ о всемъ хотѣлъ разсуждати,
(Какъ бы знанье съ властью раздѣльно бывати
Не могло), надъ всѣми свой совѣтъ почитая,
И чтительныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ требуетъ и труды и лѣта.

Кромѣ выходокъ противъ пороковъ духовенства, въ сатирахъ Кантемира встрѣчаемъ слѣдующія темныя стороны тогдашняго общества: судья бѣжитъ осторожно отъ просителя, у котораго карманъ пустъ. Цѣловальникъ, давши взятку судьѣ, прикрываетъ свое казнокрадство. Купецъ при продажѣ безпрестанно божится. Въ высшемъ обществѣ авторъ нападаетъ на щегольство, картежничество; упрекаетъ за дурное обращеніе съ крѣпостными:

Каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою: (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; плоть въ слугѣ твоей однолична).

Цѣлую сатиру Кантемиръ посвятилъ «безстыдной нахальчивости». Это явленіе особенно свойственно обществамъ незрѣлымъ, каково было русское, и причиняетъ страшный вредъ. По отсутствію достаточнаго образованія въ лицахъ правительственныхъ и въ массѣ, нѣтъ способности и привычки критически и спокойно относиться къ явленіямъ и людямъ, подвергать ихъ строгой оцѣнкѣ; вслѣдствіе умственной неразвитости человѣкъ привыкъ увлекаться пер-

вымъ впечатлѣніемъ, внѣшностью, уступать силѣ, натиску, считать громкую и быструю рѣчь признакомъ сильнаго ума и обширныхъ знаній. Отсюда люди дѣйствительно способные, знающіе и трудолюбивые, но скромные, добросовѣстные и занятые, слѣдовательно, не имѣющіе времени бѣгать ко всѣмъ и всюду трубить о себѣ, остаются въ тѣни, забытые, не имѣютъ достойнаго для ихъ способностей и знаній поприща, а выходятъ наверхъ люди, способные выставляться, говорить и громко говорить сами о себѣ, мозолить глаза другимъ своимъ присутствіемъ всюду и такимъ образомъ пріобрѣтать памятованіе о себѣ, извѣстность. Человѣкъ, дѣйствительно, способный и знающій, работаетъ гдѣ-нибудь въ углу; кто его знаетъ, кто его помнитъ? Да если и вспомнятъ и спросятъ о чемъ-нибудь, то чудакъ отвѣтитъ: «не знаю, надобно подумать, справиться», а это скучно; тогда какъ нахалъ всегда тутъ и все знаетъ, отвѣтъ на все готовъ; придумаетъ что-нибудь, всѣмъ разскажетъ по двадцати разъ, напишетъ три строки—объѣздитъ всѣхъ сильныхъ земли и прочтетъ. Нужды нѣтъ, что эти строки по напечатаніи сейчасъ забываются; нужды нѣтъ, что и слушающіе скучаютъ чтеніемъ неугомоннаго автора, но очень пріятно, что человѣкъ пришелъ, прочелъ, значитъ уважаетъ, дорожитъ мнѣніемъ, считаетъ способнымъ оцѣнить произведеніе, помнитъ, и его за это помнятъ и напоминаютъ о немъ когда нужно. Поднимается важный вопросъ, начнется общее дѣло—нашъ молодецъ тутъ первый, суетится и кричитъ громче всѣхъ. Кантемиръ не могъ не отозваться съ горечью объ этомъ явленіи.

Другой, кому боги благосклонны,
Дали мѣдное лицо, дабы всѣ законны
Стыда чувства презирать, не рдясь, не блѣднѣя,
У всякихъ стучитъ дверей, предъ всякимъ и шея
И спина гнется его; въ отказѣ зазору
Не знаетъ, скучая всѣмъ, дерзокъ безъ разбору...
Заслуги свои, родъ, умъ, съ устъ онъ не спускаетъ..
Чужія щиплетъ дѣла, о всемъ дерзко судитъ,
Себя слушать и нѣмѣть всѣхъ въ бесѣдѣ нудитъ,
И дивиться, наконецъ, себѣ заставляетъ.
Рѣдко кто рѣчи людей право вѣсить знаетъ,
И склоненъ, испытавъ словъ силу всѣхъ подробно,
Судить потомъ, каковъ мозгъ, кой родитъ удобно
Могъ тѣ слова; большая часть въ насъ по числу мѣритъ
Словъ разумъ, и глупцами молчаливыхъ вѣритъ.

Разумѣется, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ не могъ не коснуться того унизительнаго порока, который былъ такъ силенъ въ древней Россіи и отъ котораго не отставала новая ни въ одномъ слоѣ общества,—именно пьянства; не могъ онъ не коснуться и того печальнаго взгляда, что финансовыя выгоды правительства связаны съ поддержаніемъ этого порока. Выставляя опасность, которую могутъ навлечь на автора его сатиры, Кантемиръ говоритъ:

Вонъ Кондратъ съ товарыщи, сказываютъ, дышитъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собравъ, челобитну пишетъ
Имѣя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ нравъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними кружальны доходы.

Отвратительная картина пьянства представлена въ пятой сатирѣ; сатирикъ разсказываетъ:

Прибылъ я въ городъ вашъ въ день нѣкой знаменитой;
Пришедъ къ воротамъ, нашелъ, что спитъ, какъ убитой
Мужикъ съ ружьемъ, который, какъ потомъ провѣдалъ,
Поставленъ былъ входъ стеречь; еще не обѣдалъ
Было народъ, и солнце полкруга небесна
Не пробѣгло, а почти ужъ улица тѣсна
Была отъ лежащихъ тѣлъ. При взглядѣ я первомъ
Чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахнетъ стервомъ
И вижу, что прочіе тѣхъ не отбѣгаютъ
Тѣлъ люди, и съ нихъ самыхъ ины подымаютъ
Руки, ины головы тяжки и румяны;
И слабость ногъ лишь не даетъ встать; словомъ всѣ пьяны.
Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не трезвѣе,
Не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе.

Мы видѣли, въ какихъ отношеніяхъ находились Ѳеофанъ, Кантемиръ и Татищевъ и имъ подобные ко времени Петра и къ послѣдовавшему за нимъ, въ какихъ надеждахъ воспитались они, утвердились при Петрѣ, и какъ обманулись въ нихъ по его смерти: отсюда тоска о золотомъ вѣкѣ минувшемъ, жалобы на настоящее, стараніе показать, что лучшее будущее возможно только тогда, когда возвратятся назадъ, къ началамъ и стремленіямъ, господствовавшимъ при Петрѣ. Положеніе *ученой дружины* послѣ Петра рѣзко выражено въ слѣдующихъ стихахъ Кантемира:

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ вышшему восходу,
Златой вѣкъ до нашего не дотянулъ роду;
Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло,
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ страдавши на морѣ корабельной службы.

Что эти стихи вылились прямо изъ сердца, переполненнаго тоскою по свѣтломъ прошедшемъ, смѣненнымъ мрачнымъ настоящимъ, доказываетъ поэтическое достоинство ихъ. Превосходно выраженіе, взятое изъ знакомаго тогда всѣмъ мѣстничества: «науку невѣжество мѣстомъ уже посѣло». Превосходно сравненіе: «какъ страдавши на морѣ корабельной службы». Дѣйствительно, многихъ во время качки преобразовательной эпохи сильно тошнило отъ науки, требуемой пре-

образователемъ; пріятно имъ было теперь отдохнуть, и разумѣется, враждебно смотрѣли они на тѣхъ, которые приглашали ихъ опять въ море.

По убѣжденіямъ Кантемира, посредствомъ «мудрыхъ указовъ Петровыхъ, русскіе стали новымъ народомъ». Петръ есть отецъ новыхъ русскихъ людей, отецъ «ученой дружины» (въ смыслѣ древнегреческаго героя, родоначальника):

Большу часть всего того, что въ насъ, приписуемъ
Природѣ, если хотимъ изслѣдовать зрѣло,
Найдемъ воспитанія одного быть дѣло,
И зналъ то, вышшимъ умомъ монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, ни какимъ трудомъ утомленный,
Когда труды его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей умѣлъ бы наставить
Младенцевъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ брать краяхъ то, что надъ Москвою
Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы:
Мужи вышли годные къ мирнымъ и военнымъ
Дѣламъ, внукамъ памятны нашимъ отдаленнымъ.

Послѣ Петра все пошло дурно; даже и въ стараніи исполнить его предначертанія относительно просвѣщенія не умѣли вести дѣло какъ слѣдуетъ. Такъ нашъ ученый сатирикъ не доволенъ Академіею Наукъ:

Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы;
Строятъ безсмертнымъ коштомъ тутъ палаты славны:
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщаться хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
Вотъ завтра ученія высоки начнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ.
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало

Кантемиръ имѣлъ одинакую участь съ Татищевымъ: и его сочиненія не были изданы при его жизни; сатиры ходили по рукамъ въ рукописяхъ, и легко понять, что однимъ изъ главныхъ распространителей ихъ былъ «дивный первосвященникъ», Ѳеофанъ Прокоповичъ. Для него очень важно было распространять сочиненія, въ которыхъ онъ выставлялся единственнымъ достойнымъ пастыремъ Христова стада; здѣсь дѣло шло не объ одномъ удовлетвореніи самолюбія: сатиру Кантемира Ѳеофанъ выставлялъ какъ щитъ отъ враговъ, которые достойнѣйшаго изъ пастырей, дивнаго первосвященника, не переставали выставлять еретикомъ, волкомъ, а не пастыремъ. Въ собраніяхъ, на вечеринкахъ люди, относившіеся къ Ѳеофану и врагамъ его одинаково съ Кантемиромъ, читали сатиры послѣдняго.

Соловьевъ.

Князь Кантемиръ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей въ періодъ нашей исторіи отъ Петра I до Елисаветы. Судя по тому времени, онъ писалъ много и разнообразно, переводилъ и того больше: писалъ басни, эпиграммы, пѣсни, писалъ философскія разсужденія и сатиры; переводилъ съ разныхъ языковъ сочиненія историческія, нравоучительныя и философскія. Но не переводы, хотя весьма замѣчательные, даютъ ему почетное мѣсто въ нашей словесности; не басни, не философскія разсужденія, даже и не пѣсни, пѣтыя въ цѣлой Россіи, отдѣляютъ и возвышаютъ его между современною литературною братіею: Кондратовичемъ, Буслаевымъ и Тредьяковскимъ. Сатиры, однѣ сатиры,—въ которыхъ онъ, смѣясь надъ злонравными, вмѣстѣ съ тѣмъ плачетъ объ нихъ въ глубинѣ своей души. Онѣ-то составляютъ великую заслугу Кантемира литературѣ и обществу; отъ ихъ смѣлыхъ и внятныхъ насмѣшекъ исцѣлился не одинъ злонравный. И сатира была собственно его призваніемъ (Сат. IV—стх. 137—156). За что онъ ни брался въ другомъ родѣ, у него, по собственному же сознанію, выходили стихи жесткіе, досадные ушамъ, и похожіе на тѣ жалкія вирши Максимовича, что по цѣлой азбукѣ святыхъ житья водятъ; но лишь принимался онъ за сатиру, стихъ его лился скорѣе, онъ чувствовалъ въ себѣ поэтическій даръ, и

Проворенъ, веселъ, спѣшилъ, какъ вождь на побѣду

Конечно, въ сатирахъ его такъ же, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, нѣтъ творчества, нѣтъ изящества рѣчи; длинные силлабическіе стихи жестки, досадны ушамъ и часто походятъ на вирши Максимовича, надъ которыми онъ самъ смѣялся; конечно, у него нерѣдко встрѣчаются образы неграціозные, выраженія до того грубыя, что языкъ не поворачивается произнести ихъ въ школѣ и порядочномъ обществѣ: но зато сатиры его содержаніемъ своимъ представляютъ ясное, хотя и не полное, выраженіе современной жизни; онѣ хотя именъ не значатъ, но чистосердечно говорятъ правду, и за сто лѣтъ откровенно доносятъ намъ, чѣмъ болѣло современное ему общество. Такимъ образомъ, сатиры Кантемира, незначительныя и слабыя, по строгому, безжалостному приговору высшей эстетической критики, становятся значительными и важными предъ судомъ критики исторической, не менѣе справедливымъ, но болѣе снисходительнымъ. По суду этой-то исторической критики, изъ всѣхъ сатиръ Кантемира важны особенно двѣ первыя, какъ вѣрныя выразительницы тогдашнихъ общественныхъ недостатковъ; объ нихъ и войдемъ здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

Самодержавный просвѣтитель земли русской всею силою своей власти вооружался противъ невѣжества и старинной нашей лѣни, на которую жаловался еще кроткій Мономахъ; вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ великій Петръ водворялъ между подданными и новыя идеи о достоинствѣ человѣка въ жизни общественной, которое дотолѣ

основывалось преимущественно на разрядныхъ книгахъ. Плохо пришлось брадатымъ боярамъ, которые годны были только засѣдать въ совѣтѣ, уставя свои брады и ничего не отвѣчая; плохо стало и тщеславнымъ баричамъ, которые умѣли только нѣжиться въ пуху подъ парчею и требовать высокихъ должностей и блестящихъ отличій, опираясь на заслуги своихъ предковъ. Между тѣмъ какъ они метали свои гнѣвныя несправедливыя жалобы, что ихъ обходятъ чинами и лентами, продавецъ подовыхъ пироговъ бралъ крѣпости, получалъ ордена, и въ рукѣ своей крѣпко держалъ фельдмаршалскій жезлъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, при такомъ броженіи умовъ, происшедшемъ отъ внесенія новыхъ идей въ русскую жизнь, въ старомъ поколѣніи образовалась густая толпа недовольныхъ, которые питали заклятую вражду къ просвѣщенію и выскочкамъ. Къ нимъ, на подмогу, въ задніе ряды примкнула большая часть тѣхъ учениковъ петровыхъ, которые, изъ путешествія по чужимъ краямъ, вмѣсто истиннаго просвѣщенія, вывезли только роскошныя свѣдѣнія о томъ,

Что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ поларшина глубоки и ситой подбиты;
Согнувъ кафтанъ, не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить,
Въ лѣто или осенью, въ зиму и весною
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, сребро иль злато.

Такое состояніе общества всего больше предлагало матеріалу для сатиры — и первымъ произведеніемъ уроженца Константинополя вышла сатира «На хулящихъ ученіе», или «Къ уму моему». Въ ней славный ученикъ забытаго Ильинскаго смѣшными чертами живо обрисовалъ безсмысленныхъ хулителей просвѣщенія: ханжу Критона, скупого Сильвана, любителя пировъ Луку и щеголя Медора. Одинъ изъ нихъ въ наукѣ, не шутя, видитъ источникъ ересей и расколовъ, другой — причину голода: «прежде вишь въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали»; третій хулитъ науку за то, будто она разрушаетъ содружество людей, четвертый отъ науки тужитъ и горюетъ, что черезчуръ исходитъ бумаги на письмо и книги, а ему не во что завернуть свои кудри. Между тѣмъ, какъ эти забавные чудаки хулятъ просвѣщеніе, другіе съ благороднымъ терпѣніемъ учатся разнымъ наукамъ и ремесламъ, выходятъ въ люди, — и вотъ на ихъ глазахъ выросло новое поколѣніе, живое, дѣятельное и образованное, которому отдаютъ мѣста и должности, которое возвышаютъ и жалуютъ орденами. Такое непредвидѣнное возвышеніе такъ-называемыхъ выскочекъ глубоко оскорбляетъ самолюбіе внуковъ Ольги: они громко заговорили о своемъ благородствѣ, начали пересматривать генеалогію и разрядныя книги. Ссылки на старшинство рода ничего не помогаютъ, они остаются все при томъ же — и новыя жалобы, новый ропотъ противъ забвенія благородства, слышится

еще громче, еще ожесточеннѣе ропота противъ науки. Этотъ нравственный недугъ современнаго общества караетъ тотъ же Кантемиръ въ своей второй сатирѣ; въ ней чистосердечно, безъ всякой прикрасы пятнаетъ онъ этихъ тщеславныхъ баръ, которые стали смутны и блѣдны, со впалыми щеками, и все оттого, что они презрѣны съ ихъ пышными именами, а возвышенъ и почтенъ тотъ,

Кто недавно продавалъ въ рядахъ мѣшокъ соли,
Кто глушилъ насъ, «сальныя», крича, «ясно свѣчи
Горятъ», кто съ подовыми горшкомъ истеръ плечи. —

Таково содержаніе двухъ первыхъ сатиръ. Въ нихъ нельзя не узнать картинъ тогдашняго русскаго общества. Д.

Общій обзоръ восьми сатиръ и другихъ сочиненій Кантемира.

Въ 1739 году написалъ Кантемиръ свою первую сатиру, слѣдовательно, ровно за десять лѣтъ до первой оды Ломоносова («На взятіе Хотина»), написанной новымъ размѣромъ. Это едва ли не лучшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Она была направлена противъ обскурантовъ (людей, одержимыхъ болѣзнію мракобѣсія), враговъ просвѣщенія. Въ ней, какъ и во всѣхъ сатирахъ Кантемира, нѣтъ ни желчнаго негодованія ни бурнаго паѳоса; но въ ней много ума, много комической соли, и есть одушевленіе, тихое, ровное, но постоянно выдерживаемое. Кантемиръ не бичуетъ, а только сѣчетъ обскурантовъ. Оно и естественно: сатира страстная, грозная, бѣшеная, вооруженная свитымъ изъ змѣй бичомъ, сатира въ образѣ Немезиды, бросающей молніи изъ очей, съ пѣною у рта, такая сатира возможна только или у народа, который уже пережилъ самого себя, для котораго уже нѣтъ ни выхода ни будущаго, или у народа, который еще полонъ свѣжихъ силъ жизни, но уже созналъ причины, которыя удерживаютъ его стремленіе на пути дальнѣшаго развитія. Ни то ни другое положеніе не могло относиться къ Россіи временъ Кантемира. Прогрессъ, который тогда для нея былъ возможенъ, весь заключался больше въ формѣ, нежели въ духѣ, слѣдовательно, былъ слишкомъ внѣшенъ, и потому не могъ имѣть слишкомъ сильныхъ и опасныхъ враговъ. Эти враги были больше смѣшны, нежели страшны, и для нихъ нуженъ былъ не свистящій бичъ ювеналовской сатиры, а легкая лоза насмѣшки и ироніи. И въ этомъ отношеніи, сатиры Кантемира были именно такими, какія тогда были нужны и могли быть полезны. Первая сатира, «На хулящихъ ученіе», особенно богата смѣшными чертами и вѣрными снимками съ общества того времени. Поэтъ дѣлаетъ обращеніе къ уму своему, прося его не понуждать его рукъ къ перу. Можно, говоритъ поэтъ, и неписавши

достичь славы: вѣдь въ нашъ вѣкъ къ ней ведутъ многіе пути; а изъ нихъ самый трудный и невыгодный—тотъ, «что босы проклали девять сестръ».

. . . . Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза; большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мраморами саду;
Овцы не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.
Правда, въ нашемъ молодомъ монархѣ[1]) надежда
Всходитъ Музамъ не мала; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почулъ, чтяща свою свиту
Видѣлъ его самого, и во всемъ обильно
Тщится множить жителей Парнасскихъ онъ сильно:
Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
За страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.

Какъ ловко выражена мысль двухъ послѣднихъ стиховъ! За ними слѣдуетъ рядъ картинъ тогдашняго общества, написанныхъ мастерскою кистію. Поэтъ заставляетъ невѣждъ, подъ вымышленными именами, говорить филиппики противъ просвѣщенія. И каждый изъ этихъ антагонистовъ свѣта Божія, высказывается сообразно своему характеру, и ни одинъ изъ нихъ не повторяетъ другого...

Обращаясь къ своему уму и доказывая ему безплодность борьбы съ невѣждами, сатирикъ говоритъ:

Гордость, лѣность, богатство мудрость одолѣло;
Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло.
Подъ митрой гордится то, въ шитомъ платьѣ ходитъ,
Судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ.
Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ на страдавши морѣ корабельной службы.
Всѣ кричатъ: никакой плодъ не видимъ съ науки!
Ученыхъ хоть голова полна, пусты руки.
Коли кто карты мѣшать, разныхъ винъ вкусъ знаетъ,
Танцуетъ, на дудочкѣ пѣсни три играетъ,
Смыслитъ искусно прибрать въ своемъ платьѣ цвѣты,—
Тому ужъ и въ самыя молодыя лѣты
Всякая вышша степень—мзда ужъ не велика,
Семи мудрецовъ себя достойнымъ мнитъ лика.

Вторая сатира, «Филаретъ и Евгеній», написанная мѣсяца черезъ два послѣ первой, нападаетъ «на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Это, впрочемъ, чуть ли не слабѣйшая изъ всѣхъ сатиръ Кантемира. Въ ней больше разсужденій, больше морали, нежели желчи. Впрочемъ, и въ ней есть мѣста замѣчательныя.

---

[1]) Поэтъ говоритъ о Петрѣ Второмъ, которому тогда было четырнадцать лѣтъ. Онъ въ дѣтствѣ съ особенною ревностію учился, а впослѣдствіи подтвердилъ данныя его предшественниками привилегіи Академіи наукъ и назначилъ ея членамъ и даже чиновникамъ постоянные оклады.

Вотъ, напримѣръ, картина жизни фата, или льва того времени.

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопишь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнулъ, растворилъ глаза, выспался до воли,
Тянешься ужъ часъ-другой, нѣжишься, ожидая
Пойло, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая.
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибираешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ, новый Нарцисъ, жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно
Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ съ слуги валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ красота становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакъ стерто много мѣлу.
Деревню взвѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.

Дальнѣйшее описаніе облаченія фата, и въ особенности слова сатирика на счетъ того, какъ хорошо воспользовался фатъ своимъ путешествіемъ по Европѣ, чрезвычайно забавны, за исключеніемъ устарѣлаго языка, слога и силлабическаго стихосложенія. Пусть читатели сами повѣрятъ справедливость нашихъ словъ, прочтя эту сатиру всю, а мы выпишемъ изъ нея еще вотъ эти стихи:

Бѣдныхъ слезы предъ тобой льются, пока злобно
Ты смѣешься нищетѣ; каменный душою
Бьешь холопа до крови, что махнулъ рукою
Вмѣсто правой лѣвою (звѣрямъ лишь прилична
Жадность крови; *плоть въ слугѣ твоей одинолична*).
Мало, правда, ты копишь денегъ; но къ нимъ жаденъ:
Мотъ почти всегда живетъ сребролюбьемъ смраденъ,
И все законно онъ мнитъ, что ужъ истощенной
Можетъ дополнить мѣшокъ; нужды совершенной
Стала ему золота куча, безъ которой
Прохладамъ долженъ своимъ конецъ видѣть скорой.

Въ этомъ отрывкѣ есть стихи (не указываемъ на нихъ: человѣческое чувство читателя ихъ угадаетъ и безъ насъ), которые могутъ служить торжественнымъ и неопровержимымъ доказательствомъ, что наша литература, даже въ самомъ началѣ ея, была провозвѣстницею для общества всѣхъ благородныхъ чувствъ, всѣхъ высокихъ понятій. Да, она умѣла не только льстить, но и выговаривать святыя истины о человѣческомъ достоинствѣ. Самая лесть у ней была не столько убѣжденіемъ, сколько, во-первыхъ, подчиненіемъ всѣми принятому обычаю, а во-вторыхъ, реторическою манерою. До поэзіи достигала

она и у самаго Державина, только тамъ, гдѣ онъ переставалъ быть поэтомъ въ духѣ времени и становился просто человѣкомъ. Простимъ же ей—нашей старой литературѣ, ея грѣхи, вольные и невольные, и будемъ ей благодарны за то, что она, и только одна она была воспитательницею юнаго, созданнаго Петромъ Великимъ общества, отъ Кантемира до нашихъ временъ. По мнѣ, нѣтъ цѣны этимъ неуклюжимъ стихамъ умнаго, честнаго и добраго Кантемира:

. . . . Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся;
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ:
Счастливъ, кто средины оной держаться умѣетъ,
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный;
Ползать не совѣтую, хоть спеси гнушаюсь...
. . . .
Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ чадо
Его садъ копалъ, другой пасъ блеюще стадо.
Ной въ ковчегѣ съ собою спасъ все себѣ равныхъ
Простыхъ земледѣтелей, правами лишь славныхъ,
Отъ нихъ мы всѣ сплошь пошли, одинъ поранѣе
Оставя дудку, соху; другой—попозднѣе.

Чтобъ не возвращаться опять къ одному и тому же предмету, выпишемъ теперь же изъ шестой сатиры стихи, въ которыхъ Кантемиръ казнитъ насмѣшкою добровольное униженіе человѣческаго достоинства низкопоклонствомъ и лестью:

Съ пѣтухами пробудясь, нужно потащиться
Изъ дому въ домъ на поклонъ, въ переднихъ томиться,
Утро торча на ногахъ съ холопы въ бесѣдѣ,
Ни сморкнуть ни кашлянуть смѣя. По обѣдѣ
Та же жизнь до вечера; ночь вся безпокойно
Пройдетъ, думая, къ кому поутру пристойно
Еще бѣжать, передъ кѣмъ гнуть шею и спину,
Что слугѣ въ подарокъ, что понесть господину.
Нужно часто полыгать, небылицу вѣрить
Больше чѣмъ, что скорлупой можно море смѣрить;
Господскую сносить спесь, признавать, что родомъ
Моложе Владимира однимъ только годомъ,
Хоть ты помнишь, какъ отецъ носилъ кафтанъ сѣрой;
Кривую жену его называть Венерой,
И въ шальныхъ дѣтяхъ хвалить остроту природну;
Не зѣвать, когда онъ самъ несетъ сумасбродну.
Нужно добродѣтелемъ звать того, другого,
Отъ кого вѣкъ не видалъ добра никакого...

Третья сатира, «Къ Ѳеофану, епископу новгородскому», написанная въ 1730 году, разсуждаетъ о различіи страстей человѣческихъ. Тутъ осмѣиваются сребролюбцы, сплетники, болтуны, ханжи, самолюбцы, пьяницы, завистники и т. п. Въ четвертой сатирѣ, написанной въ 1731 году, Кантемиръ спрашиваетъ свою музу, не пора ли имъ перестать писать сатиры?

. . . . Многимъ тѣ не любы.
И ворчитъ ужъ не одинъ, что гдѣ нѣтъ мнѣ дѣла,
Тамъ мѣшаюсь, и кажу себя чрезчуръ смѣла.

Ты (говоритъ онъ своей музѣ), смѣло хулишь и находишь свое веселіе въ томъ, чтобы бѣсить злыхъ, «а я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье». Одинъ (продолжаетъ сатирикъ) хочетъ потянуть меня къ суду, что, нападая на пьяницъ, «умаляю кружальные доходы»; другой, похваляясь, что отъ доски до доски прочелъ библію острожской печати, убѣдился изъ нея, что «во мнѣ нечистый духъ злословитъ бороду»; третій сердится, что нападаю на взятки. Тогда сатирикъ, желая перемѣнить грубый тонъ на вѣжливый, начинаетъ иронически хвалить глупцовъ и негодяевъ; но это доводитъ до сознанія, что онъ не умѣетъ и въ шутку хвалить того, что̀ считаетъ дурнымъ.

. . . . когда хвалы принимаюсь
Писать, когда, Муза, твой нравъ сломить стараюсь,
Сколько ногти не грызу, и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы,
Жостки, досадны ушамъ, и на тѣ походятъ,
Что по цѣлой азбукѣ святыхъ житьё водятъ,
Духъ твой лѣнивъ, и въ зубахъ вязнетъ твое слово
Не забавно, не красно, не сильно, не ново;
А какъ въ нравахъ вредно что́ усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скоряе;
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю,
И чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.

Кантемиръ заключаетъ эту сатиру тѣмъ, что сатиры могутъ не нравиться только дурнымъ людямъ и глупцамъ, на которыхъ нечего смотрѣть.

Такимъ однимъ сатира наша быть противна
Можетъ; да ихъ нечего щадить, и не дивна
Мнѣ любовь ихъ, какъ и гнѣвъ ихъ мнѣ страшенъ мало.
Просить у нихъ не хочу, съ ними не пристало
Мнѣ вестись, чтобъ не счернѣть, касаяся сажи;
Вредить не могутъ тѣ мнѣ, пока въ сильной стражи
Нахожуся матери отечества правой.
А коимъ Богъ чистой духъ далъ и далъ умъ здравой,
Беззлобны беззлобные наши стихи взлюбятъ,
И охотно станутъ честь, надѣясь, что сгубятъ,
Можетъ быть, или уменьшатъ злые людей нравы.
Сколько тѣмъ придастся имъ и пользы и славы!

Въ этихъ стихахъ — весь Кантемиръ! Этотъ человѣкъ не былъ поэтомъ; непосредственный художественный талантъ не былъ его удѣломъ. Его поэзія — поэзія ума, здраваго смысла и благороднаго сердца. Кантемиръ въ своихъ стихахъ — не поэтъ, а публицистъ, пишущій о нравахъ энергически и остроумно. Насмѣшка и иронія — вотъ въ чемъ заключался талантъ Кантемира.

Пятая сатира, «Сатиръ и Перiергъ», написанная въ 1737 году, въ Лондонѣ, устремлена «на человѣческiя злонравiя вообще». Ея форма очень изысканна, и въ цѣломъ она скучна; но подробности есть удивительныя, какъ, напримѣръ, это мѣсто:

Болваномъ Макаръ вчерась казался народу,
Годенъ лишь дрова рубить, или таскать воду;
Никто ощупать не могъ въ немъ ума хоть кроху,
Углемъ чернымъ всякъ пятналъ совѣсть его плоху.
Улыбнулося тому жъ счастiе Макару,—
И сегодни временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару
Честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится,
Всякъ уму наперерывъ чудну въ немъ дивится,
Сколько пользы отъ него царство ждать имѣетъ!
Поправить взглядомъ однимъ все легко умѣетъ,
Чѣмъ бывшiй глупецъ предъ нимъ народъ весь озлобилъ;
Богъ въ благополучiе ваше его собилъ.

Заключенiе этой сатиры особенно забавно. Исчисляя разныя человѣческiя глупости, сатирикъ говоритъ:

Пахарь, соху ведучи, иль оброкъ считая,
Не однажды привздохнетъ, слезы отирая:
За что де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ сѣрякѣ, но въ платьѣ богатомъ,
Зналъ бы лишь ружье свое да своего капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бъ свинья моя только поросилась,
Съ коровы мнѣ бъ молоко, мнѣ бъ куря носилась;
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ
Понеси въ поклонъ, а самъ жирѣй на мякинѣ.
Пришолъ поборъ, пахаря вписали въ солдаты,
Не однажды дымные помнитъ ужъ палаты,
Проклинаетъ жизнь свою въ зеленомъ кафтанѣ,
Десятью заплачетъ въ день по сѣромъ жупанѣ.
Толь не житье было мнѣ, говоритъ, въ крестьянствѣ?
Правда, тогда не ходилъ я въ такомъ убранствѣ;
Да лѣтомъ въ подклѣтѣ я, на печи зимою
Сыпалъ, въ дождикъ изъ избы я вонъ ни ногою;
Заплачу подушное, оброкъ господину,
А тамъ о чемъ бы тужить не знаю причину.
Щей горшокъ, да самъ большой, хозяинъ я дома,
Хлѣба у меня черезъ годъ, а скотамъ солома.
Дальна ѣзда мнѣ была съѣздить въ торгъ для соли
Иль въ праздникъ пойти въ село, и то съ доброй воли:
А теперь чортъ, не житье, волочись по свѣту,
Все бы рубашка бѣла, а вымыть чѣмъ нѣту;
Ходи въ штанахъ, возися за ружьемъ пострѣлымъ,
И гдѣ до смерти всѣхъ бьютъ, надобно быть смѣлымъ.
Ни выспаться некогда, часто нѣтъ, что кушать,
Наряжать мнѣ все собой, а сотерыхъ слушать.
Чернецъ тотъ, кой день назадъ чрезмѣрну охоту
Имѣлъ ходить въ клобукѣ, и всяку работу
Въ церкви легку сказывалъ, прося со слезами,
Чтобъ и онъ съ небесными былъ въ счетѣ чинами,

Сегодни не то поетъ: радъ бы скинуть рясу,
Скучили ужъ сухари, полетѣлъ бы къ мясу;
Радъ къ чорту въ товарищи, лишь бы бѣльцомъ быти,
Нѣтъ мочи ужъ ангеломъ въ слабомъ тѣлѣ слыти.

Шестая сатира, написанная въ 1738 году, разсуждаетъ «о истинномъ блаженствѣ». Сатирикъ доказываетъ въ ней, что истинное счастіе заключается въ благоразумной серединѣ и въ бесѣдѣ съ музами. Седьмая сатира, «Къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому», написанная въ 1739 году въ Парижѣ, разсуждаетъ «о воспитаніи». Эта сатира исполнена такихъ здравыхъ, гуманныхъ понятій о воспитаніи, что стоила бы и теперь быть напечатанною золотыми буквами; и не худо было бы, если бы вступающіе въ бракъ предварительно заучивали ее наизусть.

Вотъ нѣсколько отрывковъ на выдержку;

Безперечь дѣтямъ твердя строгіе уставы,
Наскучишь; истребишь въ нихъ всяку любовь славы,
Если часто предъ людьми обличать ихъ станешь:
Дай имъ время и играть; самъ себя обманешь,
Буде станешь торопить, лишно спѣша дѣло;
Наединѣ исправлять можешь ты ихъ спѣло.
Ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ,
Чѣмъ суровость въ цѣлый годъ; кто часто заставитъ
Дрожать сына предъ собой, хвальну въ немъ загладитъ
Смѣлость; и безвременно торопѣть повадитъ.
Счастливъ, кто надеждою похвалъ взбудить знаетъ
Младенца; много къ тому примѣръ пособляетъ:
Относятъ къ сердцу глаза вѣсть уха скоряе.
. . . .
Не одни тѣ растятъ насъ, коимъ наше дѣтство
Ввѣрено; со всѣхъ сторонъ находитъ посредство
Подскользнуться въ сердцѣ нравъ: *все*, что окружаетъ
Младенца, произвести въ немъ нравъ помогаетъ.
. . . .
Обычно цвѣтъ чистоты первый увядаетъ
Отрока въ объятіяхъ рабыни; и знаетъ,
Унесши младенецъ, что, небомъ и землею
Отлыгаться предъ отцомъ,— наставленъ слугою.
Слуги язва суть дѣтей. Родителей — злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Если бъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали.

Повторяемъ: такія мысли о воспитаніи и теперь скорѣе новы, нежели стары.

Восьмая сатира, «На безстыдну нахальчивость», написанная въ 1739 году въ Парижѣ, заключаетъ въ себѣ понятіе сатирика о скромности. Онъ говоритъ о томъ, какъ осторожно пишетъ свои стихи, не лѣнится ихъ «хѣрить», прячетъ надолго въ ящикъ, и, сбираясь печатать, выправляетъ.

Стыдливымъ, боязливымъ, и всегда собою
Недовольнымъ быть во мнѣ природы рукою
Втиснено, иль отеческимъ совѣтомъ изъ дѣтства.

Въ параллель себѣ сатирикъ противопоставляетъ людей наглыхъ и безстыдныхъ.

Мелкія стихотворенія Кантемира любопытны, но не столько какъ поэтическія произведенія, сколько какъ произведенія человѣка съ умомъ и сердцемъ. Если хотите, въ нихъ есть своя гармонія, свой ритмъ, поэтическая, или, лучше сказать, стихотворческая замашка; но поэзіи мало. Кантемиръ писалъ пѣсни, басни и эпиграммы. Пѣсни его раздѣляются на любовныя и на нравственныя. Первыя остались ненапечатанными и, вѣроятно, погибли для потомства, — что очень жаль, потому что, по словамъ самого Кантемира, онѣ имѣли большой успѣхъ: онъ самъ говоритъ въ четвертой сатирѣ:

Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки; коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ любви жало.

А въ примѣчаніи къ этимъ стихамъ, сказано: «сатирикъ сочинилъ многія пѣсни, которыя въ Россіи и понынѣ поются». Кантемиръ какъ бы раскаивается въ этихъ пѣсняхъ, какъ въ грѣхѣ своей юности; въ этой же сатирѣ, онъ говоритъ:

Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣкъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло.

Вотъ образчикъ нравственныхъ пѣсенъ Кантемира:

Видишь Никито, какъ крылато племя
　　Ни землю пашетъ, ни жнетъ, ниже сѣетъ;
Отъ руки вышней однакъ въ свое время
　　Пищу довольну, жизнь продлить, имѣетъ.
Лилію въ полѣ, видишь, многоцвѣтну
　　Ни прядетъ, ни тчетъ; царь мудрый Сіона
Однако въ славѣ своей столь примѣтну
　　Не имѣлъ одежду. Ты голосъ закона, —
Въ сердцахъ природа что отъ вѣкъ вложила,
　　И Богъ во плоти подтвердилъ, — внушая,
Чтò честно, благо, пусть того лишь сила
　　Тобой владѣетъ, злости убѣгая, и пр.

Изъ этого отрывка достаточно видно, что преобладающее направленіе Кантемира было не поэтическое, а дидактическое, и что трудность выражаться на языкѣ не только необработанномъ, даже нетронутомъ, много мѣшала ясности и красотѣ его слога. Басни Кантемира интересны, какъ первые опыты въ этомъ родѣ — не самого автора, а русскаго языка. Ихъ, впрочемъ, не много — всего шесть. Изъ девяти эпиграммъ, выпишемъ одну для образчика.

На что Друзъ Лиду беретъ? — Дряхла ужъ и сѣда,
Съ трудомъ ножку воробья сгрызетъ въ полобѣда.
Къ старинѣ охотникъ Друзъ, въ томъ забаву ставитъ;
Лидой медалей число собранныхъ прибавитъ...

Наконецъ, къ числу стихотворческихъ трудовъ Кантемира принадлежатъ еще «Десять Писемъ Горацiевыхъ», стихами безъ риѳмъ, съ приложенiемъ письма о русскомъ стихосложенiи, подъ вымышленнымъ именемъ Макентина (напеч. въ Санктпетербургѣ 1744 и 1788 г.); «Оды Анакреонтовы» (были ли напечатаны, когда и гдѣ, или не были напечатаны — неизвѣстно). Сверхъ того, Кантемиръ предупредилъ Ломоносова въ намѣренiи — воспѣть въ эпической поэмѣ подвиги Петра Великаго: поэма Ломоносова называлась «Петрiадою», Кантемира — «Петреидою» и, подобно первой, не была кончена[1]).

Всѣ эти стихотворные, равно какъ и прозаическiе труды Кантемира, очень важны, какъ первые опыты, которые должны были и другихъ подвигнуть къ литературной дѣятельности; важны они еще и какъ первый памятникъ тяжелой борьбы умнаго, ученаго и даровитаго писателя съ трудностями языка не только не разработаннаго, но и нетронутаго, подобно полю, которое, кромѣ дикихъ самородныхъ травъ, ничего не произращало. Перо Кантемира было первымъ плугомъ, который прошелъ по этому полю. Скажутъ: у насъ и до Кантемира была словесность. Такъ, но какая? теологически-схоластическая, или лѣтописная, или, наконецъ, состоявшая изъ произведенiй народной поэзiи. Но честь усилiя — найти на русскомъ языкѣ выраженiе для идей, понятiй и предметовъ совершенно новой сферы — сферы европейской, принадлежитъ прямѣе всѣхъ Кантемиру. И еще большее и высшее значенiе имѣютъ его сатиры. Здѣсь Кантемиръ является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою того Петра Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣлся еще въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ, Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россiи, приготовлено имъ же. О, какъ бы горячо обнялъ великiй преобразователь Россiи двадцатилѣтняго стихотворца, если бы дожилъ до его первой сатиры! Но за Петра это сдѣлалъ одинъ изъ птенцовъ его орлиннаго гнѣзда — Ѳеофанъ Прокоповичъ. Сатира Кантемира — подражанiе и, большею частiю, то переводъ, то передѣлка сатиръ Горацiя, Буало

---

[1]) Труды Кантемира въ прозѣ были слѣдующiе: 1) *Разговоры о множествѣ мiровъ, соч. Фонтенелля*, перев. съ франц. Санктпетербургъ; три изданiя (когда вышло первое изданiе, неизвѣстно; второе — въ 1761, третье — въ 1802); оставшiеся въ рукописи: 2) *Юстинова исторiя;* 3) *Корнелiй Непотъ;* 4) *Кевита таблица;* 5) *Письма Персидскiя Монтескье;* 6) *Эпиктетово нравоученiе;* 7) *Итальянскiе разговоры г. Альгеротти о свѣтѣ.* Всѣ эти переводы интересны, какъ живой памятникъ первой борьбы русскаго языка съ европейскими идеями, и какъ факты исторiи русскаго языка. Сверхъ того, осталось въ рукописи сочиненiе Кантемира: *Руководство къ Алгебрѣ*, и никогда не были обнародованы его дипломатическiя изъ Лондона и Парижа реляцiи, письма, замѣчанiя, вѣроятно очень любопытныя не въ одномъ литературномъ отношенiи. Изъ напечатанныхъ его сочиненiй извѣстно еще: *Симфонiя или согласiе на боговдохновенную книгу псалмовъ царя и пророка Давида* (С.-Пб. 1727, второе изданiе 1827). Это сводъ всѣхъ стиховъ псалтыря, по азбучному порядку, для удобнѣйшаго прiисканiя текстовъ.

и частію Ювенала; но тѣмъ не менѣе, онѣ — въ высшей степени оригинальныя произведенія: такъ умѣлъ Кантемиръ примѣнить ихъ къ быту и потребностямъ русскаго общества! Онъ не нападаетъ въ нихъ на пороки, свойственные созрѣвшимъ или перезрѣвшимъ цивилизаціямъ: нѣтъ, онъ нападаетъ на фанатизмъ невѣжества, на предразсудки современнаго ему русскаго общества. Во второй сатирѣ онъ осмѣиваетъ дворянскую спесь—порокъ, столь же свойственный русскимъ, сколько и всякому другому народу въ Европѣ; но колоритъ этого порока, равно какъ и манера нападать на него, въ его сатирѣ—чисто русскіе. Короче: подражая Горацію и Буало, Кантемиръ до того обрусилъ ихъ въ своихъ сатирахъ, что аббатъ Гуаско не усомнился перевести ихъ на французскій языкъ, какъ произведенія, которыя для французовъ могли имѣть всю прелесть оригинальности. И вотъ въ чемъ состоитъ великая заслуга Кантемира не только передъ русскимъ языкомъ или русскою литературою, но и передъ русскимъ обществомъ его времени. Теперь вопросъ: какъ велико было вліяніе сатиръ Кантемира на русское общество, въ которомъ грамотность была мало распространена, а о литературности не было и помина? Сатиры Кантемира изданы гораздо послѣ его смерти (въ 1762 году), но съ его собственноручнаго списка, посланнаго имъ изъ Парижа, къ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, съ посвященіемъ ей. Онѣ снабжены многочисленными подробными примѣчаніями въ выноскахъ, кѣмъ писанными—неизвѣстно, но, кажется, не самимъ Кантемиромъ. При каждой сатирѣ, въ примѣчаніи говорится: издана въ такое-то время; но, кажется, здѣсь слово издана значитъ ни больше ни меньше, какъ—написана, и при жизни Кантемира, кажется, ни одна сатира его не была напечатана. Но тѣмъ не менѣе, не подвержено никакому сомнѣнію, что сатиры Кантемира, какъ и всѣ его стихотворныя произведенія, пользовались большою извѣстностію въ обществѣ того времени. Самъ Кантемиръ говоритъ о большомъ успѣхѣ его любовныхъ пѣсенъ. Рукописныя сатиры свои онъ прислалъ императрицѣ: значитъ, онѣ были ей извѣстны и прежде, а если такъ, значитъ, на нихъ всѣ смотрѣли, какъ на что-то важное. Если ихъ читала императрица, то читалъ и дворъ. Сверхъ того, онѣ нашли себѣ большую извѣстность и большое одобреніе въ духовенствѣ, между которымъ было тогда много людей ученыхъ и образованныхъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ до того былъ восхищенъ первою сатирою Кантемира, что написалъ къ ихъ автору, не зная его, извѣстное посланіе, которое начинается стихомъ: «Не знаю, кто ты, пророче рогатый», и которое дышитъ неподдѣльнымъ восторгомъ. Новоспасскій архимандритъ Ѳеофилъ-Кроликъ привѣтствовалъ Кантемира тоже посланіемъ въ стихахъ, только на латинскомъ языкѣ. О чемъ говорятъ и чѣмъ интересуются высшіе представители общества по уму, образованности и знатности,—о томъ, разумѣется, говоритъ и общество. Поэтому очень могло быть, что сатиры Кантемира скоро пошли разгуливать въ спискахъ по всей Россіи, между грамотнымъ наро-

домъ. Это тѣмъ естественнѣе, что въ сатирахъ Кантемира почти вовсе нѣтъ, или есть очень мало реторики, что въ нихъ говорится только о томъ, что у всѣхъ было передъ глазами, и говорится не только русскимъ языкомъ, но и русскимъ умомъ. Въ жизнеописаніи Кантемира сказано, что всѣ сатиры его имѣли большой успѣхъ, и что «многіе его стихи пошли въ пословицы». И не мудрено: въ сатирахъ Кантемира попадаются стихи до того забавные и наивно-остроумные, что невольно остаются въ памяти. Таковы, напримѣръ, эти два стиха въ первой сатирѣ:

И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами.

Таковы же стихи, которые приведемъ изъ разныхъ сатиръ.

Ябеда и ея другъ дьякъ или подьячій.

—

. . . . Безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.

—

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю.

—

Вино долженъ перевесть, кто пьяныхъ не любитъ.

—

Пространный столъ, что семьѣ поповской съѣсть трудно
Въ тридцать блюдъ, еще ему мнилось яство скудно.

—

Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода.

Послѣдній стихъ невольно приводитъ на память стихи Грибоѣдова:

Извѣстья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

Кантемиръ, по своему болѣзненному сложенію, меланхолическому характеру, былъ наклоненъ къ нравственному дидактизму. Немножко суровый моралистъ (что̀ доказываетъ его раскаяніе въ любовныхъ пѣсняхъ) и весьма остроумный человѣкъ, Кантемиръ любилъ только избранное общество, слѣдовательно не любилъ общества вообще, которое оскорбляло его своими пороками и недостатками; такой характеръ предполагаетъ раздражительность и любовь къ уединенію. Всѣ эти обстоятельства необходимо дѣлали Кантемира сатирикомъ. По языку неточному, неопредѣленному, по инструкціи часто запутанной, не говоря уже о страшной устарѣлости, въ наше время того и другого, по стихосложенію, столь несвойственному русской просодіи, сатиры Кантемира нельзя читать безъ нѣкотораго напряженія, тѣмъ

более нельзя ихъ читать много и долго. Но, несмотря на то, въ нихъ столько оригинальности, столько ума и остроумія, такія яркія и вѣрныя картины тогдашняго общества, личность автора отражается въ нихъ такъ прекрасно, такъ человѣчно, что развернуть изрѣдка сатирика Кантемира и прочесть которую-нибудь изъ его сатиръ есть истинное наслажденіе. *Бѣлинскій.*

Подробный анализъ сатиръ Кантемира—ихъ содержаніе, форма и стихъ.

Содержаніемъ сатиръ Кантемира служитъ выраженіе негодованія или насмѣшки, вызванныхъ врагами Петровой реформы. Враговъ этихъ было два рода: приверженцы старины, не хотѣвшіе вовсе принять идеи великаго преобразователя, и безсмысленные послѣдователи новизны, плохо или даже превратно понимавшіе характеръ преобразованій. Кантемиръ преимущественно вооружается противъ первыхъ; однако есть у него злыя выходки и противъ вторыхъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны стихи второй сатиры отъ 135 до 187 ст.: они содержатъ въ себѣ яркое описаніе современнаго щеголя, вѣрную копію тѣхъ верхоглядовъ, которые, посѣтивъ чужіе края, усвоили себѣ одинъ внѣшній блескъ европейской жизни, выучились только умѣнью одѣваться по модѣ да искусству пировать.

Но большая часть негодованія и насмѣшекъ обращена Кантемиромъ на упорство старины. Бичомъ своей сатиры преслѣдуетъ онъ въ особенности тѣхъ, которые, по словамъ Ѳеофана, «не любили ученой дружины». Онъ зналъ, что передовое зло времени гнѣздилось въ невѣжествѣ, и потому первая сатира его, написанная въ 1729 году, на двадцатомъ году возраста, преслѣдуетъ обскурантовъ, т.-е. поклонниковъ умственной тьмы. Въ хронологическомъ порядкѣ появленія сатиръ есть разумная послѣдовательность: она объясняется состояніемъ общества, его пороками, болѣе или менѣе важными. Вражда къ просвѣщенію была главнымъ чувствомъ старой жизни, и Кантемиръ прежде всего осмѣиваетъ тѣхъ своихъ согражданъ, которые проповѣдовали безполезность наукъ. Даже внутреннее достоинство его произведеній совпадаетъ съ важностію общественнаго блага, во имя котораго онъ ратовалъ, съ силою общественнаго зла, противъ котораго ратовалъ: сатира его, первая по времени, есть въ то же время первая и по литературному значенію, она беретъ преимущество надъ прочими силою правдивыхъ укоризнъ. За невѣжествомъ шло ближайшее непосредственное его слѣдствіе — превратное понятіе о достоинствѣ человѣка: внѣшнее предпочиталось внутреннему, случайное — существенному. При завязавшейся послѣ Петра борьбѣ стараго съ новымъ, рѣзко обнаружилось различіе понятій объ истинномъ достоинствѣ человѣка: эти понятія выражены второю сатирою «Объ истинномъ благородствѣ».

Разсмотримъ обѣ сатиры по содержанію и формѣ, сохраняя тотъ же порядокъ и при анализѣ остальныхъ.

Первая направлена противъ невѣждъ и нелюбящихъ науки, почему Кантемиръ и назвалъ ее сначала: «На хулящихъ ученіе». Но это названіе, заимствованное изъ содержанія пьесы, замѣнено потомъ другимъ: «Къ уму моему», взятымъ отъ формы изложенія. Во внѣшнемъ отношеніи Кантемиръ, видимо, подражалъ девятой сатирѣ Буало: «**A son ésprit**», въ которой французскій стихотворецъ, подъ видомъ нападокъ на самаго себя, написалъ злую сатиру на другихъ. Подобные сатирическіе пріемы сообщаютъ автору ловкій способъ изображать людскіе пороки и глупость. Димитріевъ употреблялъ подобный пріемъ въ «Чужомъ толкѣ», а князь Вяземскій въ сатирѣ: «Къ перу моему» — очевидномъ подражаніи или переводѣ седьмой сатиры Буало (**Muse, changeons de style, et quittons la satire**).

Сатира начинается обращеніемъ къ «недозрѣлому уму, плоду недолгой науки». Авторъ проситъ его успокоится, о не понуждать къ перу руки», ибо авторство — самый непріятный путь къ славѣ, которой можно достигнуть въ нашъ вѣкъ многими «нетрудными» путями.

За введеніемъ слѣдуютъ рѣчи противниковъ просвѣщенія. Каждый изъ нихъ исчисляетъ вредныя слѣдствія наукъ. Прежде всѣхъ говоритъ ханжа Критонъ, невѣжа и суевѣрный. Онъ вооружается противъ науки подъ видомъ религіозной ревности. У Сильвана, «старинннаго скупого дворянина, который объ одномъ своемъ помѣстьѣ радѣетъ, осуждая все то, что къ умноженію его доходовъ не служитъ», другое неудовольствіе на науку:

«Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ». Мнѣніе Сильвана, который вооружается противъ науки, какъ предмета, не дающаго денегъ, имѣло между разными невѣжественными доводами одно достаточное основаніе въ его время: науками занимались отвлеченно, въ тиши кабинета, *прилежа къ нимъ, какъ* самъ Кантемиръ прилежалъ къ стихотворству, *въ лишніе часы*. Теперь науки приносятъ не одно удовольствіе, нужное себялюбивымъ дилетантамъ, но и деньги, необходимыя всѣмъ, и потому современный Сильванъ пошелъ бы на нихъ не съ аргументомъ безденежья, а съ новымъ упрекомъ. По различію эпохъ, различаются и гоненія на ученость. Въ «Горе отъ ума» для пресѣченія зла совѣтуютъ сжечь книги, потому что человѣкъ начитанный, подобно Чацкому, можетъ сойти съ ума въ общественномъ мнѣніи...

Третій хулитель ученія, румяный Лука, «трижды рыгнувъ», подпѣваетъ:

«Наука содружество людей разрушаетъ». Конечно, люди созданы для сообщества, и человѣкъ остается безплодной тварью, когда онъ запрется въ чуланъ, забывъ весь свѣтъ для чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть нѣчто лучшее чернилъ и бумаги. Въ свѣтѣ есть

нѣчто лучше хорошей книги — это хорошій человѣкъ, и есть нѣчто лучшее чтенія хорошей книги — это жизнь съ хорошимъ человѣкомъ. Во времена Кантемира ученые удалялись въ кабинетъ: онъ самъ любилъ уединеніе для наукъ. Ложное понятіе объ учености, которая будто бы не должна знать общества, было тогда въ большомъ обращеніи. Сатира вооружается противъ мнѣнія Луки потому, что подъ сообществомъ разумѣетъ веселье и пиры, провожденіе времени съ кубкомъ въ рукахъ. Похвала пьянству, воспѣваемая Лукою, есть подраженіе Горацію, которой и въ пятомъ посланіи славитъ вино. Вотъ гимнъ латинскаго поэта дарамъ Бахуса: «Чего не производитъ вино? Оно разоблачаетъ тайны, осуществляетъ надежды, устремляетъ въ бой труса, снимаетъ съ души бремя безпокойствъ, учитъ всѣмъ искусствамъ. Кого полная чаша не дѣлала краснорѣчивымъ? Есть ли хоть одно сердце, стѣсненное бѣдностію, которое оно не растворило бы радостію?» Горацій, поклонникъ изящнаго эпикуреизма, смотритъ на вино глазами поэта и видитъ эстетическую его сторону: его похвалы упоенію искренни, и эта искренность, выраженная поэтически, миритъ читателя съ тѣмъ мнѣніемъ, которое онъ, быть можетъ, осуждаетъ, какъ противное добропорядочному поведенію. Лука же искренно хвалитъ вино, исчисляя добрыя его качества, тогда какъ цѣль автора была возвысить книги надъ чашей. Такая несоотвѣтственность между намѣреніемъ сатирика и его словами не объясняется даже иронiей, потому что Лука говоритъ вовсе не иронически: она объясняется только чистымъ подражаніемъ Горацію. Напротивъ, въ стихахъ отъ 167—107 видимъ черту русской жизни, современной Кантемиру: въ седьмой элегіи Овидія, изъ которой они взяты, нѣтъ, и разумѣется, не могло быть и помина о чернецѣ.

Наконецъ, четвертый хулитель просвѣщенія — щеголь Медоръ — представитель того класса людей, которые, какъ сказано выше, по внѣшности только усвоили себѣ образованіе, а въ сущности остались невѣждами. Послѣ такихъ сужденій, которыя автору приходится слышать повседневно, онъ совѣтуетъ уму молчать. У нашихъ дѣйствій, говоритъ онъ, двѣ побудительныя причины: польза и слава. Если нѣтъ пользы, ободряетъ похвала, а если вмѣсто того и другого терпишь хулу—что тогда?

Труднѣй то, нежь пьяницѣ вина не имѣти?
. . . .
Нежели купцу пиво пить не въ три пуда хмелю.
(Ст. 118—120).

Предметы для сравненія, какъ всякій видитъ, взяты не изъ-за моря и представлены не гиперболически, хотя стихотворная вольность и разрѣшаетъ тропы и фигуры. Въ примѣчаніи объяснено, что купцы «наши» не только въ три, но часто въ пять пудъ хмелю варятъ. Изображеніе «нашихъ», т.-е. современныхъ Кантемиру, типовъ составляетъ самую важную, драгоцѣнную сторону его сатиръ.

Возраженіе ума, какъ дѣйствующаго лица въ сатирѣ, что щеголь, купецъ, ханжа, пьяница и подобные имъ люди должны хулить науку, но что рѣчь ихъ не уставъ умнымъ, авторъ находитъ неутѣшительнымъ, потому что слова злобныхъ владѣютъ умными. Притомъ же, четыре лица, представленныя сатирикомъ, составляютъ только малую часть враговъ просвѣщенія, которыхъ легіоны. Между ними видишь (сказано въ примѣчаніи) и тѣхъ, кому Ѳемида ввѣрила золотые вѣсы. Они не любятъ истиннаго украшенія жизни — науки; они знаютъ, что безъ науки можно быть судьею (ст. 147—157). Въ заключеніе авторъ снова обращаясь къ уму, совѣтуетъ ему хранить молчаніе, скучать и знать про себя пользу наукъ, чтобы гласнымъ указаніемъ не нажить себѣ, вмѣсто похвалъ, злого порицанія.

Вторая сатира, писанная вскорѣ послѣ первой, имѣетъ форму разговорную. Разговоръ происходитъ между Филаретомъ (что значитъ на греческомъ языкѣ — любитель добродѣтели) и Евгеніемъ (дворяниномъ). Цѣль ея — осмѣять тѣхъ изъ дворянъ тогдашней эпохи, которые, не имѣя благонравія, тщеславятся однимъ знаніемъ и завидуютъ, сверхъ того, счастію другихъ, которые своими заслугами восходятъ въ знать. Она — подражаніе восьмой сатирѣ Ювенала, которая признается лучшею, или пятой сатирѣ Буало, который подражалъ Ювеналу. «Истинное благородство», говоритъ Ювеналъ, «происходитъ отъ добродѣтели: заслуживаютъ ли уваженія тѣ, которые, имѣя знаменитыхъ предковъ, добровольно становятся возницами, скоморохами, гладіаторами?» Подобно ему Кантемиръ выражаетъ содержаніе своей сатиры отъ стиха 69 до 83.

Вѣроятно, по этой причинѣ одно изъ разговаривающихъ лицъ получило названіе Филарета. У Горація также есть сатира объ истинномъ благородствѣ (шестая первой книги), но его снисходительная философія не имѣетъ ничего общаго съ желчнымъ негодованіемъ Ювенала, бичующаго злоупотребленія.

Разговорную форму Кантемиръ заимствовалъ изъ девятой сатиры Ювенала или изъ третьей сатиры Буало. Начало у всѣхъ троихъ одинаковое по внѣшнему виду; но изъ сличенія содержанія и обстоятельствъ разговора открывается особенность каждаго сатирика. У Ювенала съ первыхъ строкъ видишь картину римской жизни тогдашняго времени — расточительность, пиры: «Что значитъ, Неволій, твой печальный видъ, подобный виду побѣжденнаго Марсія! Полліонъ, шатающійся цѣлые дни, чтобы занять денегъ за тройные проценты, и не находящій простака, который бы ссудилъ ему, меньше тебя озабоченъ. Откуда столько внезапныхъ морщинъ? Довольный малымъ, ты увеселяешь наши ужины своими остроумными выходками. Теперь совершенно противное: лицо твое уныло, волосы сухи и не причесаны, кожа потеряла блескъ. Тѣло обнаруживаетъ душу: въ немъ выказывается радость или печаль, и лицо есть зеркало попеременныхъ ощущеній. По всему видно, что жизнь твоя пошла на противную сторону. А прежде, я помню, ты оскверняль

храмы Изиды, Юпитера, Мира, ты оскверняль и тайное убѣжище матери боговъ». Въ сатирѣ Буало черта иного общества, указаніе другихъ обычаевъ и событій.

D'où vient cet air sombre et sevère
Et ce visage plus pale qu'*un rentier*
A l'aspect d'un arrêt qui retranche un quartier?

Въ это время вышелъ королевскій указъ, опечалившій многихъ: Le roi a supprimé un quartier des rentes — вотъ какія слова безпрерывно вертѣлись на языкѣ и въ умѣ людей, получающихъ доходы.

Qu'est devenu ce teint dont la couleur fleurie
Semblait d'ortolans seuls et de bisques nourrie,
Où la joie en son lustre attirait les regards,
Où le vin en rubis brillait de toutes parts?

Вопросъ, относящійся къ одному изъ разговаривающихъ лицъ: Буало изобразилъ въ немъ знаменитаго тогда гастронома, который серіозно смотрѣлъ на обѣды и ужины.

Qui vous a pu plonger dans cette humeur chagrine?
A-t-on par quelque édit *réformé la cuisine?*

То-есть преобразованія послѣдняго времени не коснулись ли кухни—предмета, для тебя священнаго?

Въ стихахъ нашего сатирика совершенно иная, русская современность. Филаретъ спрашиваетъ Евгенія: Что такъ

Задумчивъ, какъ тотъ, что...
...Конный свой заводъ раздарилъ некстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль своихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогого?

Обратившись къ примѣчаніямъ, читаемъ, между прочимъ, что въ Санктъ-Петербургѣ цугомъ ѣздить «отъ императора Петра Великаго всѣмъ запрещено было, кромѣ придворныхъ» что «золотые узоры, коими обыкновенно платье слугъ выкладываютъ, много на пеленанье походитъ»; что «вина дорогія разумѣются, и венгерское, шампанское и бургонское, которыя подлинно въ Москвѣ дороги, и затѣмъ больше другихъ винъ въ почтеніи».

Предложивъ рядъ вопросовъ, Филаретъ самъ дознается причины задумчивости:

Дамонъ на сихъ дняхъ досталъ перемѣну чина,
. . . .
...ты съ пышными презрѣнъ именами.

Такимъ образомъ каждый изъ трехъ сатириковъ въ одной и той же формѣ выразилъ особенныя черты нравовъ. По формѣ, и Буало, и Кантемиръ — подражатели, по содержанію — они писатели своенародные. Форма дѣло общее, мѣстныя отличія характеровъ —

принадлежность единаго народа. Критика, обольщенная сходствомъ литературныхъ пріемовъ, безразличіемъ внѣшняго, произнесла строгій приговоръ Кантемиру; но теперь, когда, при разборѣ словесныхъ произведеній, всего важнѣе ихъ отношеніе къ обществу, Кантемиръ восходитъ на почетное мѣсто въ исторіи нашей словесности, потому что въ сатирахъ его выражается не идеальное, отвлеченное отъ мѣста и времени, а дѣйствительно русское, ему современное общество. Продолжимъ сравненіе трехъ сатириковъ.

Отвѣтъ Евгенія Филарету внушенъ первой сатирой Ювенала, который тоже сѣтуетъ на возвышеніе людей изъ низкаго званія. Но тамъ и здѣсь какіе люди и какъ они возвысились? У Ювенала читаемъ: «Можно ли отказаться отъ сатиры, когда цирюльникъ, брившій меня въ юности, споритъ теперь въ богатствѣ съ нашими патриціями, когда Кристинъ (фаворитъ Домиціана, который осыпалъ его богатствами и почестями), бѣжавшій изъ египетскихъ топей, прежде канопскій невольникъ, небрежно набрасываетъ на плеча тирскій пурпуръ, и пальцы, покрытые потомъ, украшаетъ лѣтними кольцами, считая себя, по своей деликатности, неспособнымъ носить болѣе тяжелыхъ колецъ» [1]).

У Кантемира на высокую степень вспрыгнулъ недавній продавецъ соли, тотъ, кто кричалъ: «сальныя свѣчи ясно горятъ, кто истеръ плечи горшкомъ подовыхъ». Указаніе чрезвычайно ясное, не требующее комментарія: кто не узнаетъ въ немъ Меншикова?

Итакъ, оба сатирика, сходные по формѣ, различаются предметами, которые они изобразили, и цѣлью, которую имѣли при этомъ изображеніи. Ювеналъ желчно негодуетъ на недостойныхъ любимцевъ фортуны: у него и брадобрей и невольникъ возвысились нечистымъ способомъ, не путемъ заслуги. Кантемиръ заставляетъ тщеславнаго дворянина вооружаться противъ Меншикова, что нисколько не унижаетъ тѣхъ качествъ послѣдняго, которыми онъ снискалъ любовь Петра. Меншиковъ былъ живой обидой для многихъ; на него смотрѣли злобно всѣ тѣ, которые могли что-нибудь значить при мѣстничествѣ.

Послушайте, какъ Евгеній описываетъ своего отца: это не римскій патрицій, волновавшій кровь Ювенала, не французскій маркизъ, которому Буало адресовалъ свою сатиру: «Объ истинномъ благородствѣ». Въ словахъ Евгенія вы видите вѣрную картину временщика Кантемирова вѣка и его угодниковъ (ст. 45—60).

Въ исчисленіи правъ на истинное благородство Кантемиръ полнѣе Буало. Конечно, логическая полнота не входитъ въ расчетъ поэзіи, но она много значитъ въ отношеніи къ мыслямъ автора и

---

[1]) Римляне прежде носили по одному кольцу, потомъ по кольцу на каждомъ пальцѣ, наконецъ на каждомъ суставѣ пальцевъ. Мало-по-малу роскошь до того возросла, что для каждой недѣли имѣли они особенныя кольца. Были, сверхъ того, кольца лѣтнія и зимнія.

къ понятіямъ современнаго общества. У Кантемира прибавлена, противъ Буало, одна черта, изъ которой видно, что онъ ближе держался Ювенала.

Мы не хотимъ сказать, чтобы стихи Кантемира были копіей латинскихъ: нѣтъ, они указываютъ на дѣйствительные нравы тогдашняго русскаго общества. Имена Гектора, Ахилла, Цезаря и Алесандра, употребительные въ то время, брались, какъ loca topica. Кантемиръ, при всей своей современности, конечно, платилъ дань подражательному направленію. Но зато схоластическую замашку пользоваться именами, освященными древностію, выкупилъ онъ фамиліей своего пріятеля, генерала-маіора Нейбуша, великаго охотника до пива хотя честнаго человѣка и храбраго воина (ст. 103—107).

Такъ въ заимствованіяхъ своихъ Кантемиръ вѣренъ современности. Отношеніемъ къ дѣйствительной жизни тогдашняго общества онъ не уступаетъ ни латинскому ни французскому стихотворцу. Когда же подраженіе, или просто переводъ касается поэтическихъ образовъ, тогда Кантимиръ, по слабости творческаго таланта, становится ниже не только Ювенала, но и Буало. Беремъ примѣръ изъ той же сатиры. Ювеналъ двумя сравненіями доказываетъ ничтожность наслѣдственнаго достоинства безъ собственной полезной дѣятельности. «Какъ грустно не имѣть другой опоры, кромѣ чужихъ заслугъ? Уничтожьте столбы, зданіе рушится. Виноградная же лоза упадаетъ безъ вяза, который она обнимала!» У Кантемира тоже два сравненія, чтобы показать непрочность опоры на почетное имя дѣдовъ, но въ этихъ сравненіяхъ нѣтъ ни краткости, нужной для силы, ни поэтическаго колорита.

Знаю, что неправедно забыта бываетъ
Дѣдовъ служба, когда внукъ въ нравахъ успѣваетъ,
Но бѣдно блудитъ нашъ умъ, буде опираться
Станемъ мы на нихъ однихъ. Столбы сокрушаться
Подъ лишнымъ бременемъ, если сами въ силу
Нужную не приведемъ ту подпору хвилу (ст. 115—121).

Здѣсь нѣтъ даже и вѣрнаго соотвѣтствія съ мыслію. Кого изображаютъ столбы! достойныхъ предковъ, или недостойныхъ потомковъ? Предыдущіе стихи заставляютъ разумѣть первыхъ, но почему же они сокрушатся, и какое это излишнее бремя?

Другое сравненіе, точное по внутреннему значенію, растянуто и представлено въ грубомъ видѣ:

Свѣтлой воды ихъ труды ключъ тебѣ открыли
И черпать вольно тебѣ: но нужно, чтобы были
И чаши чисты твои, и нужно сгорбиться
Къ ключу; сама вода въ ротъ твой не станетъ литься,
(ст. 121—125).

Такое переложеніе граціозныхъ образовъ въ образы неграціозные доказываетъ только, какъ мы сказали выше, отсутствіе тонкаго

изящнаго вкуса, слабость поэтическаго такта въ нашемъ сатирикѣ, но, съ другой стороны, оно полезнѣе, какъ болѣе приспособленное къ состоянію тогдашнихъ читателей. Кантемиръ не претендовалъ на званіе поэта: ему нужно было исправленіе нравовъ. Онъ хотѣлъ быть моралистомъ, а моралистъ, какъ и проповѣдникъ, выражается языкомъ, соотвѣтственнымъ образованію тѣхъ, кого онъ хочетъ поучать.

Исчисливъ дѣянія предковъ, которыми справедливо гордится отечество, но которые не даютъ права на гордость глупому потомку, Филаретъ рисуетъ картины тогдашняго щеголя, побывавшаго въ чужихъ краяхъ безъ пользы для себя и для согражданъ. Мы приводили все это мѣсто для показанія другой стороны сатирическаго направленія Кантемира. Въ немъ, какъ было замѣчено, онъ осмѣялъ новыхъ невѣждъ, т.-е. толпу людей, принявшихъ преобразованіе Петра внѣшнимъ образомъ, но не претворившихъ его въ жизнь духа. Сатирикъ начинаетъ свое описаніе заимствованіемъ у Ювенала тамъ, гдѣ говорится о трудахъ военныхъ. «Къ чему тебѣ» спрашиваетъ Ювеналъ недостойнаго наслѣдника заслуженныхъ титловъ: «образы стольких героевъ, если ты засыпаешь на зарѣ въ тотъ часъ, когда наши полководцы развивали знамя и шли на врага». Кантемиръ говоритъ то же:

Пѣтухъ пѣлъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею,
Грозно сопешь (ст. 135—139).

Слова: «Не столько стоитъ народъ римляновъ пристойно основать», взяты изъ «Энеиды». И однакожъ, на ряду съ подражаніями классикамъ — подражаніями въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ общихъ мысляхъ, о прикрасахъ реторическихъ, о поэтическихъ образахъ, видишь изображеніе дѣйствительныхъ нравовъ русскаго общества — а въ этомъ изображеніи и заключается главный матеріалъ сатиръ, ихъ содержаніе. Цвѣтъ платья, выборъ матеріи, твердость и прямизна фалдъ, мѣра таліи, кафтанъ, стоившій цѣлой деревни—все это не Виргиліево и не Ювеналово, а наше собственное прежнихъ временъ, требующее иногда комментарія. «Видали мы такихъ, говоритъ примѣчаніе къ стиху 156, «которые деревни свои продавали, чтобы себѣ сшить нарядный кафтанъ».

Это щеголь, что вывезъ изъ-за границы одну страсть къ модамъ, обжорству и пьянству, остался такимъ же неучемъ, какимъ былъ до путешествія: ему не малый трудъ прочесть тѣ надписи, которыя онъ видитъ на картинахъ, украшающихъ его большую залу; понять, что множество знаній можетъ помѣщаться въ мозгу смертныхъ, ему такъ же трудно, какъ не красть дворецкому или скудно жить судьѣ. Ты хочешь быть полководцемъ, мореплавателемъ, судьею, придворнымъ? говоритъ Филаретъ Евгенію: узнай же, каковы они должны

быть. И Филаретъ исчисляетъ обязанности каждаго изъ четырехъ званій. Эти обязанности къ предметамъ двухъ родовъ — знаніямъ и нравственному достоинству. Уважая то и другое, Кантемиръ не раздѣляетъ ихъ. Чинъ воеводы, говоритъ Филаретъ Евгенію, требуетъ много высшихъ свойствъ (т.-е. нравственныхъ) и много разныхъ искусствъ. А ты едва слышалъ имя тѣхъ добродѣтелей и знаній... Достойный судья не обращаетъ вниманія на лица; предъ нимъ мудрецъ и невѣжда, богачъ и нищій съ сумой, безобразная бабья рожа и цвѣтъ краснаго лица равны въ судѣ: одна правда выше всего. А ты что? (ст. 288—393).

Но странное дѣло! Требуя отъ предводителя войскъ, отъ мореплавателя и судьи строгой нравственности и большихъ познаній, Кантемиръ является снисходительнымъ, когда рѣчь коснулась Клита-куртизана. Въ изображеніи обязанностей придворной особы вы видите не строгое требованіе нравственнаго долга, а какой-то нравственный эклетизмъ, подозрительную снисходительность. Стоицизмъ Персія доходитъ до неистовой неумолимости; Кантемиръ, болѣе наклонный къ Горацію, въ нравственности держится средины между откровенностію правды и ея молчаніемъ, нужнымъ по времени. Блаженная средина, ведущая къ счастію!

Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду говорить всегда принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не стался,
Буде ложью утаить правду не посмѣетъ:
Счастливъ, кто средины той держаться умѣетъ.
Умъ свѣтлый нуженъ къ тому, разговоръ пріятный,
Учтивость приличная, что даетъ родъ знатный;
Ползать не совѣтую, хоть спеси и гнушаюсь.
(ст. 324—333).

Какимъ образомъ сатирикъ и вслѣдъ за нимъ примѣчанія могли согласить искусство Клита съ добрыми свойствами, приличнѣйшие поступки его съ нравственностію, и въ беззлобномъ притворствѣ, т.-е. въ умѣньи примѣнять лицо къ тѣмъ людямъ, съ которыми говоримъ, видѣть добродѣтель, называемую по-латыни simulatio dissimulatio? Тѣмъ болѣе странною кажется подобная философія, что образъ Клита вовсе не принадлежитъ къ плѣнительнымъ, и что перейти отъ него къ блаженной срединѣ—иначе, къ счастію—не слѣдовало ни по законамъ логики ни по внушеніямъ поэзіи.

Клита въ постелѣ застать не можетъ день новый,
Неотступенъ сохнетъ онъ, зѣвая въ крестовой,
Спины своей не жалѣлъ, кланяясь и мухамъ,
Коимъ доступъ дозволенъ къ временщичьимъ ухамъ.
Клитъ остороженъ — слова свои точно мѣритъ,
Льститъ всякому, никому почти онъ не вѣритъ,
Съ холопомъ новыхъ людей дружбу весть не рдится,
Истинная мысль его прилежно таится
Въ дѣлахъ его. О трудахъ своихъ онъ не тужитъ
Идучи упрямо въ цѣль: Клиту счастье служитъ,

Иныхъ свойствъ не требуетъ, кому счастье дружно;
А у Клита безъ того нѣчто занять нужно...
. . . .
Короткій языкъ, лицо и радость удобно
И печаль изображать, какъ больше способно
Къ пользѣ себѣ, по другихъ лицу примѣняясь.

Но мы объяснимъ снисходительность Кантемировой морали изъ его характера, образованія и положенія въ обществѣ, о чемъ будемъ говорить ниже. Въ заключеніе Филаретъ совѣтуетъ Евгенію излѣчиться отъ барской спеси, оставить безсмысленную гордость чужими заслугами и не завидовать тѣмъ, которые, хотя и не были думными и намѣстниками въ царствованіе Ольги, но своимъ собственнымъ достоинствомъ заслуживаютъ истинное уваженіе:

Они вѣдь собою
Начинаютъ знатный родъ (ст. 365).

Въ этихъ строкахъ включенъ отвѣтъ Ификрата тщеславному потомку Армидія, который упрекалъ его низкимъ происхожденіемъ: «Мой знатный родъ начинается мною, а твой тобою оканчивается».

Достоинство Кантемира, какъ писателя, выразившаго современность, открывается еще яснѣе, когда мы сравнимъ его произведенія съ сатирами ближайшаго къ намъ времени. Въ нихъ мы нерѣдко встрѣтимъ или неловкое переложеніе чужого образца на естественные нравы, или недозволенныя критикою перемѣны въ оригиналѣ. Возьмемъ для примѣра сатиру Воейкова: «Объ истинномъ благородствѣ» и переводъ Ювеналовой сатиры: «О благородствѣ же», принадлежащій И. И. Дмитріеву. Нѣтъ спора, что тотъ и другой обладали замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ: у Воейкова есть сила, искренность, умѣнье рѣзко и колко выставить позоръ или глупость; а Дмитріевъ отличается тонкимъ аттическимъ остроуміемъ, язвительнымъ при всей своей наружной полировкѣ. Однакожъ, посмотрите, какъ Воейковъ передѣлалъ сатиру Буало. Вмѣсто Евгенія, онъ подставилъ дурака, воспитаннаго французами, который, дѣйствительно, былъ извѣстное время въ нравахъ русскихъ: но въ противоположность ему созданъ Эмилій — имя, не находящееся въ нашихъ святцахъ. Въ образцы для подражанія авторъ ставитъ Миниха, Суворова, Орлова, Державина — и рядомъ съ ними Сулли, Кольбера: забавная смѣсь русскаго съ французскимъ; Буало такъ и выглядываетъ изъ-за русскаго сатирика. О переводѣ Ювеналовой сатиры и говорить почти нечего: это жалкое искаженіе подлинника. Переводчикъ распространилъ безъ нужды стихи римскаго писателя, сжатые и сильные, а въ другихъ мѣстахъ сокращалъ характеристическія указанія. Нельзя безъ досады и улыбки читать собственныя прибавленія, въ которыхъ выражается забота поставить классическое въ соотвѣтствіе съ новою жизнію. Выпишемъ нѣсколько мѣстъ.

Скажи мнѣ, Понтикусъ, какая польза въ томъ,
Что обиженный и сердцемъ и умомъ,

Богатъ лишь прадѣдовъ и предковъ *образами* (!),
Прославившихъ себя великими дѣлами?

У Ювенала нѣтъ ни обиды сердцемъ и умомъ ни страннаго различія между «предками и прадѣдами»—различія, въ которомъ нуждался переводчикъ для наполненія стиха.

Что прибыли, что ты, указывая мнѣ
Шестомъ (!!) иль хлыстикомъ (!!) на верхніе портреты,
Которы у тебя копятся многи лѣты,
Надувшись, говоришь: «Смотри, вотъ предокъ мой,
Начальникъ римскихъ войскъ — великій былъ герой!
А это прадѣдъ мой, разумный былъ диктаторъ!
А это дѣдушка: вотъ прямо былъ сенаторъ.

Ненужная фигура распространенія, реторическая прикраса, поставленная въ ущербъ оригинальности выраженія. У Ювенала просто сказано: «Развѣ благородство состоитъ въ томъ, чтобы имѣть возможность указывать палочкой на закоптѣлыя изображенія диктатора и начальниковъ войскъ?»

Гдѣ же здѣсь разглагольствіе гордаго потомка? Къ чему слово римскихъ, когда авторъ говоритъ о предкахъ римлянина? других войскъ и быть не могло. И что за странный способъ указывать портретъ шестомъ. Вмѣсто прибавочныхъ словъ надлежало бы сохранить значительныя слова: Si coram Lepides male vivitur.

Выставляя тщеславіе и ничтожность Фабія, переводъ утверждаетъ, что ему не слѣдуетъ гордиться,

Когда онъ дряблостію прапрадѣдовъ безславитъ,
Когда его ихъ шлемъ обыкновенный давитъ,
Коль тѣни самыя дрожатъ героевъ сихъ
Съ досады, видя ликъ его между своихъ?

Здѣсь что слово, то новое собственное сочиненіе, въ которомъ не узнаешь подлинника. Нѣтъ въ подлинникѣ ни «обыкновеннаго шлема», ни тѣней, ни «дрожанія тѣней».

Выпишемъ еще одно мѣсто:

Достоинство другихъ намъ блеска не даетъ:
Отъ зданья отними столпы — оно падетъ,
А скромный плющъ растетъ безъ страха и не гнется,
Хотя и срубишь вязь, вкругъ коего онъ вьется.

Сентиментальное направленіе заставило переводчика замѣнить виноградную лозу «скромнымъ плющемъ», а незнаніе подлинника превратить смыслъ его. У Ювенала наоборотъ: «виноградная лоза упадаетъ на землю безъ вяза» — вѣрный природѣ образъ, тогда какъ плющъ, самъ по себѣ растущій, есть произведеніе фантазіи.

Подобный разборъ двухъ первыхъ сатиръ Кантемира показываетъ намъ ясно ихъ строеніе. Оно не измѣняется и въ остальныхъ шести: содержаніе ихъ оригинальное, форма заимствованная. Собственный матеріалъ въ нихъ располагается по чужому образцу. Само-

бытность автора видна и въ выборѣ предметовъ и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя мѣстныя и временныя отличія изображаемаго; подражательность же въ способѣ представлять избранный предметъ въ тѣхъ пріемахъ, которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ, большею частію видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ русское, ему современное. Нельзя сказать, чтобъ, пользуясь чужимъ добромъ, онъ всегда ловко примѣнялъ его къ добру благопріобрѣтенному; иногда переложеніе иноземнаго на отечественное неудачно, иногда первое красуется послѣ второго безъ малѣшаго измѣненія. Но скоро ли, и послѣ Кантемира, исчезла эта странная смѣсь древне-классическаго съ національнымъ? Стихотворцы, отдѣленные отъ насъ небольшимъ промежуткомъ времени, пестрили свои созданія ненужною вставкой латинскихъ и греческихъ предметовъ. Тѣмъ понятнѣе, тѣмъ извинительнѣе привычка Кантемира «свое время провождать между греки и латины».

Два элемента Кантемировыхъ сатиръ: самобытный (по содержанію) и подражательный (по формѣ) чистосердечно указаны авторомъ въ предисловіи, гдѣ онъ говоритъ, что «въ сочиненіяхъ своихъ» онъ наипаче Горацію и Буалу французу послѣдовалъ, отъ которыхъ много *занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоилъ*, и въ четвертой сатирѣ, гдѣ къ Буало и Горацію присоединены еще Ювеналъ и Персій. *И топчу ихъ слѣды*, откровенно объявляетъ нашъ сатирикъ, не считая для себя обиднымъ усыновленіе классическою древностію. Наслѣдство ума и поэзіи ставитъ онъ выше генеалогіи, всегда готовый воскликнуть подобно Ювеналу: stemmata quid faciunt?

Отъ содержанія, въ которомъ выразилось отношеніе сатирика къ временному обществу, и формы, въ которой выразилось его отношеніе къ литературнымъ произведеніямъ того же рода у другихъ народовъ, перейдемъ къ оцѣнкѣ поэтическаго достоинства Кантемира. Такъ какъ намъ извѣстны образцы, выбранные имъ для подражанія, то сужденіе о немъ, какъ о поэтѣ, всего ближе вывесть изъ сравненія его съ этими образцами. Здѣсь представляются для опредѣленія два предмета: во-первыхъ. тонъ, проникающій Кантемировы сатиры, во-вторыхъ, эстетическое ихъ значеніе.

Буало нѣсколькими стихами седьмой сатиры рѣзко обозначилъ различіе между Гораціемъ и Ювеналомъ! Что дѣлалъ первый? — въ острыхъ словахъ испарялъ свою рѣчь (exhalait en bons mots les vapeurs de sa bile), тогда какъ второй лилъ потоки желчи и горечи съ язвительнаго пера своего и гнѣвно каралъ римлянъ. Въ самомъ дѣлѣ, безобидный тонъ одного, невзыскательность требованій и снисходительная нравственная философія совершенно противоположна строгимъ приговорамъ, желчному негодованію второго: это несходящіяся крайности. Несовершенства людей не заставляютъ Горація выходить изъ себя: онъ только смѣется надъ ними. Горацій (такъ

отзывается о немъ Персій), рисуя нравственное образованіе друзей, заставляетъ ихъ улыбаться; онъ издѣвается надъ людьми, не тревожа ихъ сердца, и остроумно смѣется въ глаза римскому народу. Это — сатирико-филантропъ. Изображая пошлости человѣческой жизни, оплакивая слабость ближнихъ, обвиняя себя самого за несостоятельность нравственную, онъ всегда представляетъ читателю нѣчто утѣшительное. Философія Горація всегда граціозна: ея заключительное слово — слово одобренія, сердечной веселости. Она не любитъ стоиковъ, этихъ квакеровъ древности: она знаетъ, что передъ суровымъ судомъ безусловной нравственности нѣтъ оправданія, а ей хочется жить съ оправданными. Она держится середины вещей, той блаженной середины, которая отвращается столько же отъ крайностей Эпикура, сколько и отъ крайностей Зенона. Такая философія — не философія теоретика, который приноситъ все въ жертву истинѣ, а философія практической жизни, понимающая различіе между тѣмъ, что быть должно, и тѣмъ, что есть, и не желающая погубить живую дѣятельность ради отвлеченной истины.

Не таковъ Ювеналъ, получившій названіе «нравственнаго». Негодованіе было его вдохновеніемъ. Стихи его — бичъ фурій или мечъ Немезиды. Онъ изобличаетъ злодѣевъ, избѣгнувшихъ законнной кары. Онъ указываетъ на Кристина, чудовище болѣе отвратительное, чѣмъ самый порокъ. Онъ смѣется сардоническимъ смѣхомъ, исчисляя позорныя дѣйствія Неволія. Отъ него не скрывается ни безстыдство Мессалины ни нравственная низость сенаторовъ, разсуждающихъ съ тираномъ о приготовленіи любимаго его блюда. Онъ до того рѣзокъ и открытъ въ своихъ обличеніяхъ, что Буало заподозрилъ его въ страсти къ гиперболамъ. Справедливѣе шелъ бы къ нему упрекъ въ однобразіи картинъ, всегда почти мрачныхъ, въ чувствѣ мизантропіи, которое набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на чистоту его цѣли, на искренность добрыхъ пожеланій. Бичуя порокъ, онъ какъ бы не находилъ времени привѣтствовать улыбкой добродѣтель, воспѣть красоту невинности. Но онъ писалъ въ то время, когда не было ни невинности ни добродѣтели, и не умѣлъ лгать. Сама исторія не въ силахъ сдержать мудраго безстрастія, когда идетъ дѣло о царствованіи Нерона и Домиціана.

Всѣ обстоятельства соединились дружно, чтобы изъ такого лица выработать такого сатирика. Онъ былъ характера стоическаго, готовый страдать, но не готовый умѣрять негодованіе добродѣтели. Криками гнѣва облегчалъ онъ свою душу, потрясенную общимъ развратомъ. Судьба отказала ему въ ранней смерти, и въ теченіе долгой своей жизни онъ видѣлъ постепенное возрастаніе общественной порчи. Древнія добродѣтели сдѣлались преданіемъ, и хотя риторы съ учениками своими толковали о вѣчномъ градѣ, но люди умные не вѣрили напыщеннымъ рѣчамъ ихъ, или смѣялись надъ ними. Вѣра угасла; остался одинъ внѣшній блескъ религіозныхъ обрядовъ и пошлость суевѣрія, этой болѣзни выродившихся народовъ. Были философскія

секты, но не было практической философіи. Стоики отличались длинной бородой, нахмуренными бровями, дырявыми плащами и пустотою сердца. Чувственность ослабляла тѣло и душу, и не дала возможности предаться серіознымъ занятіямъ. Краснорѣчіе, лишенное важности, растлѣвалось въ презрѣнныхъ панегирикахъ или истощалось въ доводахъ *pro и contra*. Посреди такого-то нравственнаго упадка римлянъ жилъ Ювеналъ. Принужденный съ юности хранить молчаніе при смутѣ общественныхъ безпорядковъ, онъ тѣмъ съ большимъ жаромъ выразился въ возрастѣ зрѣломъ: скопившееся въ душѣ его негодованіе вылилось, какъ сказалъ Буало, потоками желчи. Вотъ почему его шутки всегда невеселы: его смѣхъ — смѣхъ человѣка, отвыкшаго смѣяться. Крайнему разливу нравственой порчи противопоставляетъ онъ единственное средство, крайнюю добродѣтель — добродѣтель чистую, безусловную, которая «тяжкимъ путемъ приводитъ къ безмятежной жизни». Этотъ героизмъ нравственности выражался въ эпоху Ювенала или безмолвнымъ протестомъ благонамѣренныхъ людей, которые заключались въ своемъ молчаніи, какъ въ святилищѣ, и тамъ съ надеждою взирали на падшее божество, или примѣрною смертію во имя улучшенія общественныхъ нравовъ: умирая, они своею кровью совершали возліяніе Юпитеру.

Поэтическое достоинство Ювеналовыхъ сатиръ несомнѣнно. Онѣ отличаются силою выраженія, напитаны неостывающимъ жаромъ, въ нихъ слышишь біеніе пылкаго сердца, то, что французы называютъ словомъ verve, и что животворитъ всѣ части поэтическаго созданія. Чувствуешь, что оно, это созданіе, вылилось какъ бы заразъ изъ вдохновенной души, вышло во всеоружіи, подобно Минервѣ, что плодотворная мысль ни на одно мгновеніе не оставляла творца, который не успокоился до тѣхъ поръ, пока не освободился отъ нея мощнымъ усиліемъ неохлаждаемой работы. Не должно, впрочемъ, принимать въ буквальномъ смыслѣ слово «вдохновеніе» и объяснять состояніе вдохновеннаго поэта миѳологическимъ образомъ: подобное объясненіе хорошо, какъ поэтическій образъ, не больше. У Ювенала, какъ и у всякаго сильно потрясеннаго поэта были, конечно, промежутки между началомъ и концомъ труда, между зачатіемъ мысли и первымъ ея выраженіемъ; но онъ такъ искусно умѣлъ связать части каждой сатиры, написанныя, безъ сомнѣнія, въ разныя времена, что перерывъ не замѣтенъ, вдохновеніе вчерашняго дня не утрачиваетъ своей напряженности въ послѣдующій день, поэтическій восторгъ, не ослабляясь, проникаетъ всю пьесу и сообщаетъ ей то очарованіе, которымъ увлекается читатель. Въ сатирахъ Ювенала нѣтъ длиннотъ и отступленій; онъ не подготовляетъ васъ вступительною рѣчью, иногда нужною разсѣянному уму и подобною потрясенію колокола при первомъ ударѣ, или его дрожанію при ударѣ заключительномъ. Онъ прямо и быстро входитъ въ предметъ; мысль его при самомъ началѣ распускаетъ полные паруса; надобно слѣдовать за нимъ, спѣшить за нимъ, читать не останавливаясь. Вамъ некогда

останавливаться на произведенномъ въ душѣ вашей впечатлѣніи, собраться съ духомъ, подумать о томъ, что вы прочитали: смѣйтесь какъ можно скорѣе, волнуйтесь, негодуйте на бѣгу, увлекайтесь потокомъ гнѣва или презрѣнія, не спрашивая, куда онъ васъ увлекаетъ. Эта безостановочная сила вдохновеннаго писателя, этотъ избытокъ поэтическаго жара, господствующій надъ читателями страстными, не нравятся тѣмъ читателямъ, которые любятъ покой и льготу, и которые не хотятъ измѣнить свой шагъ, чтобы слѣдовать за быстрымъ бѣгомъ сильно потрясеннаго чувства.

Совершенное отсутствіе поэтическаго пыла — великій недостатокъ. Если у Ювенала его слишкомъ много, то у Буало почти нѣтъ вовсе, и въ этомъ его главный недостатокъ. Каждая сатира его состоитъ изъ нѣсколькихъ параграфовъ, которые написаны съ приличнымъ жаромъ, но между которыми видишь пустыя пространства. Вдохновенія у него достаетъ на стихи и фразы, но не достаетъ на цѣлость созданія. Видишь по мѣстамъ вспышки, не видишь огня, охватившаго общность. Искусство, работа не скрываются изъ виду, а такъ какъ искусство представляетъ меньше разнообразія, чѣмъ природа, то у Буало есть пять, шесть запасныхъ пріемовъ, которыми онъ поддерживаетъ движеніе пьесы. По его собственному сознанію, онъ могъ оставлять на полдорогѣ начатую фразу, совершить прогулку между стихами, заняться чѣмъ-нибудь въ промежуткѣ двухъ риѳмъ, и если потребное слово не являлось на призывъ, итти за нимъ au coin d'un bois и приносить его побѣдоносно домой. Буало — образецъ поэта, который обзавелся извѣстными способами своего искусства, который призываетъ и отпускаетъ свою музу, когда ему заблагоразсудится. Посмотрите его сатиры: въ нихъ вы не увидите поэтической связи частей: переходы отъ однѣхъ частей къ другимъ тяжелы, отзываются догматическимъ тономъ и разрушаютъ очарованіе. Тонкій наблюдатель, точный и энергическій писатель, онъ мало былъ способенъ къ сильнымъ движеніямъ и долговременному вдохновенію; онъ любилъ небольшія картины, безсильный пополнить поэтическимъ содержаніемъ картины большія. Прежняя критика превознесла его до небесъ: Лагарпъ назвалъ его «законодателемъ Парнасса», Шенье — «образцомъ — въ четырехъ родахъ, законодателемъ во всѣхъ». Наша критика свела его на землю, на основаніи современныхъ понятій объ искусствѣ, она составила о немъ слѣдующее сужденіе: Буало не былъ поэтомъ — разумѣя подъ этимъ словомъ человѣка, одареннаго сильнымъ воображеніемъ и глубокимъ чувствомъ: онъ былъ писатель здравомыслящій и остроумный, вѣжливый и вмѣстѣ язвительный, тонкій наблюдатель смѣшного, но мало плодовитый, пріятно-рѣзкій, умно-веселый, тщательно наблюдавшій истину вкуса и правильность языка, восходившій иногда отъ чувства литературной правды къ понятію нравственнаго долга. Онъ не могъ быть ни авторомъ одъ ни авторомъ элегій, будучи не способенъ ни къ возвышеннымъ звукамъ ни къ плачевнымъ тонамъ: ничто не пѣло въ его

душѣ, ничто не плакало въ его сердцѣ. Но онъ имѣлъ въ высокой степени талантъ такъ называемой поэзіи дидактической, черпающей свое вдохновеніе изъ разсудка, если можно такъ выразиться; сила сатиръ его не въ пылу негодованія, а въ ѣдкости дурного расположенія духа.

Обращаемся къ нашему сатирику. Подражая Горацію, Ювеналу, Буало, онъ заимствуетъ у нихъ, какъ замѣчено выше, не содержаніе, которое не можетъ оставаться однимъ и тѣмъ же на разстояніи многихъ вѣковъ, а планъ и поэтическіе пріемы, не сущность мыслей, а матеріалъ слога. Это — чуждая канва, по которой онъ выводилъ свои узоры; въ готовыя формы вставлялъ онъ изображенія современной жизни, наполнялъ ихъ подробностями собственнаго изобрѣтенія. Писалъ онъ по влеченію чувства, по наклонности внутренней; слѣдовательно, можетъ назваться истиннымъ творцомъ своихъ произведеній, несмотря на всѣ заимствованія у иноземныхъ образцовъ. Кто обрабатывалъ старый предметъ по своему воззрѣнію, тотъ, конечно, не изъятъ изъ числа оригинальныхъ писателей. Взять готовыя идеи не для того, чтобы слѣдовать имъ рабски, но чтобы преобразовать ихъ, усвоить себѣ анализомъ или развитіемъ, подражать другимъ потому единственно, что чувствуешь влеченіе къ тому же разряду мыслей, чрезъ которыя нѣкогда пришли другіе, и что благотворная природа, на извѣстномъ разстояніи временъ, создаетъ съ одинаковымъ вкусомъ стремящихся къ разработкѣ однѣхъ и тѣхъ же нравственныхъ истинъ, не значитъ ли это быть въ нѣкоторомъ отношеніи писателемъ самостоятельнымъ, хотя начало труда въ той же сферѣ принадлежитъ не намъ. Подражая, мы, такъ сказать, видимъ себя въ прежнихъ авторахъ, изъ которыхъ беремъ то, что идетъ къ нашему дѣлу. Подобныхъ подражателей можно назвать двойными экземплярами одного и того же рода: природа любитъ иногда воспроизводить себя. Притомъ же, Кантемиръ скромно сознается въ подражаніи, а исповѣданное заимствованіе не есть похищеніе.

Какое же мѣсто занималъ Кантемиръ между тѣми, которымъ онъ подражалъ? Чувство справедливости, не одной только скромности, заставило самого автора поставить себя ниже избранныхъ образцовъ. Сказавъ, что сатиры его — «топтаніе слѣдовъ Ювенала, Горація, Буало», онъ продолжаетъ:

Истая Зевсова дочь перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто зритъ себѣ досадно,
Но въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково?

Мы уже видѣли, при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ Кантемира съ образцами, что его подражанія въ поэтическомъ отношеніи всегда ниже оригинальнаго. Сжатое и сильное становится у него растяну-

тымъ и ослабленнымъ, нѣжное теряетъ свою нѣжность, граціозные образы переходятъ въ неизящный видъ. Ясное доказательство, что онъ не былъ поэтъ. Онъ не былъ надѣленъ отъ природы даромъ творчества, художественнымъ талантомъ. Но онъ былъ человѣкъ умный и благородный, а всѣ качества, отличающія смыслъ и нравственное достоинство, отразились въ его стихотвореніяхъ, которыя хотя и не поэзія, но съ другой стороны, выше, т.-е. полезнѣе поэзіи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ будетъ видно, что Кантемиръ отступалъ отъ образцовъ не въ свою пользу.

Въ первой сатирѣ второй книги Горацій говоритъ: «Суждена ли мнѣ спокойная старость, или смерть уже покрываетъ меня своими мрачными крыльями, богатый или бѣдный, въ Римѣ или въ ссылкѣ, какого бы цвѣта ни была нить моей жизни — я долженъ писать». Сокращенный переводъ Кантемира, обнаженный отъ поэтическихъ образовъ, сжался въ два прозаическихъ стиха:

Каковъ бы мой ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно.

Иногда, наоборотъ, у Кантемира является образъ, котораго нѣтъ въ оригиналѣ, но этотъ образъ не изященъ: такъ два ловкіе, правильно построенные стиха седьмой сатиры Буало:

Et tel mot, pour avoir rejoui le lecteur,
A coûté bien souvent des larmes á l'auteur,

перешли въ слѣдующіе довольно грубые:

И стихи, что чтецамъ *смѣхъ на губы сажаютъ*,
Часто слезъ издателю причиной бываютъ.

Стихи 663—674 пятой сатиры выражаютъ самымъ простымъ и сокращеннымъ образомъ граціозно выраженныя мысли французскаго сатирика, который говоритъ о владычествѣ страстей надъ человѣкомъ и о непостоянствѣ его желаній. Представляемъ въ параллели оба мѣста:

Бесчетныхъ страстей рабы, отъ дѣтства до гроба,
Гордость, зависть мучитъ васъ, лакомство и злоба,
Самолюбье и вещей тщетныхъ гнусна воля;
Къ свободѣ охотники, вплелась въ васъ неволя.
Такъ какъ легкое перо, коимъ вѣтръ играетъ,
Часъ малъ пробыть на одномъ мысль ваша не знаетъ.
То богатства ищете, то деньги мѣшаютъ,
То грустно быть одному, то люди скучаютъ;
Не знаете сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ одно на другое
Перемѣняя мысль свою и, что паче дивно,
Вдругъ одно желаніе другому противно.

...L'homme, sans arrêt dans sa course insensée,
Voltige incessament de pensée en pensée.
Son coeur, toujours flottant entre mille embarras,
Ne sait ni ce qu'il veut ni ce qu'il ne veut pas.
. . . .
Voilà l'homme en effet: il va du blanc au noir:
Il condamne au matin ses sentimens du soir;
Importan à tout autre, à soi-même incommode,
Il change à tous moment d'ésprit comme de mode;
Il tourne au moindre vent, il tombe au moindre choc,
Aujourd'hui dans un casque, et demain dans un froc.
. . . .
L'homme seul, qu'elle *(la raison)* éclaire, en plein jour ne voit goutte,
Réglé par ses avis, fait tout à contre temps,
Et dans tout ce qu'il fait, n'a ni raison ni sens.
Tout lui plait et déplait, tout le choque et l'oblige;
Sans raison il est gai, sans raison il s'afflige
Son esprit au hasard aime, évite, poursuit,
Défait, refait, augmente, ôte, élève, détruit.

Сличите также Кантемирово разсужденіе о важности воспитанія (ст. 243—253) съ Ювеналовскимъ разсужденіемъ о томъ же предметѣ.

Выпишемъ изъ того и другого сравненія, взятаго для доказательствъ, что примѣръ сильнѣе всякаго наставленія (См. Кант. 152—159). У Ювенала: «Аистъ кормитъ птенцовъ своихъ змѣями и ящерицами, собранными вдали отъ горныхъ дорогъ: лишь только птенцы оперятся, они будутъ искать тѣхъ же пресмыкающихъ. Коршунъ приноситъ своимъ куски, вырванные изъ падали лошадиной и собачьей, или изъ труповъ, повѣшенныхъ на висѣлицѣ: пусть подрастетъ кровожадное племя, пусть совьетъ себѣ гнѣздо на деревѣ — оно съ такою же жадностью станетъ кидаться на ту же пищу. Но орелъ Юпитера, но благороднѣйшія птицы устремляются въ лѣсахъ за козами и зайцами и кладутъ эту добычу въ свои гнѣзда: когда орленокъ придетъ въ силу, то, при первомъ чувствѣ голода, низринется на добычу, кровь которой сосалъ онъ при выходѣ изъ яйца».

Однимъ словомъ, переводы или подражанія Кантемира всегда уступаютъ въ эстетическомъ достоинствѣ тѣмъ мѣстамъ, которыя онъ переводилъ, или которымъ онъ подражалъ. Выписанныхъ примѣровъ достаточно для оправданія нашей мысли. Сатирикъ нашъ не имѣетъ вовсе того желчнаго негодованія и сильной страсти, которыя дышатъ въ стихахъ Ювенала: его одушевленіе тихо и ровно. Онъ не грозно обличаетъ недостатки современнаго общества, а вѣрно и правдиво указываетъ на нихъ съ насмѣшкой. Не похожъ онъ, однакожъ, на Буало, котораго иронія и смѣхъ язвительны, несмотря на всю ихъ внѣшнюю полировку, и тонкое остроуміе является въ изрядной отдѣлкѣ: Кантемиръ какъ бы считаетъ за лишнее золотить пилюли, подслащивать горечь. Ближе онъ по тону и образу мыслей къ Горацію, котораго любилъ особенно, вѣроятно, вслѣдствіе сознаваемаго

сходства между нимъ и собой. Но грація выраженія, но поэтическій колоритъ стиховъ, но тщательность внѣшней отдѣлки, отличающія латинскаго поэта—все это исчезло у его подражателя. Особенныя свойства Кантемира заключаются въ томъ, что онъ прямо выражаетъ то, что хочетъ сказать, не думая о литературныхъ прикрасахъ, о тонкости насмѣшки, о прикрытіи ироніи. Выходки его противъ недостойныхъ и забавныхъ людей столько же ясны, сколько грубы, и обличеніе говорится не въ бровь, а прямо въ глазъ. Главный характеръ его сатиръ—злость правды, жало истины. О томъ, какъ выражена истина, Кантемиръ мало заботился или вовсе не думалъ.

Версификація въ сатирахъ Кантемира силлабическая. Стихи тринадцатисложные съ цезурою послѣ семи слоговъ и съ женскою рифмою. Пересѣченіе на одномъ и томъ же мѣстѣ, неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ сообщаютъ силлабическимъ стихамъ удивительную монотонность. Отъ послѣдняго правила происходитъ сверхъ того своевольная перестановка ударенія, насилующая звуки слова. Жаль, что Кантемиръ слѣдовалъ бывшимъ до него стихотворцамъ или польской версификаціи, въ которой удареніе на предпослѣднемъ слогѣ—необходимое свойство языка, тогда какъ нашъ языкъ совершенно противоположнаго свойства. Разнообразныя ударенія и болѣе свободная цезура сообщили бы силлабическому стиху извѣстную степень музыкальности, которой онъ не имѣетъ при отсутствіи этихъ двухъ условій. Встрѣчаются у Кантемира стихи тяжелые и темные, что зависитъ отъ неестественной разстановки словъ, или отъ неточнаго ихъ употребленія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчанія сочли даже обязанностію объяснить то, что дѣйствительно можетъ показаться неяснымъ. Есть нѣсколько полонизмовъ; напримѣръ до воли (довольно), образа (досада, оскорбленіе), съ болемъ (вм. съ болью), власно (точно), чрезъ годъ (вм. на цѣлый годъ).

Галаховъ.

Девятая сатира Кантемира „Къ солнцу“.

Девятая сатира, — обнародованная въ 1858 году, но написанная въ 1731 году, — имѣетъ, подобно первой, два заглавія: «Къ солнцу» и «На состояніе свѣта сего». Предметъ ея—обличеніе суевѣрія и раскола. Негодованіе сатирика противъ всякаго рода старовѣровъ и противниковъ преобразовательной дѣятельности Петра I проникнуто глубокою скорбію. Кантемиръ нѣсколько разъ прерываетъ обличеніе недостатковъ общества, дабы дать исходъ своимъ личнымъ горькимъ чувствамъ. Въ началѣ сатиры онъ обращается къ солнцу съ просьбою освѣтить бездну суевѣрій. Потомъ приводитъ рѣчи (толки) *сошника* (крестьянина), недовольнаго современными поряд-

ками: братобритіемъ, печатаніемъ библіи[1]), париками, нѣмецкимъ платьемъ. Есть, говоритъ сошникъ, книга хорошая:

Тамъ писано, какъ земля четырьми китами
Стоитъ, которы ее подперли спинами;
Сколько солнце всякій день милліоновъ ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты въ отдышку заходитъ.

Все это «сошникъ плесть смѣетъ», замѣчаетъ сатирикъ; — «кто же опишетъ, которые по *грамотѣ бродятъ*», т.-е. тѣхъ, которые умѣютъ читать. Грамотные-то, по словамъ Кантемира, и «родятъ» въ народѣ суевѣрія; отъ нихъ происходятъ расколы; они уважаютъ отжившее, читаютъ «цвѣльныя» (заплеснѣвшія) книги стара попа Аввакума (расколоучителя); учатъ по тѣмъ книгамъ, что на небѣ бываютъ обѣденные часы, послѣ которыхъ наступаетъ веселье; что по воскреснымъ днямъ надо проводить жизнь не трезвую. «Сей (т.-е. такой учитель) и *Аристотелю* не больно уступить, паче когда къ мудрости вина кружку купитъ». Все это «мелкота», замѣчаетъ сатирикъ, а «высшія разсужденія о *безднѣ* суевѣрій списать силы нѣту»; «списать то все — такъ надо въ *обморокъ* пасти». Высказавъ такую прискорбную мысль, Кантемиръ обличаетъ лицемѣра купца, «вора и хищника», ученыхъ мужей, обманывающихъ народъ. Эта часть сатиры особенно сильна:

Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бородою,
Въ святомъ платьѣ ходитъ, только не съ клюкою,
Во всемъ правдивъ, набоженъ: прійдетъ до иконы,
Полъ весь заставитъ дрожать, какъ кладетъ поклоны!
И чаялъ бы ты, что онъ весь въ правотѣ важенъ (праведенъ);
Погляди жъ завтрѣ ажь гдѣ? въ тюрьмѣ ужъ посаженъ.
Спросишь: «за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый»?
Воровствомъ безъ пошлины привозитъ товары.
Эдакой святецъ вотъ что дѣлаетъ безгрѣшный,
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ спѣшный!

Обличивъ затѣмъ ученыхъ, у которыхъ «высокихъ наукъ и стѣни (тѣни) не бывало», сатирикъ порицаетъ другіе недостатки своего вѣка: отсутствіе правосудія, подкупы, взятки подъячихъ и всякихъ другихъ противниковъ преобразовательной эпохи. Въ заключеніе опять обращается къ солнцу и удивляется, какъ оно, видя «вся злая» (то-есть, все злое), не перемѣнило себя, а съ терпѣніемъ смотритъ «на насъ бѣдныхъ».

Филоновъ.

---

[1]) При Петрѣ Великомъ занимались исправленіемъ библіи. Государь неоднократно и словесно и письменно напоминалъ объ ускореніи дѣла. Самая большая часть труда и принадлежитъ тверскому епископу, Ѳеофилакту *Лопатинскому*, *Поликарпову* и *Лихудамъ*. Они трудились (съ 1715 года) «съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ».

Характеръ идеала, изображаемаго въ сатирахъ Кантемира.

Подвергая осмѣянію и осужденію разныя дурныя стороны жизни, разные недостатки, глупости и пороки, Кантемиръ въ то же время училъ въ своихъ сатирахъ и правильной жизни, указывая идеалъ счастливой жизни и образецъ нравственной дѣятельности, приводящей къ такой жизни. Идеалъ счастливой жизни нарисованъ въ VI сатирѣ «Объ истинномъ блаженствѣ».

«Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить, отъ суетныхъ воленъ
Мыслей, что мучатъ другихъ, и топчетъ надежну
Стезю добродѣтели къ концу неизбѣжну.
Малый свой домъ, на своемъ построенный полѣ,
Кое даетъ нужное умѣренной волѣ,
Не скудный, не лишній кормъ, и средню забаву,
Гдѣ бъ съ другомъ я могъ, по моему нраву
Выбраннымъ, въ лишны часы прогнать скуки бремя,
Гдѣ бъ, отъ шуму отдаленъ, прочее все время
Провожать межъ мертвыми греки и латины,
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины,
Учася знать образцомъ другихъ, что полезно,
Что вредно въ нравахъ, что въ нихъ гнусно иль любезно:
Желанія всѣ мои крайни составляетъ».

Съ этимъ идеаломъ счастливой жизни тѣсно связывается и образецъ нравственной дѣятельности, изображенной въ VIII-й сатирѣ: «На безстыдную нахальчивость». Для того, чтобы находить счастіе въ довольствѣ малымъ, надобно во всѣхъ своихъ чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ соблюдать умѣренность, ни въ чемъ не увлекаться въ крайности, а строго держаться во всемъ золотой середины:

«Съ древле добродѣтели середину держали
Между двумя крайми, гдѣ злы нравы засѣдали».
«Глупо изъ младенчества звыкли мы бояться
Нищеты, презрѣнія, и тѣ всего мнятся
Зла горчае; потому бѣжимъ мы въ другую
Крайность, не зная въ вещахъ мѣру никакую;
Всяко однако жъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ;
Кто пройдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.
Грѣшитъ пѣстунъ Нероновъ, что тьмы накопляетъ
Сокровищъ съ бѣдствомъ житья, да и тотъ, что чаетъ
Въ бочкѣ имя мудреца достать, часто голодъ
И мракъ терпя не уменъ».
. . . .
«Можно скудость не терпѣть, богатствъ не имѣя
Лишнихъ, и въ тихомъ углу покоенъ сѣдя,
Можно славу получить, хоть бы за собою
Полкъ людей ты не водилъ, хоть бы предъ тобою
Народъ шапки не сымалъ».

Этотъ идеалъ заимствованъ Кантемиромъ у Горація. Въ римской жизни во время Горація существовали два противоположныя направленія — суровое, безотрадное ученіе стоиковъ и чувственная, нравственная распущенность эпикурейцевъ. Недовольный такими крайностями, Горацій вздумалъ выбрать середину между ними и въ своихъ сочиненіяхъ проповѣдывалъ воздерживаться отъ всякихъ крайностей и увлеченій, соблюдать во всемъ умѣренность, спокойствіе въ настоящемъ и беззаботность о будущемъ. Такъ же поступать совѣтуетъ и Кантемиръ. Съ такимъ несложнымъ и невысокимъ идеаломъ, конечно, можно легко и счастливо прожить жизнь, но зато съ нимъ нельзя совершить и ничего высокаго и великаго; онъ не даетъ силы для подвиговъ самоотверженія и самопожертвованія, для борьбы со зломъ и неправдою, а поведетъ къ совершенному равнодушію во всѣхъ дѣлахъ, не касающихся лично человѣка, особенно въ дѣлахъ общественныхъ. Дѣйствительно, Кантемиръ, для того, чтобы избѣжать борьбы, гоненій, или непріятностей, и сохранить покой, совѣтуетъ и въ выборѣ между правдой и неправдой держаться также середины, и даже позволяетъ быть злымъ, если безъ вреда себѣ нельзя быть добрымъ.

...«Лучшую дорогу
Избралъ, кто правду всегда говорить принялся,
Но и кто правду молчитъ, виновенъ не сталcя,
Буде ложью утаить правды не посмѣетъ»:
Счастливъ, кто середины той держаться умѣетъ».
«Нельзя добрымъ быть? будь золъ своимъ не къ изъяну.
Изряднѣе всякаго убѣгать порока.
Нельзя ль? укрой лишняго отъ младенча ока».

Въ девятой сатирѣ «Къ солнцу», или «На состояніе свѣта сего», Кантемиръ изображаетъ невѣжество и суевѣріе, приведшія русскій народъ къ расколу. Онъ представляетъ типъ раскольника въ образѣ мужика, который «недавно оставилъ соху, аза въ глаза не знаетъ, а вретъ богословскія рѣчи, какія передъ иконы должно ставить свѣчи, что въ церквахъ вошло старинѣ противно» и т. д., изображаются тѣ же суевѣрія, которыя описаны уже въ первой сатирѣ и на которыя нападали еще Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе проповѣдники. Причиною ихъ Кантемиръ считаетъ невѣжество, существующее не въ одномъ простомъ народѣ, но во всѣхъ сословіяхъ. По этому поводу онъ глубоко сѣтуетъ о томъ, что просвѣщеніе, посѣянное Петромъ В., распространяется очень слабо, и наука даже въ высшихъ учежденіяхъ существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ. Вотъ какъ онъ изображаетъ одно изъ такихъ учрежденій (вѣроятно, Академію наукъ):

«Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы.
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученья будутъ тамо главны.
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:

«Вотъ завтра ученья высоки зачнутся,
Вотъ и учители заморски соберутся.
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ».
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ.
А пришедъ комплиментовъ увидитъ не мало,
Высокихъ же наукъ тамъ и стѣни не бывало».

Эта ревность о наукѣ и просвѣщеніи, выражающаяся повсюду въ сатирахъ Кантемира, и сообщила имъ ту высокую цѣну, какую онѣ имѣли въ глазахъ современниковъ. Въ художественномъ же отношеніи онѣ не имѣютъ особеннаго значенія. Кантемиръ самъ сознавалъ и высказывалъ это. Назвавъ ихъ «топтаніемъ слѣдовъ» Горація, Ювенала и Буало, онъ прибавляетъ, обращаясь къ своей музѣ:

«Истая Зевсова дочь (Аѳина) перо ихъ водила;
Тебя чуть ли не съ другимъ кѣмъ Память родила.
Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ,
И слова гладко текутъ, какъ рѣка, природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ, кто зритъ себѣ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.
А въ тебѣ что таково»?

К. Порфирьевъ.

Характеристика Кантемира.

Относительныя свойства Кантемира объясняются его характеромъ, его понятіемъ о сатирѣ и его воззрѣніемъ на нравственность.

Кантемиръ былъ человѣкъ благородный и справедливый, но вмѣстѣ кроткій и меланхолическаго темперамента. Люди такого свойства не способны къ грозному негодованію: они вооружаются противъ враговъ правды и науки насмѣшкой, проніей, дидактизмомъ. Осторожный, что доказываетъ его дипломатическая дѣятельность, застѣнчивый, какъ онъ самъ объявляетъ въ своихъ сатирахъ, любитель уединенія и наукъ, Кантемиръ дорожилъ своимъ внутреннимъ сокровищемъ, т.-е. стремленіемъ къ нравственному достоинству учеными занятіями, сознаніемъ важности просвѣщенія и благодѣтельныхъ слѣдствій Петровской реформы, но въ то же время думалъ, что враги просвѣщенія и человѣческаго достоинства «боятся больше посмѣянія», нежели гнѣва, карающей сатиры, грознаго обличенія. По его понятію, цѣль сатиры—исправлять человѣческіе нравы; но какимъ образомъ достигаетъ она этой цѣли? «забавнымъ слогомъ осмѣивая злонравіе? Въ намѣреніи своемъ она «сходна съ нравоучительными сочиненіями, но отличается отъ нихъ тѣмъ, что слогъ его простой и веселый. Достоинство такихъ «забавныхъ» сатиръ основывается, конечно, въ силѣ остроумія: Кантемиръ имѣлъ его, но не граціозное, какъ у Горація, и не язвительно тонкое, какъ

у Буало. Главный характеръ его насмѣшливости, какъ мы выше сказали, состоялъ въ чистосердечіи и внятности, въ смѣлой и откровенной хулѣ. Всякое злонравіе непріятно тебѣ, говоритъ авторъ, обращаясь къ сатирѣ:

Смѣло хулишь, да къ тому же и говоришь *внятно*,

и въ другомъ мѣстѣ:

...Сатира, что *чистосердечно*
Писана, колетъ глаза многимъ всеконечно.

Взглядъ автора на сатиру выраженъ имъ въ четвертой сатирѣ (Къ музѣ своей). Горацій называетъ свою сатирическую дѣятельность инстинктомъ (первая сатира второй книги); Кантемиръ также объявляетъ, что ему «сродно» писать сатиру, а въ другомъ родѣ онъ неудачливъ. Такъ какъ трудно итти противъ природы, которая влетитъ въ окно, если выгонишь ее въ дверь, то напрасно думалъ нашъ сатирикъ сломить нравъ своей музы: она упорно отказывалась сплетать похвальные стихи недостойнымъ, стихи ложной хвалы, заклейменные отъ Кантемира именемъ «гадкихъ». Умъ автора становится тогда лѣнивымъ, слова вязли въ зубахъ— не забавныя, не сильныя, не красивыя, не новыя: но какъ только усматривалъ онъ вредное въ нравахъ, муза его оказывалась гораздо умнѣе, стихъ ложился свободнѣе (145—9).

Осторожность и разборчивость управляла, однакожъ, его инстинктомъ: хуля злые нравы, онъ боялся открыть злонравнаго слишкомъ ясными примѣтами. Писать сатирическіе стихи, по его мнѣнію, то же, что отворять кровь: надобно выпустить ее въ мѣру. И потому, плача въ сердцѣ о дурныхъ людяхъ и смѣясь надъ ними въ стихахъ, онъ не выставлялъ имъ именъ (35 стихъ 4-й сатиры). Такая осторожность не помѣшала, впрочемъ, узнать нѣкоторыя, даже историческія лица, въ забавныхъ очеркахъ сатирика, а современникамъ вооружаться противъ его сочиненій. Чистосердечная сатира колола многимъ глаза: одинъ жаловался, что авторъ, выставляя пьяницъ (въ 1 и 3 сатирахъ), умалялъ кружальные доходы; другой уличалъ его въ безбожіи, и доносомъ болѣе чѣмъ въ три тетради доказывалъ,

Что нечистый въ тебѣ духъ бороду злословитъ,
Что законоломное и невѣрныхъ дѣло
Полосатой мантію ризой звать смѣло;

третій вооружается противъ улики во взяткахъ. Однимъ словомъ, восклицаетъ авторъ, лучше вѣкъ не писать, нежели писать сатиру, которая навлекаетъ на меня ненависть всѣхъ людей. Многіе стихи сатиръ, особенно четвертой, означаютъ вліяніе, произведенное его литературною дѣятельностію.

Для опредѣленія характера и нравственныхъ понятій автора, надобно обратиться къ шестой и седьмой сатирамъ. Первая, написанная въ 1738 году, развиваетъ мысль, что «лишь тотъ можетъ назваться счастливымъ, кто доволенъ малымъ, живетъ въ уединеніи и слѣдуетъ добродѣтели». Цѣль второй (1739)—осмѣять безстыдныхъ нахаловъ и познакомить съ своимъ собственнымъ характеромъ, противоположнымъ нахальству.

Шестая сатира начинается подражаніемъ шестой же сатирѣ (второй книги) Горація. Это начало очень важно, какъ profession de foi нашего сатирика.

Лучшее украшеніе наше, говоритъ авторъ, есть добродѣтель; послѣ нея, всего драгоцѣннѣе—тишина ума. Съ младенчества мы привыкли бояться нищеты или презрѣнія толпы: отъ этого ударяемся мы въ другую крайность—въ стяжаніе богатствъ, въ исканіе почестей, тогда какъ во всѣхъ вещахъ должно знать прямую мѣру. У всякаго дѣла есть свой предѣлъ: кто перейдетъ или кто не дойдетъ—равно глупы (ст. 145—149).

Къ такой славѣ ведутъ немногія средства: живи тихо, стремясь къ тому, что честно, что полезно и тебѣ и другимъ, ведя къ исправленію нравовъ. Награда добра заключается въ самомъ добрѣ (добрымъ быть, собою мзда есть уже не мала).

Въ восьмой сатирѣ авторъ объявляетъ, что природа или отеческій совѣтъ заставили его съ дѣтства быть стыдливымъ, боязливымъ, недовольнымъ собой, что при томъ здравый смыслъ обѣщалъ ему и труды бѣдствія, еслибъ онъ ставилъ стыдъ: съ тѣхъ поръ онъ слѣдовалъ внушенному ему направленію. Онъ всегда вѣрилъ, что стыдливость возвышаетъ красоту и есть неоспоримый признакъ истинной доброты; что проворный но необузданный языкъ долженъ спотыкаться, что смѣлость тогда только похвальна, когда мы противимся своей злобной волѣ, когда разимъ враговъ въ полѣ, когда обличаемъ гнусную ложь клеветниковъ или защищаемъ слабую ненависть. Но теперь опытъ жизни показалъ, какъ вредны ему стыдливость и несмѣлость, вредны не въ одномъ стихотворномъ дѣлѣ.

Большая часть людей судитъ о разумѣ по числу словъ, и отъ того часто слыша такія рѣчи: «Аристъ (такъ называетъ себя авторъ) честенъ, тихъ, учтивъ, и другъ не лестный; но отъ него не добьешся слова—значитъ, въ немъ нѣтъ ума. Встарину добродѣтель держалась средины между двухъ крайностей. Въ наше время эта златая средина отмѣнена. Кто, имѣя умѣренный доходъ, не старался правдой и неправдой накопить несчетныя богатства, тотъ лѣнивецъ: кто говоритъ, когда надобно говорить, въ мѣру и разсудительно, тотъ угрюмъ, скученъ; кто въ дѣлахъ своихъ руководствуется здравымъ смысломъ, тотъ малодушенъ».

Сведемъ всѣ мысли автора къ главнымъ существеннымъ положеніямъ его философіи. Истинная мудрость человѣка заключается въ прямой, т.-е. настоящей мѣрѣ вещей, а это прямая мѣра есть

не что иное, какъ средина между крайностями—блаженная золотая середина, безъ которой нѣтъ счастія человѣку, и которую Горацій выбралъ идеаломъ своихъ желаній. Стремленіемъ къ срединѣ объясняется нелюбовь Кантемира къ крайностямъ. У него нѣтъ положительныхъ, безусловныхъ требованій суровой добродѣтели, такихъ требованій, при которыхъ становятся смѣшны всѣ полудобродѣтельные поступки, у него нѣтъ и ожесточенія противъ безнравственности—такого ожесточенія, при которомъ нельзя заключить ни въ какихъ условіяхъ мировой сдѣлки съ порокомъ. Философія Кантемира стыдлива и не смѣла, какъ его характеръ: она проповѣдуетъ добро, боясь, поражаетъ порокъ, краснѣя. Это не мораль во всей ея неприкосновенности: это полумораль, близкая къ равнодушію, индеферентизму. Въ однихъ мѣстахъ она страшится перейти, въ другихъ не дойти, отъ чего и происходитъ ея двусмысленность, ея сомнительное, колеблющееся положеніе, подобное положеніе того человѣка, который хочетъ пройти по острію, не падая ни направо ни налѣво. Нужно ли нашему сатирику оцѣнить искусство Клита, ловкаго куртизана,—онъ соглашается, *что лучшую* дорогу избралъ тотъ, кто всегда говоритъ правду; однакожъ не виноватъ и тотъ, кто умалчиваетъ правду, если не посмѣетъ утаить правду ложью: блаженъ, кто умѣетъ держаться этой средины! (сатир. 2). Какой же? между *лучшей* дорогой и дорогой не лучшей! Выборъ здѣсь, кажется, затруднителенъ. Изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее, изъ двухъ благъ выбираютъ большее. Нравственная философія нашего сатирика или невѣрна, или слишкомъ снисходительна.—Изобразивъ низость Хирона въ годину бѣдствія, пятая сатира заключаетъ свое изображеніе такимъ выводомъ: слабой душѣ трудно держать *средину:* въ свѣтлый день она *черезчуръ* гордится, а въ черные дни черезчуръ подла. Отсюда слѣдуетъ, что душѣ сильной, человѣку великодушному надобно не *слишкомъ* гордиться въ счастіи и *не слишкомъ* быть подлымъ въ несчастіи. Такая мораль, которую всего приличнѣе назвать серединою, не исключаетъ, стало-быть, ни извѣстной степени гордости ни извѣстной степени подлости. Ужели она думаетъ, что только крупная безнравственность есть безнравственность, а мелкія доли ея переходятъ въ нравственность? Малѣйшая частица мышьяка—все мышьякъ, а не сахаръ! Этого мало; Кантемиръ до того снисходителенъ, что позволяетъ быть злымъ, если нельзя быть добрымъ.

Замѣтимъ, что всемогущимъ словомъ нельзя прикрыть какую угодно мерзость, по пословицѣ: на нѣтъ и суда нѣтъ. Подобные нравственные совѣты можно назвать уступками той или другой крайности и потому они выражаются почти всегда уступительными періодами. Грамматическая ихъ форма: «хотя, однако», что иногда равносильно словамъ: «такъ, да не такъ».

Горацій «восторгомъ грудь питая» не то же ли говорилъ, не того же ли желалъ? «Въ нравственности онъ бралъ не свысока». Вся его философія сжимается въ двѣ или три идеи, въ два или

три желанія. Покой, пріятная умѣренность, беззаботность о будущемъ днѣ—вотъ что ему нужно. Конечно, эта пріятная или златая умѣренность обходится довольно дорого: она требуетъ, чтобы Тибуръ оставался неприкосновенною собственностію хозяина, чтобы онъ имѣлъ малую толику фалернскаго, чтобъ, при беззаботности о будущемъ днѣ, было безтревожное наслажденіе днемъ настоящимъ. Во всемъ же прочемъ, и въ религіи и политикѣ, Горацій хранитъ, какъ сокровище, свое равнодушіе, которое выражается имъ откровенно. Такой философъ, какъ Горацій, конечно, не будетъ преслѣдовать общественные недостатки: онъ только посмѣется надъ ними. Тонъ его сатиръ выйдетъ ровный, какъ у Кантемира. Вотъ почему такъ ясно сходство между ними.

Небольшое число идей Горація выражается небольшимъ числомъ поэтическихъ образовъ: онъ поэтъ. Сила его не въ глубинѣ чувства и могуществѣ фантазіи, не въ дарѣ творчества, а въ красотѣ внѣшней формы, въ выраженіи. Грація рифмы, чистота языка, свѣтлость, прозрачность стиля—вотъ чѣмъ онъ прельщаетъ, и вотъ чего нѣтъ у нашего сатирика. *Галаховъ.*

Ювеналъ, Горацій, Буало и Кантемиръ.

Историческая критика смотритъ на произведеніе писателя не съ одной только чисто художественной стороны, но и со стороны взаимнаго отношенія и взаимнаго дѣйствія въ извѣстное время писателя на общество и общества на писателя. Разсматривая съ этой точки зрѣнія писателя, мы можемъ найти, что въ произведеніяхъ его мало художественности, но много современности, т.-е. что такой-то писатель былъ выраженіемъ извѣстнаго направленія, существовавшаго въ данную эпоху, что онъ былъ дѣятелемъ въ общественной жизни, что онъ способствовалъ къ развитію идей, впослѣдствіи осуществившихся или, по крайней мѣрѣ, принесшихъ пользу обществу. Такимъ образомъ писатель, который могъ не существовать для исторіи литературы какъ не художникъ, получаетъ въ ней мѣсто какъ литературный дѣятель, какъ литераторъ, какъ человѣкъ, трудившійся и принесшій пользу на литературномъ поприщѣ, точно такъ же, какъ важенъ для исторіи каждый государственный мужъ, дѣйствовавшій въ извѣстную эпоху на общественное развитіе. Можно быть художникомъ и литераторомъ вмѣстѣ, т.-е. можно способствовать развитію идей и свои произведенія замыкать въ художественную форму, но можно содѣйствовать развитію идей и не быть художникомъ. Ограничить литературу одними художественными произведеніями, значитъ отнять у нея множество поборниковъ и людей съ огромнымъ умомъ, но безъ художественнаго таланта. Точно такъ же смотрѣть на исторію литературы съ одной художественной стороны, значитъ ограничивать ее малымъ числомъ избранныхъ и отдавать

имъ однимъ незаслуженную или, по крайней мѣрѣ, преувеличенную честь. Сверхъ того, ограничивъ сферу дѣятельности литературы одними художниками, ихъ трудно, если даже не невозможно, объяснить: между ними и обществомъ прерывается связь, постепенность, посредствующія звенья, которыя связываютъ неразрывнымъ образомъ это поприще. Художникъ не по одному же введенію становится великъ; онъ подготовляется долго, онъ возникаетъ изъ извѣстныхъ понятій, господствующихъ въ обществѣ, — понятій, надъ которыми трудились другіе люди—не художники, и открыли ему путь. И за что приносить въ жертву лучшую сторону литературныхъ произведеній—ихъ содержаніе, за то, что форма не художественна?—совершенно несправедливо; отдаемъ же мы справедливость художественной формѣ, если даже содержаніе и недостаточно; отчего жъ не сдѣлать и обратнаго сужденія и не цѣнить произведеній, по содержанію своему имѣвшихъ большое вліяніе на общество, хотя и неразвернувшихся въ художественной оболочкѣ? Вѣдь думали же прежде, что нѣтъ поэзіи, гдѣ нѣтъ стиха, а теперь никто и доказывать не хочетъ, что поэзія можетъ быть и въ прозѣ, даже больше, нежели въ стихахъ, потому что форма свободнѣе. Зачѣмъ же мы будемъ доказывать, что въ литературномъ мірѣ только то и хорошо, что художественно?...

Кантемира нельзя назвать ни ретористомъ ни холоднымъ подражателемъ классическихъ писателей, хотя онъ и писалъ тяжелыми, силлабическими стихами, слѣдовательно не въ такой изящной формѣ стиха, какъ этотъ стихъ выработался впослѣдствіи. Отъ этой грубой оболочки сатиръ Кантемира ихъ читать трудно, — совершенно справедливо; но остановиться на этой одной оцѣнкѣ слишкомъ недостаточно. Былъ ли онъ исключительно подражатель классиковъ, увидимъ ниже, когда будемъ разсматривать содержаніе сатиръ; былъ ли онъ только ретористъ, на это лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить его сатира «Къ музѣ своей», написанная въ подражаніе Буало. Въ ней объяснено, почему Кантемиръ писалъ сатиру.

И стихи, что чтецамъ смѣхъ на губы сажаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ.
Знаю, что правду пишу, и именъ не значу,
Смѣсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу;
Да правда рѣдко люба, и часто не кстати.
. . . .
Чего жъ плакать, что народъ хромаетъ душою?
Если бъ правдой все итти, таскаться съ сумою.
Таковъ обычай: уйми, чтобъ шляпъ не носили
Маленькихъ, или живутъ пусть люди, какъ жили.
Лучше насъ пастыри душъ, которыхъ и правы
И должность есть исправлять народные нравы,
Да молчатъ; на что вступать со всѣмъ свѣтомъ въ ссору?
. . . .
Запой въ Амариллиныхъ объятьяхъ сладкихъ
Счастливаго Титира, иль Ирисъ безчадну

Къ бѣдну Филену. Свою Титиръ жизнь прохладну
Не смѣнить на царскую славу и обильность;
Филенъ носитъ на лицѣ жалкую умильность;
Ведетъ ли стадо поить, или пасти на поли?
Смутенъ станетъ, и текутъ съ глазъ слезы доволи;
Ирисъ, мимо идучи, ходъ свой ускоряетъ
Смѣясь, и горда его рану огорчаетъ.
Вскипь глаза на прошлу жизнь мою и подробно
Изслѣдуй; счастье ко мнѣ ласково и злобно
Бывало, больше въ своей злобѣ постоянно.
Почерпнувъ довольну тутъ печаль, нечаянно
Новымъ ужъ родомъ стиховъ наполнимъ тетрати...
. . . .
А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю, умняе
Сама ставши, подъ перомъ стихъ течетъ скоряе.
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю,
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю;
Проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду,
Или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду.
Любовны пѣсни писать, я чаю тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло...
Довольно моихъ поютъ пѣсней и дѣвицы
Чистыя, и отроки, коихъ отъ денницы
До другой невидимо колетъ и любви жало.
Шутокъ тѣхъ минулося время, и пристало
Ужъ мнѣ горько каяться, что дни золотые
Такъ непрочно стратилъ я, пиша пѣсни тыя...
. . . .
Однимъ словомъ, сатиру лишь писать намъ сродно.
Въ другомъ неудачливы; съ нравомъ же не сходно
Моимъ, не писавъ прожить въ лѣности съ тобою.
Инъ, каковъ бы ни былъ рокъ, смѣлою рукою
Злой правъ станемъ мы пятнать вездѣ неостудно.
И правда, ужъ отъ того и уняться трудно...
. . . .

Намъ кажется, что Кантемиръ въ этой сатирѣ довольно сильно и съ горечью высказалъ причины, по которымъ онъ невольно долженъ былъ писать сатиры въ то время, когда другіе совѣтовали ему пѣть пѣсни любви. Человѣкъ, который заставляетъ другихъ смѣяться, но самъ въ душѣ плачетъ надъ недостатками общественными, человѣкъ, у котораго сатира есть плодъ опытности и знанія, а не одного остроумія, — этотъ человѣкъ заслуживаетъ во всякомъ случаѣ, чтобъ пристальнѣе разсмотрѣть предметъ его негодованія, потому что это будетъ недостатки народные.

Князь Антіохъ Кантемиръ родился въ Константинополѣ, учился сперва въ Харьковѣ, потомъ въ Москвѣ, а наконецъ въ Петербургской академіи наукъ; все образованіе, которое можно было получить въ Россіи, состояло въ тѣхъ наукахъ, которыя преподавали въ духовныхъ академіяхъ, кіевской и московской, и въ семинаріяхъ, только что заводимыхъ тогда, по образцу кіевской академіи. Въ чемъ же состояло это ученье? Учеными и учителями были духовные, воспитан-

ники, по большей части, кіевской академіи. Кругъ ученія, доступный имъ, состоялъ изъ языковъ: славянскаго, греческаго и латинскаго, изъ православнаго катехизиса, ариѳметики, піитики, реторики, философіи, богословія, а иногда геометріи и даже началъ астрономіи. Петръ Могила, Заборовскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, мужи, получившіе свое образованіе въ западной Европѣ, принесли съ собою взглядъ на науки и самое преподаваніе наукъ, такое же, какое они получили на Западѣ. Богословскія лекціи лучшаго тогда университета — парижскаго, изданныя въ 1658 году, называются *summa theologiae scholasticae;* точно также и въ другихъ католическихъ училищахъ преподаватели оставались поклонниками Ѳомы Аквината. У насъ учебники богословскіе Кіевской академіи такъ же составлялись по руководству Ѳомы Аквината, напримѣръ учебникъ 1642 и 1693—1697 годовъ и далѣе, до Георгія Конисскаго, за исключеніемъ одного Ѳеофана Прокоповича. А извѣстно, въ чемъ состояло схоластическое богословіе: въ основаніе принимались догматы христіанской религіи, и изъ нихъ, посредствомъ діалектики Аристотеля, выводили цѣлый рядъ христіанскихъ истинъ, которыя обыкновенно въ совокупности и называетъ *summa theologiae.* Изъ этого видно, что въ философіи (въ духовныхъ училищахъ) въ то время долженъ былъ господствовать тотъ же Аристотель; его сочиненія продолжали свое схоластическое поприще, несмотря на появленіе Бекона и Декарта. Въ реторикѣ и піитикѣ владычествовалъ неограниченно тотъ же Аристотель, только на этотъ случай въ товариществѣ съ Цицерономъ и Квинтиліаномъ.

У насъ эта область наукъ, перенесенная въ Россію еще въ XVII столѣтіи духовными лицами, европейски образованными, продолжала свое существованіе, съ помощью кіевской академіи, въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII и не ограничивала круга своихъ дѣйствій одною Малороссіею, но распространила свое вліяніе и на всю Россію. Такимъ образомъ Степанъ Яворскій, который такъ много содѣйствовалъ планамъ Петра Великаго, въ 1698 году читалъ въ Кіевской академіи реторику, подъ затѣйливымъ заглавіемъ: «*concha, novas artis oratoriae gemmas continens*», и раздѣлялъ ее на двѣ части: въ первой говорилось о размноженіи словъ и мыслей, объ образованіи и о распространеніи предложенія и о доказательствахъ; во второй излагались правила сочиненія рѣчей и писемъ поздравительныхъ, привѣтственнымъ, просительныхъ, благодарственныхъ, прощальныхъ и надгробныхъ. Аристотелева философія до того сильно господствовала между нашими духовными, что еще Георгій Конисскій въ 1749 году читалъ въ Кіевѣ «*Philosophia complectens logicam, metaphysicam et ethicam*» совершенно въ схоластическомъ духѣ. Конспектъ, по которому читалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ 1708 году, назывался: «*Philosophia Aristotelicoscholastica.* Реторика Ѳеофана Прокоповича, читанная имъ въ 1706 году, нисколько не отличается по своему духу отъ реторики Стефана Яворскаго. Въ піитикѣ, само собою уже разумѣется,

было то же направленіе, которое господствовало и въ реторикѣ. Эти піитики ничѣмъ не отличаются отъ руководства Кошанскаго. Руководство въ латинской поэзіи, само собою разумѣется, было основано на древнемъ ученіи Квинтиліана, изложенномъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, и впослѣдствіи напечатанномъ въ Москвѣ Георгіемъ Конисскимъ. Нужно замѣтить, что всѣ эти предметы читались въ Кіевской академіи на латинскомъ языкѣ, и, слѣдовательно, духовные наши, получившіе въ этой академіи образованіе, были сильны въ литературѣ классической и средневѣковой, большею частію, написанной на латинскомъ языкѣ.

Мы говорили о томъ образованіи, которое можно было въ 1720 годахъ получить въ Кіевѣ и Москвѣ; не забудемъ, что лица съ такимъ образованіемъ, какъ студенты кіевской академіи, не были исключительно только въ этихъ двухъ академіяхъ: нѣтъ, они были разбросаны по всей Россіи, они дѣйствовали заодно съ Петромъ Великимъ и помогали его реформамъ. Стоитъ только припомнить, что изъ лицъ, получившихъ такое образованіе, были: св. Димитрій Туптало, Стефанъ Яворскій, Ѳеофилактъ Лопатинскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, св. Иннокентій Кульчинскій, Гавріилъ Бужинскій, — все знаменитые подвижники на государственномъ поприщѣ, совокупными силами двинувшіе образованіе въ Россіи. Но этого мало: при Петрѣ хотя и много заботились объ образованіи народныхъ школъ, но завести ихъ не могли по недостатку учителей; и потому, когда епархіальнымъ архіереямъ было вмѣнено въ обязанность заводить семинаріи при архіерейскихъ домахъ, вездѣ учителями были люди, получившіе такое образованіе, о которымъ мы выше говорили. Впослѣдствіи, когда начали заводить народныя школы, учителями были также, большею частію, воспитанники духовныхъ академій. Профессорами Кіевской академіи были наполнены духовныя академіи: сперва московская, а потомъ и петербургская. Свѣтское образованіе, т.-е. не отъ духовныхъ нашихъ, а большею частію иностранныхъ профессоровъ, началось только съ основанія петербургской Академіи Наукъ, на которую возложена была обязанность образовать свѣтскихъ учителей. Слѣдовательно, въ царствованіе Петра главными учеными людьми (за исключеніемъ лицъ, которыхъ онъ бралъ съ собою или посылалъ за границу) были духовные, и вотъ почему сатиры Кантемира, въ которыхъ онъ нападалъ на прежній порядокъ, даже и на духовенство, и поддерживалъ западныя нововведенія, были встрѣчены первою похвалою духовнаго же лица Ѳеофана Прокоповича.

Кантемиръ написалъ всего восемь сатиръ, но мы считаемъ важными и главными только двѣ: первую, «Къ уму своему», или сатиру на невѣжество, и вторую: «Филаретъ и Евгеній», или сатиру на людей, гордившихся однимъ происхожденіемъ. Мы считаемъ ихъ важными для потомства потому, что въ нихъ выразился вѣкъ, потому что въ нихъ идетъ дѣло о тѣхъ недостаткахъ, которые господствовали въ вѣкъ Петра, противъ которыхъ вооружался самъ преобра-

зователь Россіи. Вторая причина та, что эти двѣ сатиры дѣйствительно сатиры, потому что въ нихъ Кантемиръ смѣло вооружился противу господствовавшихъ тогда недостатковъ общества, а не противу мнимыхъ слабостей человѣчества вообще, какъ дѣлаютъ, бóльшею частью, сатирики, неимѣющіе никакого вліянія.

Мысль наша сдѣлается яснѣе, когда мы объяснимся относительно значенія сатиры. Сатира подъ разными именами и видами,—подъ классическимъ именемъ *сатиры,* подъ именемъ *эпиграммы,* часто подъ видомъ *комедіи* («Недоросль»—Фонвизина, много мѣстъ «Горе отъ ума»—Грибоѣдова) и, преимущественно, въ новѣйшее время безъ всякаго названія (напр. «Дума» Лермонтова),—сатира есть не что иное какъ лирическое произведеніе, проникнутое чувствомъ негодованія или горькой насмѣшки, при взглядѣ на недостатки извѣстнаго порядка вещей, на извѣстный классъ людей, часто на цѣлое поколѣніе и даже часто именно на какое-нибудь лицо. Чувство это такъ же возникаетъ въ груди поэта, какъ естественно въ немъ не можетъ возникнуть чувство любви или благоговѣнія, которымъ нѣкогда отводили въ удѣлъ элегію и оду. Но теперь никто не называетъ своихъ стихотвореній одами, рѣдко называютъ элегіями, и пора перестать называть извѣстный родъ стиховъ сатирами, какъ это сдѣлалъ уже Лермонтовъ у насъ. Это произошло оттого, во-первыхъ, что довольно нелѣпо, написавъ напр. такое сочиненіе, какъ «Дума» Лермонтова, сдѣлать для нея названіе: «Гнѣвное или сердитое сочиненіе», т.-е. сатира, потому что тотъ, кто прочтетъ ее, уже непремѣнно пойметъ этотъ характеръ стихотворенья, если бы даже больше и ничего не понялъ. Или, напримѣръ, назвать бы стихи Пушкина: «Клеветникамъ Россіи» торжественной одой или торжественнымъ стихотвореніемъ, потому что здѣсь главное чувство—чувство патріотизма русскаго, или, наконецъ, его же стихи: «Для береговъ отчизны дальной ты покидала край родной», назвать печальнымъ, грустнымъ стихотвореніемъ, потому что въ немъ это чувство играетъ главную роль. Во-вторыхъ, такія названія стихотвореній прекратились потому, что въ лирическомъ произведеніи такъ же часто перемѣшиваются всѣ чувства, и грустное, и торжественное, и юмористическое, какъ напр. въ драмѣ смѣшиваются и комедія, и трагедія, и водевиль. Всѣ эти названія годны для піитикъ, въ которыхъ нужно обозначать извѣстный родъ стихотвореній, уже прежде надписанныхъ такими названіями.

Слѣдовательно, мы говоримъ, сатира есть лирическое произведеніе, и въ той мѣрѣ, сколько въ ней неподдѣльнаго, справедливаго чувства, столько сатира есть произведеніе поэтическое, не говоримъ художественное, потому что этого названія, преимущественно, заслуживаютъ формы произведеній, повѣствовательная и драматическая, гдѣ требуется обработка характеровъ, развитіе дѣйствій и совершенное удаленіе со сцены личности писателя. Чувство любви или негодованія не можетъ иначе вспыхнуть, какъ при встрѣчѣ съ частнымъ случаемъ, съ обстоятельствами, тѣсно связанными съ дѣйствіями

лица, испытавшаго негодованіе или любовь. Чувство это можетъ быть болѣе или менѣе общее, т.-е. можетъ обнимать болѣе или менѣе общую сторону человѣчества или общества, но приходитъ не иначе, какъ при встрѣчѣ съ обстоятельствами извѣстнаго времени или мѣста. Возьмите многіе монологи Фауста: не есть ли это горькая насмѣшка надъ слабостью и, преимущественно, ограниченностью? Этотъ человѣкъ, обольщенный ложной надеждой, жаждетъ знать законы всего созданнаго, все узнаетъ, что знаютъ только люди, видитъ, что еще онъ едва началъ дорогу, что ея конца и средствъ достигнуть его, даже съ помощью Мефистофеля,—нѣтъ, и онъ горько смѣется надъ собою и вмѣстѣ съ этимъ и надъ всѣмъ человѣчествомъ. Такіе монологи—неподдѣльная сатира. Гамлетъ Шекспировъ, изнемогающій подъ собственнымъ безсиліемъ отомстить за смерть отца,—также горькая сатира на ограниченность нашей воли и на слабость нашу передъ обстоятельствами. Это уже чисто человѣческія слабости, на которыя ропщетъ человѣкъ, столкнувшись съ ними и испытавъ на себѣ ихъ вліяніе. Но есть другого рода сатиры, не общія, а мѣстныя, не общечеловѣческія, а данныя въ удѣлъ извѣстному народу. Вотъ хоть бы эти стихи Лермонтова, которые такъ хорошо идутъ къ нашему поколѣнію, долгое время корчившему Байрона и не прилагавшему рукъ своихъ ни къ какому дѣлу:

. . . .
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты — его паденья часъ!
. . . .
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ:
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства —
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ни чѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
. . . .
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Скажите, развѣ это не сатира, брошенная нашему полуобразованному, полудѣятельному поколѣнію, пожирающему само свои силы, какъ у древнихъ изображали время пожирающимъ своихъ дѣтей? Это чувство справедливое, неподдѣльное, вынесенное Лермонтовымъ изъ сообщества съ такими людьми, какихъ онъ описалъ, и потому поэтическое. Точно такъ же мы должны сказать о Грибоѣдовѣ во многихъ монологахъ его насчетъ московскаго общества. Мы выписали эти всѣмъ извѣстные стихи, чтобы спросить: неужто въ нихъ нѣтъ поэзіи? Точно такъ же ѣдкая эпиграмма, которая уже не можетъ быть написана иначе, какъ имѣя въ виду извѣстнаго человѣка, впослѣдствіи можетъ сдѣлаться, а иногда даже прямо бываетъ поэтическимъ произведеніемъ, потому что прилагается ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ общія черты съ тѣмъ, на кого написана эпиграмма.

Все это мы сказали для того, чтобы показать, какъ сатира необходимо связана съ извѣстнымъ положеніемъ вещей, съ данными условіями, существующими въ народѣ въ извѣстный моментъ. Дѣло сатирика будетъ состоять въ томъ, чтобы замѣтить этотъ главный недостатокъ, вредный для народа, и преслѣдовать его всею силою остроумія, всею энергіею души. Поэтому тотъ сатирикъ, который уклоняется отъ недостатковъ общества существующаго, а гонитъ такіе недостатки, которые перестали быть господствующими, прошли съ теченіемъ времени, или нападаетъ на такія слабости, какъ, напримѣръ, на лживость человѣческой природы, на коварство любви, на непостоянство дружбы между свѣтскими людьми,— однимъ словомъ, на такія вещи, которыя могутъ кой-кого забавлять и никого не оскорблять, въ сущности своей сатирикъ ложный. Тутъ совсѣмъ не отчего приходить въ негодованіе, потому что объ этихъ общихъ чертахъ можно поразмыслить кому угодно въ нравственной философіи, да и оставить такъ, какъ вещь вовсе незначительную, а тѣмъ больше нисколько не приводящую въ гнѣвъ. Особенно элементъ шутки, веселости въ сатирѣ, введенный Гораціемъ, для того, чтобы усладить, напримѣръ, горькое чувство, которое у васъ родилось отъ измѣны любовницы, есть совершенно поддѣльный и фальшивый элементъ, доказывающій, что сатиру взялся писать человѣкъ, которому бы слѣдовало писать идилліи.

На этомъ основаніи, т.-е. потому что первыя двѣ сатиры Кантемира вытекли изъ того положенія народа, въ которомъ онъ самъ жилъ, слѣдовательно безпрестанно встрѣчался съ его недостатками, эти сатиры дѣйствительно могутъ носить это названіе. Общество непосредственно дѣйствовало на его образованный умъ своею грубостью, необразованностію, изъ которой выдвигалъ его Петръ Великій, съ своими сотрудниками, и которому оно упорно противоборствовало. На этомъ же самомъ основаніи остальныя сатиры Кантемира слабѣе, потому что онѣ относились къ тѣмъ недостаткамъ, которые или существовали въ римскомъ обществѣ при Ювеналѣ или въ поддѣльной сатирѣ Горація, или, наконецъ, во французскомъ обществѣ временъ Буало.

Предметы эти довольно отвлеченны, и хотя по общечеловѣческому своему значенію и имѣли приложеніе въ Россіи, но уже не столько, сколько сатиры, извлеченныя изъ жизни, а поэтому были слабы и не могли возбудить въ Кантемирѣ сильнаго чувства.

Кантемиръ подражалъ Горацію, Ювеналу и Буало. Уже по самому значенію сатиры, исключительно обусловленной временемъ, пространствомъ и личными отношеніями сатирика, можно напередъ сказать, что всякое подражаніе будетъ въ этомъ случаѣ неудачно. Дѣйствительно, такъ и выходитъ. Возьмемъ, напримѣръ, сатиру 6, въ которой Кантемиръ больше всего подражалъ Горацію.

Вся эта сатира не можетъ быть названа истинной сатирой, по содержанію своему и потому, что она есть подражаніе фальшивымъ сатирамъ Горація, и потому, что она нисколько не гармонируетъ съ тою дѣятельностію, которую придалъ Россіи Петръ, обновивъ ея силы, и, наконецъ, потому, что она противорѣчитъ личному характеру Кантемира, человѣка дѣятельнаго на поприщѣ государственномъ.

То, что эта не сатира, доказывается уже содержаніемъ ея: вся она есть наборъ доказательствъ въ подтвержденіе истины, что дѣятельность — пустяки, что жить значитъ уединиться, уѣхать подальше отъ людей, набрать съ собою побольше книгъ, читать, думать, мечтать, поболтать съ другомъ... и, само собою разумѣется, выпить съ нимъ хорошаго вина, пообѣдать хорошо, такъ, какъ можно пообѣдать у лучшаго ресторатора въ городѣ... Однимъ словомъ, извѣстная философія, порожденная въ то время, когда люди хотѣли прикрыть свое слабодушіе, эгоизмъ и физическую изнѣженность какою-нибудь системою философіи. Она проста: «не будемъ дѣлать ничего для другихъ, а все для самихъ себя». Отсюда насмѣшка надъ людьми, которые дѣйствуютъ, будетъ ли то на поприщѣ политическомъ, гдѣ они добываютъ себѣ власть и почесть, или на поприщѣ промышленномъ, гдѣ они собираютъ капиталы и уваженіе за безукоризненный трудъ. Конечно, нѣтъ стороны въ жизни, которая бы не вызывала сатиры на уста человѣка, если только эта сторона опошляется людьми недостойными; но изъ этого еще не слѣдуетъ такого заключенія, что самое направленіе, т.-е. дѣятельность, есть зло. Поэтому-то Кантемиръ и замѣтилъ нѣсколько сторонъ приказныхъ людей и выскочекъ, которые хотятъ выслужиться, но въ основаніи своей сатиры онъ ложенъ по неумѣстности морали... Горацій, котораго копировалъ въ этой сатирѣ Кантемиръ, не разъ воспѣвалъ такого рода философію: «Счастливъ тотъ, кто вдали отъ дѣлъ, по примѣру первобытныхъ людей, воздѣлываетъ волами наслѣдственное поле и свободенъ отъ заботъ корыстолюбія»... Что же дѣлаетъ самъ Горацій? трудится? Вотъ отвѣтъ (кн. 2, сат. 6): «предѣлъ моихъ желаній былъ: скромное помѣстье, въ которомъ бы у меня былъ садикъ; близъ дома источникъ неизсякаемый и маленькая роща; но боги дали мнѣ и лучше и больше... да будетъ имъ хвала за это! Я прошу у тебя, сынъ мой, сохрани только неприкосновенными эти

дары. Я ничего не прибавилъ къ своему имуществу незаконными путями, и я не утрачу ничего расточительностью... Мое единственное желаніе, о Геркулесъ! утучни мое стадо и все остальное за исключеніемъ моего ума, и будь всегда, какъ ты и былъ, моимъ мощнымъ покровителемъ». Вы видите, что это то же самое, что и у Кантемира. Далѣе: «Но когда я нахожусь вдали отъ города, когда я убѣжалъ въ свои горы и свой лѣсъ, о чемъ я буду заботиться, какъ не о сатирахъ и стихахъ»? Очень хорошо, что жъ вы воспѣваете въ этихъ сатирахъ?... Посмотримъ, кого вы жалите въ этомъ городѣ, изъ котораго бѣжали ту дѣятельность, которая тамъ такъ противна?

Сатиры эти состоятъ вотъ въ чемъ:

Въ одной (сат. 1) онъ разсуждаетъ о томъ, кто счастливъ: тотъ ли, кто стремится къ новымъ и новымъ пріобрѣтеніямъ, или тотъ, кто владѣетъ умѣреннымъ состояніемъ. Горацій рѣшаетъ въ пользу золотой середины. Въ другой онъ трактуетъ, какъ должно любить.

Любить не нужно (говоритъ онъ) ни женщинъ высшаго ни низшаго сословія, а средняго, и любить должно ни много ни мало, а въ границахъ золотой середины... Далѣе, въ сатирѣ 3 (кн. I) онъ разсуждаетъ о томъ, что въ мірѣ нѣтъ человѣка, у котораго бы не было какихъ-либо недостатковъ, — у одного ихъ больше, у другого меньше, — что должно стараться имѣть недостатковъ если не меньше, нежели у другихъ, то и не больше, а такъ, на середину, и тотъ «будетъ снисходительнымъ другомъ, кто, взвѣсивъ мои достоинства и недостатки, увлечется первыми, а не вторыми»; такого друга вы будете любить. Въ сатирѣ 2 (кн. II) Горацій разсуждаетъ о томъ, какъ должно ѣсть, много ли, или мало, къ чему ведетъ роскошный столъ и умѣренный... Вы уже напередъ знаете рѣшеніе... Посмотрите, съ какою наивностію, достойною идиллика, а не сатирика, Горацій выводитъ въ этой одѣ двухъ лицъ, Офелла и Авидіена, изъ которыхъ одинъ доказываетъ, что аппетитъ, движеніе составляютъ всю гастрономію, и потому нечего заботиться о дорогихъ кушаньяхъ; а другой говоритъ, что онъ не можетъ ѣсть оливокъ иначе, какъ пятилѣтнихъ, пить вино, пока оно не прокисло, и обливать капусту другимъ масломъ, какъ только такимъ, запахъ котораго можетъ васъ привести въ обморокъ. Первый, слѣдовательно, держится аскетическихъ правилъ насчетъ стола, второй — грязной гастрономіи; оба впадаютъ въ крайности. Средина, которой должно держаться — умѣренность въ кушаньи. Мы будемъ говорить о выгодахъ ея. Во-первыхъ, чувствуешь себя хорошо: различныя кушанья вредятъ. Вспомните, когда вы насыщались однимъ блюдомъ, какъ вамъ было легко! Но когда вы начнете смѣшивать жаркое, дичь, рыбу, соусы, тогда соки самые нѣжные обращаются въ желчь... Уснувъ послѣ легкаго обѣда, вы чувствуете себя бодрымъ и сильнымъ на новую работу...

Вотъ главная ткань сатиръ Горація: вы видите, имѣютъ ли онѣ сатирическое содержаніе? могли ли онѣ дѣйствовать на тотъ вѣкъ, въ которомъ жилъ Горацій, и на то общество, изъ котораго онъ

удалился, чтобы писать сатиры? Вы видите, что содержаніе сатиры Кантемира, выше нами приведенной, есть чисто гораціанское; оно говоритъ: убѣжимъ отъ дѣлъ, скроемся въ свои мечты, въ свои наслажденія, въ свой желудокъ... и будемъ счастливы. Эта сатира до того не въ духѣ Кантемира, что онъ самъ противорѣчитъ ей въ другихъ мѣстахъ. Такъ какъ въ мірѣ есть зло, — говоритъ Горацій, — то и будемъ убѣгать отъ этого міра... Вѣрный другъ, легкая любовь, чтеніе, умѣренный столъ, — и я счастливъ! Да, должны мы прибавить, это самый сильный эгоизмъ, воспѣтый человѣкомъ, которому сдѣлался тяжелъ и невыносимъ долгъ, обязанность языческаго гражданина, и которому еще не было извѣстно новое ученіе, уже въ то время распространявшееся въ Римѣ вмѣстѣ съ христіанствомъ.

Кантемиръ занялъ у Горація еще одну сторону его сатиръ, даже и тамъ, гдѣ онъ не былъ подражателемъ: это разсужденіе. Дидактизмъ, философія есть недостатокъ сатиры; когда человѣкъ начинаетъ разсуждать, у него умъ замѣняетъ чувство, это дидактическое сочиненіе въ видѣ сатиры. Такою является 7 сатира Кантемира къ князю Трубецкому. Но о ней будемъ говорить вмѣстѣ съ 1 и 2 сатирами.

Мы сказали выше, что сатиры Горація фальшивы... Не такъ думали прежде, а, можетъ-быть, и теперь думаютъ. Жуковскій въ своемъ разсужденіи: «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира» говоритъ, что «сатиры Горація можно назвать сокровищемъ опытной нравственности, полезной для всякаго, во всякое время, во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Характеръ этого поэта — веселость, чувствительность, пріятная и остроумная шутливость. Онъ живетъ въ свѣтѣ и смотритъ на него глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и свободѣ, имѣющаго проницательный умъ, характеръ откровенный и, наконецъ, способность видѣть недостатки людей, не оскорбляться ими и только находить ихъ забавными. Посреди разсѣянности и шума придворной жизни, онъ сохранилъ въ душѣ своей привязанность къ простымъ наслажденіямъ природы. Онъ забавляется заблужденіями и пороками, но онъ невзыскателенъ, не выдаетъ себя за строгаго законодателя нравовъ и имѣетъ ту снисходительность, которая и самые непріятные упреки дѣлаетъ привлекательными; его простосердечіе и любезный характеръ примиряютъ васъ съ колкостью его остроумія, и вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца, по опыту и забавляетъ васъ, предлагая вамъ нравоученіе полезное; его философія не имѣетъ цѣлію моральнаго совершенства стоиковъ, надъ которыми онъ позволяетъ себѣ иногда смѣяться; она заключаетъ въ себѣ искусство пользоваться благами жизни, быть истинно независимымъ и любить природу... Однимъ словомъ, прочитавъ его сатиры, вы остаетесь съ лучшимъ знаніемъ свѣта, съ яснѣйшимъ понятіемъ о жизни и съ бо́льшимъ расположеніемъ ко всему доброму».

Жуковскій, говоря это, вмѣсто похвалы, которую онъ хотѣлъ сдѣлать, высказалъ, по-нашему, всѣ недостатки Горація. Горацій смотрѣлъ на свѣтъ глазами философа, т.-е. не оскорблялся недостатками людей и только находилъ ихъ забавными. Мы должны сказать, что смотрѣть на міръ глазами такого философа, который удаляется отъ него, лишь бы ему было покойно, есть величайшій недостатокъ въ человѣкѣ, призванномъ къ жизни вмѣстѣ съ другими людьми; а какъ только онъ удалился отъ свѣта, изолировалъ себя, то, конечно, недостатки людей могли казаться ему забавными. Чѣмъ ему было оскорбляться? ему подарено было богатое помѣстье, въ которомъ онъ жилъ покойно. Поэтому такъ онъ не былъ и взыскателенъ и не выдавалъ себя за строгаго законодателя нравовъ. «Вы охотно соглашаетесь у него учиться, потому что онъ говоритъ отъ сердца», но такіе эгоисты, какъ Горацій, ничего не говорятъ отъ сердца; отъ сердца они стараются только оправдать себя въ глазахъ общества. Соглашаются же учиться у нихъ потому, что наука быть эгоистомъ чрезвычайно привлекательна для человѣка, отъ природы уже склоннаго къ любви къ самому себѣ... Эта наука учитъ быть независимымъ... Но развѣ это возможно въ обществѣ? — Куда прикажете бѣжать за этой независимостью?... Конечно, Горацію, какъ отставному полковнику, кстати было отъ бездѣлья разсуждать о томъ, много ли, или мало нужно ѣсть, много ли, или мало нужно любить, много ли, или мало нужно человѣку богатствъ... разсуждать тогда, когда въ Римѣ власть Августа не могла сдержать волненій плебеевъ, требовавшихъ хлѣба, земель и зрѣлищъ,—притязаній патриціевъ, оспаривавшихъ власть императора во имя сената,—разсуждать тогда, когда язычество, изношенное древнимъ міромъ и доведенное до отвратительнѣйшаго матеріализма и цинизма съ одной стороны, а съ другой до изнѣженности и разврата, доживало послѣднія свои минуты, и когда восходило надъ міромъ новое благодатное ученіе, требовавшее любви къ ближнимъ и вѣрованій въ нравственность болѣе чистую, возвышенную, духовную.—Его не оскорбляло и не приводило въ негодованіе то, что̀ губило Римъ; ему казалось это забавнымъ, и онъ предался ничтожнымъ разсужденіямъ о томъ, какъ это забавно... Эти-то общія мѣста и разсужденія о суетѣ всего сущаго и были подхвачены всѣми подражателями Горація—Буало, Попомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашимъ Кантемиромъ. Эти общія мѣста имѣютъ то удобство, что они вездѣ хороши, точно такъ же, какъ они вездѣ довольно пошлы.

Теперь возьмите образъ мыслей *поэта золотой середины* и примѣните его къ эпохѣ Петра, къ тому времени, когда онъ заставилъ всѣхъ служить и работать, когда онъ указалъ службѣ и работѣ новую цѣль, когда онъ преобразовывалъ составъ людей, работающихъ на пользу общественную, когда онъ обѣщалъ имъ табелью о рангахъ такой почетъ, котораго они никогда не могли видѣть на основаніи древнихъ мѣстническихъ правилъ, когда онъ классъ про-

мышленный безпрестанно поощрялъ и старался создать изъ нихъ новую *храмину*, незнакомую для древней Руси; припомните войны, преобразованія, постройки, ученье, поѣздки за границу, и вы увидите, какъ эта гораціанская философія мало шла въ эпохѣ созиданія. Ученіе Горація вышло изъ эпохи, когда все рушилось, когда древнее зданіе распадалось; Кантемиръ жилъ въ эпоху возобновленія государственнаго. Истинный сатирикъ Рима—Ювеналъ, негодуя на современниковъ, указывалъ на прошедшій, блестящій вѣкъ; сатирикъ русскій, негодуя на современные пороки, долженъ былъ указывать въ даль, на будущее, въ которомъ виднѣлось довершеніе начатаго, блестящая точка, къ которой стремился Петръ. — Слѣдовательно, основная идея сатиръ гораціевыхъ, проповѣдующихъ удаленіе отъ сценъ и заботъ, была фальшива и у Горація въ отношеніи къ Риму и у Кантемира въ отношеніи къ Россіи.

Но мы сказали выше, что сатира Кантемира, содержаніе которой онъ занялъ у Горація, была ложна въ примѣненіи къ жизни и самаго нашего сатирика; это доказывается его политическимъ поприщемъ, отъ котораго онъ никогда не отказывался, и другими мѣстами его сатиръ, въ которыхъ дѣятельность разсматривается совсѣмъ не съ такой эпикурейской точки зрѣнія.

Кантемиръ подражалъ и другому римскому сатирику—Ювеналу. Справедливо. Но что́ значитъ подражать Ювеналу? то же ли, что̀ подражать Горацію?—Совсѣмъ нѣтъ: Ювеналу, какъ истинному сатирику, будетъ каждый подражать, если будетъ только настоящимъ сатирикомъ; съ другой стороны, Ювеналу совершенно нельзя подражать. Мы это сейчасъ подробно докажемъ.

Кантемиръ подражалъ Горацію, Ювеналу, говоритъ Жуковскій. По этому поводу онъ такъ отзывается о Ювеналѣ: «Ювеналъ имѣетъ характеръ совсѣмъ противоположный Гораціеву: онъ бичъ порочныхъ и порока. Читая сатиры его, увѣряемся, что Ювеналъ имѣлъ пламенную, исполненную любви къ добродѣтели душу; но въ то же время и нѣкоторую угрюмость, которая заставляла его смотрѣть на предметы съ другой стороны ихъ! представляя ихъ глазамъ читателя, онъ съ намѣреніемъ увеличивалъ ихъ безобразіе. Онъ родился при императорѣ Калигулѣ, но сатиры его, изъ которыхъ дошло до насъ только шестнадцать, всѣ написаны во время Траяна или Адріана, слѣдовательно въ глубокой старости. *Эти обстоятельства объясняютъ намъ и то, отчего сатирикъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ, какъ строгій судія и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка.* Ювеналъ, стоикъ характеромъ, видѣлъ всѣ ужасы Клавдіева, Неронова и потомъ Домиціанова царствованій; онъ былъ свидѣтелемъ отвратительной низости, самаго отвратительнаго разврата и въ душѣ его мало по малу скоплялось сокровище негодованія, которое усиливалось въ тишинѣ принужденнаго безмолвія. Старость и привычка къ чувствамъ прискорбнымъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей; онъ видитъ одно

безобразіе, онъ выражаетъ или негодованіе или презрѣніе. Онъ не философъ: будучи сильно поражаемъ картиною окружающаго его разврата, онъ не имѣетъ душевнаго спокойствія, которое необходимо для философа, бесѣдующаго съ самимъ собою... Одни предпочитаютъ Ювенала Горацію, другіе отдаютъ преимущество послѣднему. Не разбирая, на чьей сторонѣ справедливость, мы можемъ замѣтить, что каждый изъ сихъ стихотворцевъ имѣетъ совершенно особый характеръ. Горацій почти никогда не опечаливаетъ души разительнымъ изображеніемъ порока; отъ только забавляетъ на счетъ его безобразія и, сверхъ того, противополагаетъ ему тѣ добродѣтели, которыя нужны вообще жизни. Ювеналъ *производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку*, и переливая въ нее то пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей и бо́льшую твердость и бо́льшую силу; но Горацій, представляя намъ вездѣ одни привлекательные предметы, привязываютъ насъ къ жизни; а Ювеналъ, напротивъ, окруживъ насъ предметами отвратительными, производитъ въ душѣ нашей какую-то мрачность. Первый осмѣиваетъ странности глупыхъ людей, но приближаетъ насъ къ добрымъ; послѣдній представляя нашимъ глазамъ одинъ порокъ, дѣлаетъ насъ недовѣрчивыми и къ самой добродѣтели. Въ сатирахъ Горація знакомишься и съ самимъ Гораціемъ, съ его образомъ жизни, привычками, упражненіями; въ сатирахъ Ювенала никогда не видишь самого поэта: ибо ничто постороннее не отвлекаетъ нашего вниманія отъ тѣхъ ужасныхъ картинъ, которыя представляются воображенію стихотворца. Кто хочетъ научиться искусству жить съ людьми, кто хочетъ почувствовать прямую пріятность жизни, тотъ вытверди наизусть Горація, и слѣдуй его правиламъ; кому нужна подпора посреди несчастій житейскихъ, кто, будучи оскорбляемъ пороками, желаетъ облегчить свою душу излитіемъ таящагося во глубинѣ ея негодованія, тотъ разверни Ювенала, и онъ найдетъ въ немъ обильную для себя пищу... Мы имѣемъ въ Кантемирѣ нашего Ювенала и Горація».

Здѣсь Жуковскій столько же высказалъ правды о Ювеналѣ, сколько ошибся въ Гораціи. Да, правда, Ювеналъ вездѣ представляется нашимъ глазамъ, какъ строгій судія, и нигдѣ не утѣшаетъ насъ веселою философіею чувствительнаго человѣка; отъ этого онъ производитъ въ душѣ отвращеніе къ пороку, и, переливая въ нее то пламя, которымъ собственная его душа наполнена, даетъ ей бо́льшую твердость и большую силу, хотя и производитъ въ ней мрачность, которую не разгоняетъ поддѣльною теоріею эпикуреизма. Отъ этого-то онъ и не философъ, что̀ и составляетъ его неотъемлемое достоинство, а не недостатокъ, какъ думаетъ Жуковскій: отъ этого же, когда его поражаютъ картины окружающаго разврата, онъ не имѣетъ душевнаго спокойствія. Начни Ювеналъ разсуждать, онъ убилъ бы энергію и неотразимость своихъ сатиръ. Сатиры его съ начала до конца лирическія произведенія, отчего и принадлежатъ поэзіи, а не ложной дидактикѣ. Несправедливъ Жуковскій и

въ томъ мѣстѣ, когда онъ говоритъ, что старость и привычка прискорбнымъ образомъ лишили его способности замѣчать хорошія стороны вещей, что онъ видѣлъ одно безобразіе. Не старость и не привычка къ чувствамъ прискорбнымъ, а окружающее безобразіе заставило его видѣть у римлянъ одно безобразіе. Вотъ что самъ Ювеналъ говоритъ въ 1-й сатирѣ 1-й книги:

«Когда нѣжный эвнухъ женится, когда Мевіа охотится за этрурскимъ кабаномъ, обнаживъ свою грудь, съ копьемъ въ рукѣ; когда онъ одинъ можетъ поспорить съ богатствами всѣхъ патриціевъ, онъ, который, въ молодости, брилъ меня; когда низкое дитя египтянина, конопскій рабъ, Криспинъ, забросивъ на плечо тирійскій пурпуръ, показываетъ свои пальцы, потѣющіе подъ алмазами, и не могущіе снести тяжести болѣе вѣскаго драгоцѣннаго перстня: тогда трудно отказаться отъ сатиры. И кто посреди развращеннаго города будетъ до того безстрастенъ, до того желѣзенъ, что воздержится, смотря на адвоката Матона, несомаго въ носилкахъ, которыми онъ владѣетъ съ сегодняшняго дня, и которыя онъ всѣ занялъ своею гнусною особою, а за нимъ — доносчика на знаменитаго патрона, готоваго довершить разрушеніе патриціевъ, которыхъ онъ пожралъ, котораго боится Масса, котораго Карусъ старается усмирить подарками, и которому трепещущій Латинъ дѣлаетъ честь своею Тимелою?»..

«Могу ли я описать тотъ жгучій припадокъ ярости, который меня пожираетъ, когда я вижу этого похитителя имущества сироты, доведеннаго до крайняго позора, когда онъ топчетъ народъ волнами своей свиты? Когда я вижу другого, тщетно осужденнаго (и что значитъ безславіе, когда остаются деньги) Марія, когда онъ пьянствуетъ въ своемъ изгнаніи, начиная съ восьмаго часу, и смѣется надъ гнѣвомъ боговъ? Но ты, провинція побѣдительница, ты плачешь! И я не возжгу лампы поэта Венузы? И я не буду казнить золъ?.. И мнѣ пѣть пѣсни, когда другой негодяй домогается начальства надъ когортами потому, что разорился на лошадяхъ, потому, что онъ проѣлъ все наслѣдство предковъ и былъ занятъ одной ѣздой на колесницѣ по Фламиніевой дорогѣ»...

«И я не буду писать публично, торжественно, когда я вижу, какъ шесть рабовъ несутъ въ носилкахъ, открытыхъ съ обѣихъ сторонъ и почти прозрачныхъ, человѣка, поддѣлывающагося подъ взглядъ Мецената, но въ самомъ дѣлѣ составителя подложныхъ актовъ... Фальшивая печать и завѣщаніе, подложнымъ образомъ составленное, осыпали его почестями и богатствами... Вотъ могущественная матрона, которая подноситъ къ устамъ своего супруга тонкій ядъ и, болѣе опытная, чѣмъ Локуста, учитъ своихъ родственницъ, новичковъ въ этомъ дѣлѣ, какъ относить на костеръ, посреди шума и волненій народныхъ, синіе трупы своихъ супруговъ!»

Уже изъ приведеннаго нами отрывка, въ которомъ мы хотѣли сколько-нибудь показать содержаніе и характеръ сатиръ Ювенала, можно видѣть, какъ трудно ему подражать. Ювеналъ націоналенъ,

его негодованіе изливается на пороки и недостатки римскаго общества, онъ ихъ клеймитъ собственными именами лицъ, случаями изъ жизни римской, обусловленной тогдашнимъ состояніемъ имперіи. У него мало общихъ мѣстъ, его сатиры, большею частію — строгія картины, а не разсужденія; у него сатира есть поэзія, потому что вся исполнена чувства, и художественная картина, потому что представлена въ образахъ, въ лицахъ... Оттого она и была такъ сильна, оттого ея и боялись всѣ: и изнѣженные поэты, и патриціи, и плебеи, и женщины, и мужчины, и ученые, и неученные, и риторы, и грамматики, и философы...

Во второй сатирѣ Ювеналъ возстаетъ противъ подложныхъ философовъ, которые осмѣливаются быть цензорами публичныхъ нравовъ, тогда какъ втайнѣ они сами предаются самому гнусному разврату. Потомъ онъ нападаетъ на неприличную изнѣженность судей, на гнусность жрецовъ, на низость патриціевъ, и кончаетъ вопросомъ: что думаютъ въ аду Куріи и другіе великіе граждане, со славою умершіе за отечество, когда къ нимъ сходитъ новая тѣнь изъ этихъ переродившихся римлянъ? Описываетъ ли онъ безпорядки Рима, вслѣдствіе которыхъ честному человѣку не было средствъ жить въ Римѣ, что въ немъ все сдѣлалось добычею интригановъ, наемниковъ, стекающихся со всѣхъ концовъ міра, вы и въ этой столичной толпѣ видите лица, свойственныя одному Риму... Ювеналъ былъ старовѣръ, онъ вооружался за прошедшее и противъ настоящаго, которое ему не представляло ничего привлекательнаго; Кантемиръ, какъ мы сказали, не находилъ блестящихъ сторонъ въ прошедшей жизни и воевалъ за будущее... Ювеналъ зналъ все то, что было наноснаго на чистую, воинственную, строгую почву латинскую; Кантемиръ изгонялъ многое изъ нашей прежней жизни, все то, что дѣлало застой. Ювеналъ говоритъ (сат. 2): «Какіе люди теперь всего пріятнѣе нашимъ богачамъ, но которыхъ я избѣгаю преимущественно? я вамъ скажу безъ обиняковъ и коротко. Нѣтъ, римляне, не могу я терпѣть вашего города на греческій образецъ. Но что я говорю: вся ахейская земля составляетъ только часть Рима. Съ давнихъ временъ сиріецъ Оронтъ перенесъ на берега Тибра и свой языкъ, и свои нравы, и свои музыкальные инструменты, и барабаны. Бѣгите къ намъ, вы, которыхъ электризуетъ разрисованная митра иностранной развратницы».

«И это твой земледѣльческій народъ, Квиринъ, надѣваетъ ливрею паразита, надѣваетъ на умащенную шею суетные трофеи своихъ побѣдъ. Они идутъ, одинъ изъ Сикіона, другой изъ Амидона, третій изъ Андроса, этотъ изъ Самоса, тотъ изъ Аллебандо... всѣ они идутъ къ квиринальной горѣ, чтобы проникнуть въ могущественные дома, о завоеваніи которыхъ они уже помышляютъ. У нихъ умъ быстрый, смѣлость необузданная, рѣчь всегда готова и быстра, какъ у Изея. Посмотримъ, что ты думаешь объ этомъ грекѣ? Это универсальный человѣкъ: онъ грамматикъ, онъ реторъ, онъ геометръ,

живописецъ, баньщикъ, авгуръ, плясунъ на канатѣ, врачъ и магикъ: онъ все знаетъ. Прикажешь и голодный грекъ полетитъ на небеса... Тотъ, кто прицѣпилъ себѣ крылья, не былъ ни мавръ, ни сарматъ, ни ѳракіецъ: онъ родился посреди Аѳинъ».

«И я не убѣгу отъ ихъ надменнаго пурпура! и этотъ грекъ будетъ выше меня? Онъ на пиру будетъ возлежать на почтеннѣйшемъ мѣстѣ, чѣмъ я, онъ, который отправился въ Римъ на кораблѣ вмѣстѣ съ виноградными ягодами и черносливами! Развѣ это ничего не значитъ, что я въ молодости дышалъ воздухомъ авентинской горы, наслаждался оливой сабинской? Прибавьте къ этому, что они, какъ ловкіе льстецы, превозносятъ болтовню дурака, красоту безобразнаго, сравниваютъ длинную шею чахоточнаго человѣка съ крѣпкой шеею Геркулеса. Онъ удивляется пронзительному голосу, болѣе острому, чѣмъ крикъ пѣтуха».

«Мы также можемъ льстить: но одинъ грекъ можетъ увѣрить. Можно ли лучше сыграть Тапсу, Матрону, Дориду, выходящую изъ лона водъ? вы подумаете — настоящая женщина, а не комедіантъ... Впрочемъ, этотъ удивительный талантъ не принадлежитъ исключительно Антіоху, или Деметрію, или Стратоклу, или Гемусу: это талантъ цѣлой націи. Грекъ родится комедіантомъ: ты смѣешься, онъ смѣется еще больше; если онъ видитъ слезы на глазахъ друга, и онъ плачетъ, но безъ огорченій. Зимою ты попросишь немножко огня, — надѣваетъ мантію; ты скажешь: «мнѣ тепло,— онъ потѣетъ».

«Итакъ, мы не можемъ соперничать: уступимъ тому, кто день и ночь умѣетъ сочинять себѣ физіономію, посылать рукой поцалуй, быть въ восторгѣ, если его патронъ зѣвнулъ. Кромѣ того, для нихъ нѣтъ ничего священнаго, ничего запрещеннаго».

«Римляне, намъ нѣтъ никакого доступа туда, гдѣ царствуетъ Протогенъ, Дафилъ или Еримаркъ»...

Сатира VI, посвященная женщинамъ, вся есть рядъ картинъ, одна за другою проходящихъ за вами... Вы видите ихъ гордость, тиранію, расточительность, страсть къ сутяжничеству, къ спорамъ, страсть говорить по-гречески при всякомъ случаѣ:

«Что можетъ быть несноснѣе женщины, которая не считаетъ себя красавицей, если она не принимаетъ вида гречанки въ Тосканѣ, а жительница Сульмоны не считаетъ себя происходящею отъ чистѣйшей греческой крови! Вѣчно по-гречески! тогда какъ для римлянки гораздо стыднѣе не знать своего собственнаго языка; греческій языкъ для выраженія нашей радости, нашей боязни, нашего гнѣва, заботъ, греческій языкъ для изложенія всѣхъ тайнъ сердечныхъ».

Вы видите портреты музыкантши, сплетницы, бранчивой женщины, литературной дамы, ученой, суевѣрной, отравительницы.

Въ сатирѣ VII вы видите цѣлую галлерею философовъ, литераторовъ, поэтовъ, ретористовъ, риторовъ, грамматиковъ... и всѣ они обличаютъ неблагодарность вѣка, возбуждаютъ въ душѣ вашей одно негодованіе.

Сатира VIII посвящена благородству.

«Истинное благородство, — говоритъ Ювеналъ, — есть результатъ нашихъ добродѣтелей».

Въ этомъ пунктѣ Ювеналъ и Кантемиръ сошлись: Ювеналъ не могъ равнодушно смотрѣть на переродившихся потомковъ патриціевъ; Кантемиръ не могъ не сочувствовать этой идеѣ, потому что она вырабатывалась въ то время въ нашей государственной жизни. Табель о рангахъ была однимъ изъ главнѣйшихъ нововведеній для прежнихъ обычаевъ мѣстничества. Въ Римѣ эта идея замерла, но въ христіанскомъ государствѣ она должна была принести огромные плоды, что́ и сдѣлалось въ Россіи съ теченіемъ времени. Кантемиръ въ примѣчаніи ко второй сатирѣ говоритъ: «Намѣреніе сей сатиры есть обличить тѣхъ дворянъ, которые, лишены будучи всякаго благо*нравія*, однимъ благо*родіемъ* тщеславятся и сверхъ того завидуютъ всякому благополучію другихъ». Писана она разговоромъ между Филаретомъ и Евгеніемъ, кои вымышленныя лица значатъ на греческомъ языкѣ, первое *любителя добродѣтели*, а другое *дворянина*. Эта сатира такъ важна для Петровой эпохи, что мы возвратимся къ ней послѣ.

Слѣдя за другими сатирами Ювенала, мы должны сказать, что онѣ также принадлежатъ чисто римскому міру; напримѣръ сатира IX о покровителяхъ и покровительствуемыхъ.

Но вотъ сатира X, которую можно поставить по основной идеѣ въ совершенную противоположность съ сатирами Горація. Вся цѣль жизни, по ученію Горація, состояла въ умѣренности наслажденій; цѣль жизни, по ученію Ювенала — умѣть безъ страха умереть. Въ этой сатирѣ онъ говоритъ, какое бы желаніе ни составилъ себѣ человѣкъ, оно будетъ вѣчно для него пагубно: будетъ ли онъ желать силы — сила будетъ ему пагубна; захочетъ ли онъ богатствъ — онъ въ нихъ найдетъ свою погибель; захочетъ ли онъ почестей — и онѣ его свергнутъ въ бездну. Примѣромъ можетъ служить страшная катастрофа съ Сеяномъ, который съ высоты своего величія, вслѣдствіе одного непостоянства судьбы, былъ преданъ суду. Онъ показываетъ намъ примѣромъ Цицерона и Демосѳена, умершихъ насильственною смертію: сколько пагубы въ краснорѣчіи, — Аннибала и Александра Македонскаго: сколько опасностей въ славѣ. Такимъ образомъ человѣкъ мужаетъ и проводитъ свои лучшіе годы въ томъ, что строитъ для себя одни пагубные планы. Приходитъ старость, а съ ней болѣзни и безсиліе: печальное время жизни человѣка. Оно, увлекая насъ къ гробу, даетъ намъ почувствовать, но уже поздно, ничтожность всего сущаго:

«Неужели же человѣкъ», — говоритъ Ювеналъ — «не долженъ ничего желать? Нѣтъ, онъ долженъ желать... здоровую душу въ здоровомъ тѣлѣ, душу, которую не могутъ смутить заботы этого міра, *душу, которая не боялась бы смерти и умѣла представить себѣ конецъ жизни, какъ благодѣяніе природы...* Да не раздражается она, да

не желаетъ ничего и предпочитаетъ труды, горькія испытанія Геркулеса наслажденіямъ Венеры и празднествамъ Сарданапала... Одна добродѣтель ведетъ къ спокойному счастію, И тогда, о судьба! твоя власть исчезаетъ, если мы мудры; наши слабости дали только тебѣ право божества и твое почтенное мѣсто...»

Да, здѣсь человѣкъ поставленъ даже выше языческихъ боговъ!.. но какая ужасная цѣль жизни: умереть! И это результатъ его горькихъ наблюденій надъ современною жизнію... Тогда такое ученіе было въ ходу... Одинъ Сенека въ своихъ трагедіяхъ написалъ не мало трактатовъ, какъ должно умирать... И не даромъ эта мысль такъ безотвязно слѣдовала за римскимъ обществомъ, лишеннымъ религіозныхъ вѣрованій, лишеннымъ дѣятельности, погруженнымъ въ мелкій эгоизмъ и размашистый чувственный развратъ. Когда чувства притуплялись, человѣку ничего не оставалось дѣлать на землѣ: онъ кончилъ свое поприще. Но и будущій міръ не представлялъ имъ ничего отраднаго: языческая религія давно была убита новымъ ученіемъ, распространявшимся въ Римѣ; будущности для язычниковъ за гробомъ не было; имъ оставалось для полноты жизни умѣть получше и съ наслажденіемъ умереть, какъ отпраздновать послѣдній пиръ. И Ювеналъ шагъ за шагомъ представляетъ это общество; вы его видите, вы какъ будто живете въ немъ... Ювеналъ — великій народный сатирикъ, которому нельзя подражать, потому что нельзя вторично воспроизвести такого ужаснаго состоянія государства и народа! Слѣдовательно, воспроизведеніе его сатиръ по самой идеѣ невозможно. Напрасно Жуковскій говоритъ, что онъ никогда не хотѣлъ порадовать души веселыми и пріятными картинами; онѣ есть и у него, но не изъ той эпохи, въ которой онъ самъ жилъ, а изъ другой, изъ временъ первобытнаго земледѣльческаго Рима; на нихъ указываетъ онъ, къ нимъ часто переносится его омраченная фантазія (какъ и видно въ сатирѣ XIV); но времена эти давно прошли и къ нимъ возврата нѣтъ.

Таковъ Ювеналъ, и такому поэту будетъ подражать только тотъ, кто сумѣетъ глубоко понять недостатки своего народа и передастъ ихъ потомству... Переносить недостатки одного на другой — то же, что перекладывать водевили съ однихъ нравовъ на другіе. Поддѣлка не скроется съ глазъ, а отсутствіе одушевленія убьетъ достоинство сатиры.

Что касается до подражанія Кантемира Буало, то прежде всего должно замѣтить, что самъ Буало былъ подражатель. Его первая сатира есть подражаніе третьей сатирѣ Ювенала; его вторая сатира: о трудности пріискивать рифму и согласовать ее съ требованіями разума — принадлежитъ ему; третья сатира — подраженіе VIII сатирѣ Горація, — четвертая сатира о томъ, что всѣ люди глупы, и что, несмотря на то, каждый изъ нихъ однако себя считаетъ исключительно умнымъ — принадлежитъ ему; пятая — подражаніе восьмой сатирѣ Горація; шестая — подражаніе третьей са-

тирѣ Ювенала; седьмая — подражаніе первой сатирѣ второй книги Горація; восьмая — подражаніе Персею, девятая — Горацію, десятая и одиннадцатая — Ювеналу; двѣнадцатая о двусмысленности въ смыслѣ грамматическомъ и о двусмысленности мысли и выраженія — принадлежитъ также ему. То есть всего изъ двѣнадцати три сатиры его собственныхъ, да и изъ нихъ вторая и двѣнадцатая ничтожны по содержанію. Одна четвертая сатира остается для доказательства, что онъ былъ сатирикъ, но и она по выполненію гораздо ниже основной идеи. Слѣдовательно, у Кантемира подражаніе Буало было не что иное, какъ подраженіе латинскимъ сатирикамъ. Пятая сатира Кантемира есть нѣчто иное, какъ восьмая сатира Буало. Содержаніе ея — человѣкъ вообще и его смѣшныя стороны.

Вотъ что мы должны были сказать о подражаніи Кантемира другимъ сатирикамъ. *Дудышкинъ.*

Недостатки общества въ сатирахъ Кантемира и проповѣдяхъ Прокоповича.

Исторія первой сатиры Кантемира на невѣжество извѣстна. Отчего же она возбудила такой восторгъ въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ? Оттого, что написана была противу того же, противъ чего Ѳеофанъ проповѣдывалъ всю свою жизнь, т.-е. противъ невѣжества, закоснѣлости и въ защиту учрежденій Петра Великаго. Самъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ своихъ проповѣдяхъ былъ часто сатирикомъ. Далеко впередъ выдвинутый изъ обыкновенной среды, Ѳеофанъ Прокоповичъ, получившій образованіе, возможное въ то время, правда, хотя немного и схоластическое, вмѣстѣ съ другими знаменитыми духовными, сталъ ревностнымъ поборникомъ всѣхъ преобразованій Петра Великаго. Пока еще Петръ не приготовилъ для себя сотрудниковъ за границею, духовенство, особенно получившее образованіе въ Кіевской и Московской духовныхъ академіяхъ, яснѣе могло понимать всю важность новаго направленія. Въ своихъ рѣчахъ Ѳеофанъ Прокоповичъ слѣдилъ шагъ за шагомъ за всѣми преобразованіями и доказывалъ ихъ необходимость; онъ говорилъ проповѣди о необходимости флота, регулярнаго войска, образованія, путешествій, о важности нейштадскаго мира, которымъ пріобрѣтенъ берегъ Балтійскаго моря, и о важности этого берега для торговли и сношеній съ Западомъ. Однимъ словомъ, Петръ дѣйствовалъ, — Ѳеофанъ Прокоповичъ, стоявшій между Петромъ и народомъ, объяснялъ политику внутреннюю и внѣшнюю. Но всѣ преобразованія Петра касались первыхъ началъ цивилизаціи: необходимости учиться ариѳметикѣ, геометріи, географіи, языкамъ, кораблестроенію, военному искусству: Ѳеофанъ въ проповѣдяхъ доказывалъ народу эту необходимость, а Кантемиръ въ сатирахъ осмѣивалъ тѣхъ, кто сопротивлялся ей. Вотъ почему Ѳеофанъ такъ радостно встрѣтилъ первую

сатиру Кантемира, вотъ почему главный элементъ сатиръ могъ быть въ то время осмѣяніе самаго грубаго невѣжества. — Поэтому на сатиры Кантемира нѣтъ поясненія лучшаго, болѣе современнаго, какъ слова Ѳеофана, которыя мы и будемъ приводить въ подтвержденіе той мысли, что Кантемиръ нападалъ на недостатки, дѣйствительно существовавшіе въ то время. Въ 1-й сатирѣ подъ Критономъ осмѣивается ханжа суевѣрный, невѣжда, предпочитающій наружность закона существу его. Посмотрите, что говорится объ этомъ предметѣ у Ѳеофана Прокоповича. «Въ попеченіяхъ житейскихъ погрязше ни о чемъ не помышляютъ, что къ животу вѣчному вѣдати и содержати нуждно; а однако христіанскимъ именемъ украшаютъ себе, но именемъ токмо, а не дѣломъ. Ибо что видятъ христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити, напримѣръ, въ церковь, хранити посты уставленныя, весело проводити праздники, вжигати свѣщи, употребляти крестное знаменіе и прочая: то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ какъ мартышки, внѣшній видъ только христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго, духовнаго отнюдь не имѣя; всѣ бо вышерѣченныя и другія церковныя обряды подобаетъ исполнять не тѣлеснѣ токмо».

Здѣсь, слѣдовательно, Ѳеофанъ говоритъ, что невѣжда въ религіи ограничивается внѣшностію; въ другомъ мѣстѣ, далѣе, онъ доказываетъ, что недоученость, полузнаніе также гибельны въ дѣлахъ религіи, и что такой человѣкъ не можетъ различить истиннаго ученія отъ ереси.

«И жалостно и смѣшно видѣти, когда человѣкъ перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ богословская дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о Богѣ, о Ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо, и что не любо Богу, и что хранити надобно къ счастію, и что къ обереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя псалмы или молитвы къ дѣлу сильнѣйшія и прочія безмѣстныя басни; да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третіяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто воспоминаетъ священное писаніе, а думаетъ о тетрадкахъ аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ; часто на святыхъ отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто и гдѣ они; многажды въ раздорахъ бредивъ, довольно восклицаетъ: глубина богословіи! Великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ калмыки архитектуру. Какъ же разумному человѣку не смѣшно слышати подобныя погудки?»

Этотъ вредъ въ наукѣ находятъ ханжи и недоученые.

Далѣе возраженія Сильвана противъ науки изъ 1-й сатиры: стх. 41—50, 51—83.

Но на эти возраженія противъ существенной пользы наукъ, отвѣчаетъ и самъ Кантемиръ въ седьмой сатирѣ о воспитаніи: отъ 91—108.

Но если обратимся къ Өеофану Прокоповичу, который догматически изгналъ то, чему нѣтъ мѣста въ сатирѣ (напримѣръ вышеприведенная—91—108—выписка изъ Кантемира о выгодахъ воспитанія есть догматизмъ, а не сатира), то въ проповѣдяхъ его найдемъ почти цѣлый рядъ разсужденій о томъ, какъ полезны человѣку разныя отрасли знанія. Напримѣръ:

«Любителей невѣжества умствованіе есть, что всякое спасительное вѣдѣніе политическому человѣку есть непристойно: извѣстуемся о семъ отъ того, что часто когда рѣчь есть о наставленіи благородныхъ дѣтей, слышимъ голосы, что дѣтей таковыхъ священному писанію обучати не подлежитъ, и что поповское то дѣло: попамъ о томъ мороковать должно. О голосы безумные! о рѣчи безстыдныя и богопротивныя! тебѣ же, господине добрый, для того, что господинъ ты, стыдно знати спасительный о насъ промыселъ Божій? Не пригоже тебѣ и твоимъ дѣтямъ вѣдати Христа за васъ распятаго? Не до васъ есть желательное слово Павла святаго: да дастъ вамъ Богъ разумѣти преспѣющую разумъ любовь Христову?»

Шло ли дѣло о путешествіяхъ и пользѣ отъ нихъ, онъ доказывалъ, сколько человѣкъ выигрываетъ отъ этого. Мы презирали иностранцевъ, Өеофанъ Прокоповичъ вмѣнилъ духовенству въ обязанность въ проповѣдь доказывать, что иноземныхъ людей нельзя ненавидѣть только за то, что они иноземные! *) Петръ путешествовалъ по Европѣ; вещь была новая: прежде того рѣдко бывали за границей. Өеофанъ Прокоповичъ доказываетъ пользу путешествія:

«Якоже бо рѣка далѣе и далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ припадающихъ потоковъ и тако шествіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много. Чего жъ много прибавляетъ? тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатства ли? кромѣ купцовъ единыхъ прочимъ убытство есть. Чего жъ инаго? того, еже есть и собственному и общему добру основаніе, искусства. Не всуе бо славный оный стихотворецъ еллинскій Омиръ, въ началѣ книгъ своихъ Одиссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улиса, вожда греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая: многія бо и великія пользы сокращено содержитъ. Отсюда умножается главная оная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или паче Божіе: не видимая его, отъ созданія міра, твореніи помышляема, видима суть и приносущая сила его и божество. И *сію то философію свою* сказалъ быти Антоній великій, егда вопрошающимъ его языческимъ философомъ, гдѣ суть книги его, *показалъ на весь міръ* и реклъ: *сія есть книга моя*» (час. I. — 205).

---

*) Смотри: Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ.

Этого одного высокаго мѣста довольно, чтобъ показать важность науки (которую въ сатирѣ Кантемира упрекалъ Сильванъ за ея безполезность въ мірѣ дѣйствительномъ); но Ѳеофанъ Прокоповичъ въ этихъ случаяхъ неистощимъ:

«Молю же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому гдѣ въ очахъ горизонтъ кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? или той, который, странствуя, видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе, и временъ разнствіе, и дивныхъ естествъ множество? Что если бы не иную какую давано пользу, точію самое толь многихъ вещей познаніе, и сія была бы немалая корысть, наипаче *мужу породы и чести высокія,* которымъ вѣденіе лучше всякаго сокровища стяжется... Сверхъ того, перегринація или странствованіе дивно объясняетъ *разумъ къ правительству,* и есть, смѣло реку, есть тое лучшая и живая честныя политики школа (вотъ и примѣненіе къ практикѣ). Предлагаетъ бо не на хартіи, но въ самомъ дѣлѣ, не слуху, но самому видѣнію обычаи и поведенія народовъ, егда тоежъ слышимъ отъ повѣстей или чтемъ въ книгахъ историческихъ, много не хочетъ мысль вѣрити; не мало бо и ложнѣ повѣствуется: много же и вѣроятныхъ и истинныхъ (не вѣдать для чего) не такъ ясно познаемъ, какъ егда, самыя только мѣста, гдѣ что дѣялося, увидѣвше. И сіе то самымъ искусствомъ увѣдавъ древній оный высокаго разсужденія учитель Іеронимъ, таковое къ познанію исторій подаетъ правило: аще, рече, хощеши греческихъ стихотворцевъ и историковъ книги добрѣ уразумѣти, посѣти и обыди Пелопоннисъ и Аттику, что нынѣ Мореею нарицаютъ. А къ лучшему уразумѣнію ветхозаконныхъ исторій не вѣмъ какъ то свѣтъ велій подаетъ осмотрѣніе Іудеи и Сиріи, кольми паче все то яснѣе познается, егда странствующе не на голыя только древнихъ дѣлъ мѣста смотримъ, но и *самыя народовъ дѣла и дѣянія, промыслы, совѣты, суды, нравы и правительства ясно видимъ.* Тутъ благоразумный человѣкъ видитъ многоизмѣнныя фортуны игранія, и учится кротости, видитъ вины благополучій, и учится правилу, видитъ вину злоключеній, и учится бодрости и оберегательству, зритъ же въ чуждыхъ народахъ, аки въ зерцалѣ, своя собственныя и своего народа и исправленія и недостатки: сами бо себе, въ самѣхъ же насъ, не вѣмъ какъ то, не ясно познаемъ, и такъ аки пчела, оставляя вредная, *что лучшее видитъ быти и по своему и народному исправленію*».

Вотъ мысли, которыя нужно было доказывать въ царствованіе Петра, и которыя для царствованія Екатерины II были уже запоздалыми: такъ мы скоро шли по пути заимствованій. Въ царствованіе Екатерины II разсуждали уже о томъ, нужно ли, или нѣтъ ѣздить за границу, нужно или нѣтъ учиться западнымъ наукамъ, а трактовали о томъ, что изъ западнаго просвѣщенія, какія идеи можно взять для Россіи, безъ ущерба ея самобытнаго развитія.

Кантемиръ въ сатирѣ II (стихъ 167 и слѣд.) нападаетъ на тѣхъ, кто не выноситъ этого плода отъ странствованія за границей, на

тѣхъ, кто не приноситъ своему отечеству той пользы, которую онъ долженъ былъ внести изъ наблюденія иностранной жизни (стр. 11 ст. 167—178).

Ѳеофанъ заключаетъ свою проповѣдь слѣдующими словами: «Словомъ рещи: странствованіе не во многихъ лѣтахъ мудрѣйшимъ далече творитъ человѣка, нежели многолѣтняя старость».

Кантемиръ перенесъ эту же самую мысль и на науку вообще, которая дѣлаетъ человѣка умнѣе и опытнѣе не по годамъ, а по познаніямъ. Сатиру свою къ князю Трубецкому онъ начинаетъ такимъ образомъ:

Если бъ я видя кого, что съ рукъ не спускаетъ
Часовникъ, и пятью въ день въ церковь побываетъ,
Постится, свѣчи кладетъ . . . .
Хоть отнявъ у бѣднаго ту, что за душою
Одну рубашку имѣлъ, нагимъ ходить нудитъ,—
Если бъ я видя, сказалъ: «Дружокъ, умъ твой, блудитъ;
Тѣмъ путемъ не войдешь въ рай, и буде радѣешь
Душу спасть, отдай назадъ, чѣмъ худо владѣешь».
Спылавъ, ревность наградитъ мою симъ отвѣтомъ:
«Напрасно, молокососъ, суешься съ совѣтомъ».
И дѣло онъ говоритъ: еще я тридцатый
Не видѣлъ возвратъ зимы, еще черноватый
Ни одинъ на головѣ волосъ не сѣдѣетъ;
Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ и, какъ сего года,
Дѣла Чигиринскаго сказуютъ похода?
Напрасно охрипъ бы я, доводя доводомъ,
Что умъ въ людяхъ не растетъ мѣсяцомъ и годомъ;
Что хотя искусъ даетъ разуму подпору,
И искусъ можно достать лише въ позднюю пору,
Однакъ какъ время того, кто не примѣчаетъ
Причины дѣлъ, учинить искуснымъ не знаетъ.
Такъ прилежность сильна дать искусъ въ малы лѣта
Презрѣны слова мои будутъ безъ отвѣта,
И свѣтъ почти весь упрямъ всегда вѣрить станетъ,
Что старикъ трехъ молодыхъ разумомъ потянетъ.
Не одно то мнѣніе здравому разгласно
Видимъ смыслу втвержено; встрѣчаемъ чточасно
Подобны и злѣйшія. Одни тѣхъ держаться
Любятъ, что полезны имъ и законны зрятся.
. . . .
И зналъ то, вышшимъ умомъ Монархъ одаренный,
Петръ, отецъ нашъ, ни какимъ трудомъ утомленный.
Когда труды Его намъ въ пользу были нужны.
Училища основалъ, гдѣ промыслъ услужный
Въ пути добродѣтелей имѣлъ бы наставить
Младенцевъ, осмѣлился и престолъ оставить
И покой; самъ странствовалъ, чтобъ подать собою
Примѣръ въ чужихъ братъ краяхъ то, что надъ Москвою
Сыскать нельзя: сличные человѣку нравы
И искусства. Былъ тотъ трудъ корень нашей славы

Та же мысль объ образованіи посредствомъ общенія со всѣмъ человѣческимъ родомъ является у Ѳеофана въ похвальномъ словѣ о флотѣ россійскомъ, произнесенномъ 1720 года:

«Да разсудитъ бо всякъ, къ чему толь пространная поля, водная моря и безмѣрный океанъ создалъ Богъ, къ питію ли? Довлѣли бы на сіе рѣки и источники, а не толикое водъ множество, большую часть земноводнаго сего круга объемшее, еще же и питію человѣческому весьма неугодное. Сія того вина есть (яко премудрѣ разсуждаетъ Василій Великій въ своемъ шестодневіи), что премудрый міра создатель, промышляя человѣкомъ *взаимное друголюбіе*, не благоволилъ всѣмъ странамъ земнымъ всякіе плоды, житію нашему потребные произносити; ибо тогда сіи жители на оныхъ, а оніи на сихъ ниже посмотрѣли бы, *единъ отъ другого помощи не требуя*. Раздѣлилъ убо творецъ земная своя благая различнымъ странамъ по части, дабы такъ едина отъ другой требуя взаимнаго пособія, *лучше въ любовный союзъ сопрягатися могли*. Но понеже невозможно было людемъ имѣти коммуникацію земнымъ путемъ отъ конецъ до конецъ міра сего, того ради великій промыслъ Божій проліялъ промежъ селенія человѣческая водное естество, *взаимному всѣхъ странъ сообществу послужити могущее*. А отъ сего видимъ, какая и коликая флота морскаго нужда, видимъ, что всякъ сего не любящій, не любитъ добра своего и Божію о добрѣ нашемъ промыслу неблагодаренъ есть».

Мы могли бы привести множество мѣстъ, показывающихъ, что главная цѣль Ѳеофана была оправданіе образованія и первыхъ началъ его, введенныхъ Петромъ Великимъ, точно такъ же, какъ главная цѣль всей первой сатиры Кантемира и многихъ мѣстъ его другихъ сатиръ было осмѣяніе невѣжества всѣхъ классовъ народа.

Ѳеофанъ:[1]).

«Что же рещи о ариѳметикѣ, геометріи и прочихъ математическихъ искуствахъ, которымъ нынѣ дѣти россійстія съ охотою учатся, съ радостію навыкаютъ и полученная показуютъ съ похвалою: тая прежде была ли? не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано; а есть ли бы гдѣ нѣкое являлося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано...»

Кантемиръ почти тоже говоритъ въ VII от. 63—75.

Но, оставивъ эту первую основную мысль сатиръ Кантемира, перейдемъ къ другой, преимущественно высказанной во второй сатирѣ. Мы выше сказали, что Кантемиръ въ этой сатирѣ по содержанію совпалъ съ Ювеналомъ. Основная мысль того и другого та, что у благороднаго человѣка, кромѣ достоинствъ родовыхъ, кромѣ имени, наслѣдованнаго отъ знаменитыхъ предковъ, должны быть и достоинства личныя, или что одно и то же, благороднымъ дѣлаетъ человѣка: добродѣтель — по Ювеналу, или: личныя достоин-

---

*) Похвальное слово Петру Великому 1725 года.

ства — по Кантемиру. Эта мысль, выработавшаяся у насъ исторически изъ мѣстничества, можетъ быть также объяснена и съ другой стороны, чисто нравственной. Какъ только отъ человѣка потребовалось *образованіе* и благородство нравственное для службы государственной, и какъ только явились люди изъ низшаго сословія съ этими двумя достоинствами, то естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ ихъ поставить въ отношеніи къ лицамъ высшаго сословія, соединяющимъ въ себѣ тѣ же условія образованія и нравственнаго достоинства? Ихъ дѣятельность по службѣ государственной говорила въ ихъ пользу. Человѣкъ, получившій образованіе, по суммѣ богатствъ духовныхъ, естественно становился выше каждаго, не получившаго образованіе, точно такъ же, какъ человѣку, одаренному высшею степенью ума, невольно покоряются въ области мысли люди, низшіе въ умственномъ отношеніи, хотя бы и въ общественныхъ отношеніяхъ не зависящіе отъ нихъ. Однимъ словомъ, благородство и личность достоинства были необходимымъ результатомъ той образованности, которую старались дать русскому обществу во времена Петра. Такимъ образомъ явилась табель о рангахъ, и мѣста по службѣ начали даваться не на основаніи правъ родства и рода, а на основаніи чина должности, которую кто-либо по образованію своему былъ въ состояніи занимать, т.-е. на человѣка начали смотрѣть какъ на *человѣка,* а не какъ на *сына, брата, дядю, племянника.* Это какъ всѣмъ извѣстно, случилось въ царствованіе того же Петра Великаго, который потребовалъ для службы образованія, какъ перваго условія, и старался для этого открыть школы и посылалъ молодыхъ людей учиться за границу. Слѣдовательно, эти оба начала образованности и личности у насъ необходимо должны были совпасть и принести пользу обществу потому, что вытекали необходимо изъ христіанской религіи, уважавшей въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, прежде всего *человѣческую* сторону.

Не то было въ древнемъ Римѣ, гдѣ религія была дѣло общественное, государственное, гдѣ каждый патрицій и плебей имѣлъ значеніе, какъ римскій *гражданинъ,* а не какъ *человѣкъ,* гдѣ, слѣдовательно, введеніе личности христіанской, а еще прежде личности стоиковъ, клонилось прямо къ разрушенію общества, а не къ возсозданію его. Напрасно старались распространить *на всѣхъ право гражданства и замѣнить этимъ возникновеніе въ обществѣ личности человѣка:* то общество, которое было основано на прежнихъ началахъ, изложило свои силы физическія и не могло принять обновленія, уже появлявшагося во времена Ювенала и въ видѣ греческой, преимущественно, Платоновой философіи и въ видѣ христіанскаго ученія. Поэтому Ювеналъ, когда хотѣлъ показать цѣль, къ которой должны стремиться римляне, указывалъ на прошедшее, а не на будущее, или совѣтовалъ умереть съ твердостью.

Итакъ, Кантемиръ въ своихъ сатирахъ нападалъ на двѣ стороны тогдашняго русскаго общества: на невѣжество и прежнее ро-

довое начало, обусловливавшее мѣстничество, и выставлялъ два другія начала, которымъ должно было слѣдовать общество; образованіе и нераздѣльныя съ нимъ личныя заслуги на пользу государственную. Вотъ двѣ идеи, имъ высказанныя; въ обѣихъ онъ былъ сатирикомъ, когда рисовалъ предъ нашимъ воображеніемъ рядъ невѣждъ и людей, не понимавшихъ значенія новыхъ ранговъ, учрежденныхъ Петромъ I. Въ сатирѣ къ князю Трубецкому онъ говоритъ о важности воспитанія въ дѣлѣ общественномъ и разсуждаетъ о способахъ лучшаго воспитанія. Это дидактизмъ, хотя и въ этой сатирѣ есть также мѣста, полныя чувства, ироніи, — однимъ словомъ, мѣста чисто сатирическія. По идеѣ она составляетъ продолженіе, или, лучше сказать, вторую половину 1-й сатиры на невѣжество, какъ контрастъ ея, какъ средство избавиться отъ невѣжества.

Что же послѣ этого мы должны сказать о томъ, подражалъ ли Кантемиръ Горацію или Ювеналу и Буало, или не подражалъ? или подражалъ кому-нибудь изъ нихъ исключительно? соединилъ ли онъ въ себѣ Ювенала и Горація, какъ думалъ Жуковскій? Мы уже говорили выше, что въ сатирѣ нельзя подражать другимъ сатирикамъ, потому что нельзя переносить отъ одного народа на другой его болѣзней, недостатка, порока и т. д. Каждая эпоха, каждый народъ приноситъ съ собою нѣсколько слабостей, или только ему исключительно свойственныхъ, или если общечеловѣческихъ, то съ особымъ народнымъ оттѣнкомъ. Что же послѣ этого значитъ подражать другому сатирику? Кантемиръ попробовалъ подражать Горацію, и въ своемъ подражаніи нисколько не былъ сатирикомъ, такъ, какъ и самъ образецъ его; онъ подражалъ Ювеналу, но подражалъ въ томъ, что нападалъ на тотъ же недостатокъ народный, который существовалъ и въ Римѣ и Россіи. Оттѣнки его были различны, и поэтому Кантемиръ эту идею обставилъ своими картинами.

Поэтому, тамъ, гдѣ Кантемиръ дѣйствительно былъ сатирикомъ, онъ не былъ подражателемъ; тамъ чувство его было неподдѣльно. Но великій ли сатирикъ былъ онъ? кто выше: Ювеналъ, Горацій, Буало или Кантемиръ? У насъ особенно любятъ сравнивать поэтовъ, ради точнѣйшаго опредѣленія славы каждаго. Если уже прибѣгать къ сравненіямъ, то мы не будемъ сравнивать Кантемира ни съ Гораціемъ ни съ Буало, потому что и того и другого, какъ мы выше видѣли, нельзя иначе назвать, какъ поддѣльными сатириками. Ложь ихъ заключается въ содержаніи сатиръ; они нападали на недостатки мнимые или до того общіе, что ихъ сатиры не имѣли никакого сатирическаго значенія. Сверхъ того, они часто философствовали въ своихъ сатирахъ, слѣдовательно уже совершенно уклонялись отъ цѣли сатиры. Что же касается до Ювенала, то этотъ великій сатирикъ перебралъ одну за другою всѣ слабости, всѣ недостатки римскаго общества своей эпохи. Отъ него не ушла ни одна сторона жизни. Свои сатиры, какъ сѣть, накинулъ онъ на развращенную массу народа. Каждая его сатира неподдѣльна, исполнена чувства оскор-

бленнаго человѣческаго достоинства; каждая его сатира лирическое произведеніе. Кантемиръ не такъ многообъемлющъ. Онъ взялъ изъ русскаго общества двѣ стороны и старался ихъ очертить, по-возможности, вѣрнѣе. Въ этомъ очертаніи вы видите неподдѣльность и чувство истиннаго сатирика. Въ этомъ случаѣ онъ и по содержанію и по обработкѣ занимаетъ почетное мѣсто въ сатирической литературѣ. Но онъ не коснулся другихъ сторонъ русской жизни своего времени, богатой по сюжетамъ для сатиры. Въ его сатирахъ вы не видите всѣхъ толковъ и пересудовъ необразованной толпы того времени, — пересудовъ, которые были велики, потому-что преобразованія Петра касались всѣхъ сторонъ нашей жизни; вы не видите полной картины допетровскаго быта нашихъ городовъ, вы не видите полной жизни высшаго класса народа, — жизни, которую преслѣдовалъ Петръ, и которую хотѣлъ измѣнить. Когда вы прочтете Ювенала, передъ вами начинаютъ возникать сословіе за сословіемъ, однѣ группы за другими, пока вы не увидите цѣлой массы движущагося населенія. У Кантемира этого нѣтъ; онъ не обнялъ въ такой полнотѣ русской жизни. Даже въ сатирѣ на невѣжество онъ привелъ только два мнѣнія, враждебныя просвѣщенію: мнѣніе необразованнаго духовенства и мнѣніе такого же дворянства, и то въ отношеніи къ послѣднему болѣе въ общихъ чертахъ.

Но, несмотря на это, за Кантемиромъ всегда останутся его заслуги: онъ первый въ литературномъ мірѣ обратился къ русскому обществу и искалъ въ немъ предмета для стихотворства; онъ же первый открыто, неподдѣльно началъ сатирическую нашу литературу. Онъ не былъ простой версификаторъ, онъ былъ человѣкъ образованный выше многихъ въ свое время, онъ былъ человѣкъ, сознававшій потребности Россіи и благородно дѣйствовавшій на открытомъ ему поприщѣ, сколько позволяли силы. Несчастный силлабическій стихъ только сдѣлалъ то, что его мало читаютъ, и слѣдовательно мало знаютъ. *Дудышкинъ.*

Ломоносовъ и Кантемиръ, какъ единомышленники.

Въ 1867 году въ англійскомъ журналѣ «The Reader» появились одна за другой три статьи подъ заглавіемъ: «Studies in modern Russian Literature», неизвѣстнаго автора, посвященныя Ломоносову, Кантемиру и Екатеринѣ II и прошедшія у насъ совершенно незамѣченными. Сравнивая двухъ первыхъ писателей, авторъ говоритъ: «Въ сочиненіяхъ Ломоносова мы видимъ стремленіе къ знанію и учености; въ произведеніяхъ Кантемира — презрѣніе къ невѣжеству и нравственной испорченности. Одинъ нападаетъ на то, что ниже его, другой восхваляетъ то, что выше его... Кантемировы сатиры совершенно народны и представляютъ собою картину русскихъ нравовъ, современныхъ ихъ автору... Сочиненія же Ломоносова и по содержа-

нію, и по слогу принадлежать къ произведеніямъ (ложно) классическимъ»... Въ этихъ немногихъ словахъ удивительно мѣтко указана разница между музою Кантемира и музою Ломоносова. Мы хотѣли бы сдѣлать только оговорку, что то, что представляется англійскому критику у Ломоносова ложно-классическимъ, въ сущности не что иное, какъ проявленіе чувства, которое нашло себѣ въ двухъ различныхъ формахъ сильное, иногда даже преобладающее выраженіе въ нашей литературѣ...

Какое же это чувство? Это любовь къ отечеству, патріотизмъ. Выражается же она во всей нашей литературѣ, начиная съ Кантемира и Ломоносова и доходя до нашихъ дней, съ одной стороны, въ восхваленіяхъ нашего отечества, его внѣшнихъ и внутреннихъ подвиговъ, съ другой стороны — въ жгучей скорби надъ его несовершенствами, принимающей часто форму язвительной злой насмѣшки. Первая черта нашего національнаго настроенія вызвала литературу одъ, или, какъ выражался Бѣлинскій, литературу «заоблачныхъ превыспренностей по случаю плошечныхъ иллюминацій». Вторая вызвала такъ называемую обличительную литературу. Великою несправедливостью было и будетъ считать одно изъ этихъ проявленій истиннымъ патріотизмомъ, а другое признавать за отсутствіе любви къ отечеству или даже за измѣну. Кантемиръ былъ такой же горячій патріотъ, какъ Ломоносовъ. Оба они одинаково любили Россію, одинаково ей преданы всей душою, одинаково готовы положить за нее жизнь. Но Ломоносовъ писалъ оды, а Кантемиръ сатиры; Ломоносовъ восторгался, Кантемиръ скорбѣлъ; Ломоносовъ говорилъ восторженно о нашемъ отечествѣ, Кантемиръ смѣялся надъ нимъ сквозь слезы. Ему принадлежитъ стихъ:

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.

Уже съ Кантемира, слѣдовательно, начинается въ нашей литературѣ смѣхъ сквозь кровавыя, жгучія слезы, какъ уже съ Ломоносова въ нашей литературѣ начинается восторженное отношеніе къ нашему отечеству. Когда Ломоносовъ писалъ свои оды, имъ руководило далеко не одно только желаніе кадить сильнымъ міра сего, а когда Кантемиръ писалъ свои сатиры, онъ далеко не былъ иностранцемъ, издѣвавшимся надъ чуждою ему Россіею, какъ не кадилъ сильнымъ міра сего и Пушкинъ, обращавшійся съ своимъ вылитымъ изъ стали стихомъ къ «Клеветникамъ Россіи», какъ не былъ иностранцемъ Гоголь, такъ зло осмѣявшій въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» русскаго человѣка и господствующіе въ нашемъ отечествѣ порядки. Всѣ они, — и мы не знаемъ, кто больше — были великіе патріоты, люди, о которыхъ по истинѣ можно сказать, что они знали «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», и эта дума, эта страсть была забота о благополучіи родины, любовь къ ней.

Не здѣсь мѣсто выяснять, почему въ нашей изящной словесности и даже въ нашей литературѣ вообще уживаются два какъ бы противо-

положныхъ теченія: восторженное отношеніе къ Россіи, глубокая вѣра въ ея будущность и злая насмѣшка надъ нашею родиною, скептицизмъ, доходящій до отчаянія. Это завело бы насъ слишкомъ далеко. Во всякомъ случаѣ Кантемиръ и Ломоносовъ до того проникнуты чувствомъ патріотизма, что мы не можемъ понять ни жизни ни произведеній этихъ двухъ писителей, если не примемъ во вниманіе этого чувства. Ломосовъ вышелъ изъ народа, испыталъ на себѣ всю тяжесть тогдашнихъ условій народной жизни. Онъ рвался къ свѣту, къ наукѣ. Какъ характеренъ для его настроенія уже первый написанный имъ стихъ:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой...

Идеальныя блага представлялись ему наиболѣе заманчивыми, онъ мало вѣрилъ, что изъ самой народной жизни выйдетъ обновленіе. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы добиться успѣховъ науки, и признавалъ основною силою въ этомъ дѣлѣ правительство, верховную власть. Съ этою картиною душевнаго настроенія Ломоносова во многихъ пунктахъ совпадаетъ и душевное настроеніе Кантемира. Вмѣстѣ съ Ломоносовымъ Кантемиръ безусловно вѣрилъ въ силу науки, вѣрилъ, что она обновитъ Россію, и признавалъ, что основнымъ факторомъ въ достиженіи этой цѣли является правительство, верховная власть. У обоихъ передъ глазами былъ величественный примѣръ, могучая фигура царя-преобразователя, передъ которомъ Кантемиръ и Ломоносовъ въ равной мѣрѣ преклонялись. Кантемиръ писалъ не однѣ сатиры; въ его произведеніяхъ иногда, хотя и рѣдко, звучитъ паѳосъ, столь сродный душѣ Ломоносова.

Петра, когда глаголю, что ни заключаю,
Въ той самой рѣчи?..
...все, что либо звать совершеннымъ можно.

Онъ говоритъ, что «русскій народъ зоветъ больше сердцемъ, чѣмъ устами Петра I великимъ и отцомъ», что «трудъ Петра былъ корнемъ нашей славы». Онъ скорбитъ, что

Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала
Надъ всѣмъ мудрость и вѣнцы одна раздѣляла,
Будучи способъ одна къ высшему восходу:
Златой вѣкъ до нашего не достигнулъ роду.

Не даромъ Кантемиръ началъ писать «Петриду», какъ Ломоносовъ написалъ поэму: «Петръ Великій». Какъ ни различно выразился патріотизмъ этихъ двухъ писателей, въ одномъ они сходились: въ восторженномъ настроеніи, которое въ нихъ вызывалъ мощный образъ Петра. Мало того, именно потому, что они видѣли Петра, что они, какъ наиболѣе просвѣщенные люди своего времени, поняли громадную величественную задачу царя-преобразователя, и потому, что они оба находились подъ обаяніемъ его крупной личности, они

были проникнуты монархическимъ чувствомъ. Какъ и впослѣдствіи многіе изъ ихъ преемниковъ, они нисколько не сомнѣвались, что только сильная государственная власть можетъ двинуть Россію по пути того прогресса, который они призывали всѣми силами своей души, для котораго они трудились и жили. Въ то время могла быть только рѣчь о двухъ формахъ правленія, монархической и аристократической, другихъ жизнь еще не выработала. Успѣхи, совершенные Петромъ, были изумительны: онъ открылъ совершенно новую эру въ нашей исторіи. Аристократическое правленіе существовало въ сосѣдней Польшѣ и уже дало печальные плоды. Для Россіи торжество аристократіи означало возвращеніе къ боярству, къ той силѣ, которая нанесла намъ такой вредъ и съ которою пришлось самымъ выдающимся нашимъ царямъ вести жестокую борьбу для обезпеченія успѣховъ государственности и культуры. Петръ нанесъ этому боярству рядъ окончательныхъ смертельныхъ ударовъ, и, конечно, не людямъ, понимавшимъ громадное значеніе дѣла Петрова, могло притти на умъ взять сторону боярства или, какъ оно въ то время называлось у насъ по польскому образцу, шляхетства противъ царской власти, объединившей Россію, создавшей государство, крѣпость и сила котораго стали такъ наглядно проявляться именно при Петрѣ. Если Ломоносовъ писалъ оды въ честь монарховъ, если Кантемиръ во время подготовлявшагося государственнаго переворота при воцареніи Анны Іоанновны, вдругъ 20-лѣтнимъ юношею выступилъ рѣшительно на защиту самодержавія противъ бояръ, то оба они дѣйствовали по глубокому, искреннему убѣжденію, а не по недомыслію или какимъ-нибудь личнымъ мотивамъ, какъ склонны думать многіе критики и историки, оцѣнившіе политическое значесіи дѣятельности и трудовъ нашихъ первыхъ выдающихся свѣтскихъ писателей. Посошковъ, Прокоповичъ, Татищевъ, Кантемиръ, Ломоносовъ, т.-е. все, что создала тогда самаго выдающагося русская жизнь на почвѣ литературы, было объединено въ политическомъ отношеніи одною общею мыслью, именно всевозможною защитою монархическаго принципа, совершенно независимо отъ личности его носителей. Въ частности по отношенію къ Кантемиру мы не можемъ не подтвердить здѣсь, что онъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по глубокому, непреклонному убѣжденію, такъ какъ лично онъ неоднократно былъ сильно заинтересованъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать смѣнявшимся монархамъ и ихъ временщикамъ. Намъ нечего распространяться здѣсь о томъ, что нашъ сатирикъ матеріально страшно пострадалъ отъ господствовавшихъ въ то время политическихъ порядковъ, что онъ самымъ незаконнымъ образомъ былъ лишенъ значительнаго отцовскаго наслѣдства и остался почти безъ всякихъ средствъ къ существованію: Голицынъ, выдавъ свою дочь за брата нашего сатирика, вопреки завѣщанію отца, вопреки волѣ Петра, отнялъ у Кантемира все отцовское наслѣдство, а когда вступила на престолъ Анна Іоанновна, и знаменитыя кондиціи были

въ значительной степени благодаря содѣйствію Кантемира уничтожены, наслѣдство ему не было возвращено, и онъ на всю жизнь остался человѣкомъ, необезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи. Мало того, когда онъ стоялъ русскимъ резидентомъ и посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ, ему постоянно приходилось, несмотря на очень скромный образъ жизни, входить въ долги, потому что правительство отказывало ему въ самомъ необходимомъ; когда его постигла болѣзнь, которая его свела столь преждевременно въ могилу, ему изъ Петербурга отказано было даже въ непродолжительномъ отпускѣ для поправленія здоровья. Но, несмотря на все это, онъ не измѣняетъ своимъ политическимъ убѣжденіямъ; онъ продолжаетъ неуклонно вѣрить, что только сильная государственная власть можетъ обезпечить благополучіе отечества, а благополучіе отечества для него дороже всего на свѣтѣ.

Въ общей я пользѣ собственную чаю, —

писалъ Кантемиръ. Такимъ образомъ его личность какъ бы исчезаетъ, какъ бы сливается съ обществомъ, народомъ, государствомъ. Патріотизмъ Кантемира и Ломоносова приводитъ ихъ обоихъ къ государственности. Любовь въ отечеству и способы обезпеченія его благополучія — вотъ что ихъ занимаетъ, вотъ что составляетъ главное содержаніе ихъ поэтическихъ произведеній. Не характерно ли, что выдающіеся наши писатели прошлаго вѣка почти совсѣмъ не занимаются любовью къ женщинѣ, вдохновляющею, главнымъ образомъ, поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ. Кантемиру принадлежитъ стихъ:

Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло.

И дѣйствительно, какъ Кантемиръ, такъ и Ломоносовъ почти совсѣмъ не занимаются женщиною; всѣ ихъ помыслы заняты общею, государственною пользою, любовь ихъ сосредоточивается на отечествѣ, ненависть — на тѣхъ, кто ему вредитъ. И Кантемира и Ломоносова можно назвать въ этомъ смыслѣ поэтами государственными. Государственность они оба ставили на первомъ планѣ. Разница между ними заключается только въ томъ, что родоначальникъ нашей изящной словесности, Кантемиръ, этотъ первый нашъ литераторъ, сознавшій государственное значеніе литературы или, какъ онъ выразился, «силу голой правды», рѣшительнѣе и смѣлѣе обращался съ печатнымъ словомъ къ представителямъ власти, громко провозглашая, что «царю лютость не пристала», что правители, «будучи добрыми», не должны знать, какъ «быть злыми», и что

Злы совѣты правящимъ подъ небомъ народы
Бѣгать должны...

Но не только въ этомъ пунктѣ убѣжденія Кантемира и Ломоносова вполнѣ совпадали. Если они оба одинаково вѣрили, что Россія

можетъ сдѣлать дальнѣйшіе шаги на пути обезпеченія своего благосостоянія и могущества только при содѣйствіи сильной и независимой государственной власти, то они оба не менѣе горячо были убѣждены, что эта власть должна посвятить свои усилія преимущественно насажденію въ Россіи образованности. Безъ науки нѣтъ спасенія. «Петръ, отецъ нашъ... училища основалъ», — воспѣваетъ Кантемиръ царя-преобразователя. «Науки пользуютъ вездѣ», провозглашаетъ Ломоносовъ. Онъ боится наказанія отъ «правосудія и всемогущаго Промысла», если не преодолѣетъ «всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что ему всего въ жизни дороже». Даже трудно сказать, который изъ двухъ родоначальниковъ нашей изящной словесности — Ломоносовъ или Кантемиръ, былъ болѣе преданъ наукѣ и болѣе заботился объ ея распространеніи. Между ними существуетъ развѣ только та разница, что Ломоносовъ самостоятельно трудился надъ наукою и имѣлъ возможность почти всецѣло посвятить себя ей, въ то время какъ Кантемиръ, жизнь котораго, какъ извѣстно, была очень коротка, былъ отвлеченъ отъ научныхъ занятій дипломатическою дѣятельностью. Но если онъ принялъ дипломатическій постъ, то руководствовался не однимъ только сознаніемъ долга нести государственную службу, но и надеждою, что ему удастся полнѣе посвятить себя любимой наукѣ въ центрахъ европейской образованности. И какъ на родинѣ, такъ и въ чужихъ краяхъ онъ постоянно думалъ только о томъ, какъ бы воспользоваться пріобрѣтенными знаніями для распространенія просвѣщенія въ Россіи. Онъ то и дѣло переводитъ полюбившихся ему авторовъ на русскій языкъ, при чемъ имѣетъ въ виду искорененіе разныхъ предразсудковъ и суевѣрій, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ, — переводитъ Фонтенеля, Юстина, Корнелія Непота, «Персидскія Письма», Эпиктета, Альгеротти, составляетъ руководство по алгебрѣ и просодіи, мечтаетъ о томъ, чтобы, по возвращеніи на родину, занять постъ президента Академіи Наукъ, и считаетъ этотъ постъ наиболѣе для себя почетнымъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ своимъ задушевнѣйшимъ стремленіямъ. Въ силу своего происхожденія и личныхъ связей при дворѣ, онъ могъ безъ особенныхъ усилій занять видное, если не первенствующее положеніе въ тогдашней администраціи, особенно, если бы онъ женился, — а серьезныхъ препятствій къ этому не встрѣчалось, — на богатѣйшей въ то время невѣстѣ, княжнѣ Черкасской. Но онъ и тутъ пожертвовалъ своими личными интересами, чтобы полнѣе посвятить себя наукѣ и ея распространенію въ отечествѣ. Словомъ, въ этихъ двухъ отношеніяхъ, т.-е. въ основныхъ политическихъ взглядахъ и въ страстной любви къ наукѣ, между Ломоносовымъ и Кантемиромъ нѣтъ никакой разницы: они оба были убѣждены, что благо отечества требуетъ прежде всего всевозможнаго распространенія образованности, и что наиболѣе надежнымъ факторомъ въ дѣлѣ достиженія этой цѣли является сильная государственная власть.

Но еще въ одномъ отношеніи Кантемиръ и Ломоносовъ были полные единомышленники. Кантемиръ былъ человѣкъ глубоко вѣрующій и притомъ въ духѣ той религіи, въ которой былъ крещенъ. Нѣкоторые наши словесники упрекаютъ его за то, что онъ относился пренебрежительно къ православному духовенству, и объясняютъ это иностраннымъ его происхожденіемъ. Такое объясненіе совершенно несостоятельно. Кантемиръ находился въ близкомъ общеніи въ выдающимися дѣятелями нашей церкви, которые безусловно одобряли его произведенія, даже восторгались ими, какъ, напримѣръ, Прокоповичъ и Кроликъ. Еще въ дѣтствѣ онъ проявлялъ глубокое религіозное чувство. Всѣ его произведенія проникнуты имъ, а его «Письма о природѣ и человѣкѣ», въ которыхъ онъ излагаетъ сущность своего этическаго міросозерцанія, и которыя были написаны уже подъ конецъ его жизни, въ 1742 году, служатъ столь же наглядными свидѣтельствомъ его религіознаго настроенія. Но, будучи глубоковѣрующимъ человѣкомъ, онъ былъ далекъ отъ всякой нетерпимости. Въ этомъ отношеніи въ немъ также проявлялась чисто русская національная черта. Живя въ Россіи, онъ былъ друженъ съ лучшими представителями нашей церкви; живя за границею, онъ насчитывалъ въ числѣ своихъ друзей выдающихся представителей католической церкви, изъ которыхъ одинъ аббатъ Венути написалъ первую его біографію и относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Религія Кантемира была религіею истинно просвѣщеннаго человѣка, а религіозныя чувства его по силѣ своей не уступали патріотическому его чувству и его страстной любви къ просвѣщенію. Если Кантемиръ сатирическимъ перомъ бичевалъ недостатки нашего духовенства, если онъ писалъ своей сестрѣ, что онъ «чернцовъ весьма гнушается», то это вызывалось, конечно, не его иностраннымъ происхожденіемъ, не недостаткомъ въ немъ религіознаго или патріотическаго чувства, а именно этими чувствами, т.-е. страстнымъ желаніемъ, чтобы отечество, которое онъ такъ любилъ, чтобы религія, которую онъ такъ высоко ставилъ, не пострадали отъ порочности, отъ невѣжества людей, которымъ были довѣрены насущные интересы просвѣщенія и вѣры. Надо совершенно не понимать міросозерцанія Кантемира, чтобы этого не видѣть и не уяснить себѣ, что, если онъ «пятналъ злой правъ», то всегда руководствовался страстною любовью къ отечеству и просвѣщенію, что онъ «гнушался черицовъ» и осмѣивалъ многихъ представителей нашего духовенства вовсе не по недостатку религіознаго и патріотическаго чувства, а потому, что самъ былъ глубоко проникнутъ религіознымъ чувствомъ и патріотизмомъ.

Наконецъ, отмѣтимъ еще одну общую черту между Кантемиромъ и Ломоносовымъ. Если Ломоносовъ вышелъ изъ народной среды, а нашъ первый сатирикъ былъ сынъ иностраннаго, хотя и православнаго владѣтельнаго князя, то и Кантемиръ, подобно Ломоносову, имѣлъ случай уже съ ранняго дѣтства близко познакомиться со всѣми

классами русскаго общества, не исключая и народной крестьянской среды. Уже двухлѣтнимъ ребенкомъ онъ пріѣхалъ въ Россію, жилъ сначала въ провинціи, въ помѣстьяхъ, дарованныхъ его отцу, очень много вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ, изъѣздилъ, такъ сказать, всю Россію, и поэтому неудивительно, что уже въ первой его сатирѣ, доставившей ему славу и написанной въ такомъ возрастѣ, когда другіе не пишутъ, а только еще учатся, проявился чисто русскій духъ не только въ самомъ содержаніи сатиры, которая могла сложиться единственно на русской почвѣ, но и въ языкѣ, сильномъ, образномъ, чисто русскаго склада, насколько тогда литературный языкъ вообще могъ быть чисто національнымъ. Не даромъ такой знатокъ нашего языка, какъ Батюшковъ, сказалъ о Кантемирѣ, что онъ «первый въ Россіи осмѣлился писать, какъ говорили»; не даромъ другой критикъ говоритъ, что Кантемиру удалось избѣжать пустой напыщенности и употребленія иностранныхъ словъ безъ нужды, и притомъ въ эпоху господства литературной схоластики; не даромъ графъ Д. Толстой указываетъ въ Кантемировскихъ сатирахъ на цѣлый рядъ чисто русскихъ оборотовъ и выраженій, не имѣющихъ ничего общаго съ витіеватымъ полу-славянскимъ, полупольскимъ языкомъ того времени; не даромъ, наконецъ, многіе изъ его стиховъ превратились въ поговорки, которыя были столь же распространены въ восемнадцатомъ вѣкѣ, какъ въ нашемъ многіе изъ стиховъ «Горя отъ ума». Приподнятый слогъ польско-латинскихъ риторовъ постоянно прерывается у Кантемира чисто русскою образною, сильною народною рѣчью, подчасъ не имѣющею ничего общаго съ книжнымъ языкомъ.

Таковы основы міросозерцанія Кантемира и Ломоносова. Какъ мы выяснили, онѣ совпадаютъ. Пламенный патріотизмъ, готовность всецѣло посвятить себя служенію государству, любовь къ наукѣ, религіозность, сильное чувство народности—все это ихъ соединяетъ. Но Ломоносовъ вышелъ непосредственно изъ народа и тяготился сѣрою дѣйствительностью. Его прельщали, главнымъ образомъ, высшія проблемы науки, величественныя картины природы. Лишь въ зрѣломъ возрастѣ онъ призадумался надъ вопросомъ, какъ осуществить въ жизни идеальныя блага, которыми онъ вдохновлялся, и когда задался этою мыслью, то принялся съ энергіею, свойственною его геніальной натурѣ, писать записки о переустройствѣ окружавшихъ его условій, изъ коихъ сохранились, къ сожалѣнію, весьма немногія. Совершенно иное настроеніе Кантемира. Онъ росъ окруженный нѣжными и умѣлыми заботами любящихъ и высокообразованныхъ родителей и притомъ не только въ довольствѣ, но даже въ богатствѣ. Просвѣщеніе, къ которому рвался Ломоносовъ юношею, и которое онъ завоевалъ только благодаря исключительно даровитой натурѣ и изумительной энергіи съ затратою неимовѣрнаго труда, съ тяжелыми душевными муками, досталось Кантемиру какъ бы шутя; проза жизни почти совсѣмъ не коснулась его; обладая такимъ запасомъ

знаній, какимъ не располагали даже самые просвѣщенные изъ его современниковъ, онъ уже въ ранней молодости вступилъ въ жизнь во всеоружіи полной научной подготовки. Вмѣстѣ съ тѣмъ его патріотическое чувство должно было вызвать въ немъ совершенно иное настроеніе, чѣмъ у Ломоносова. Онъ не могъ довольствоваться пріобрѣтеніемъ знаній, разработкою научныхъ вопросовъ, онъ чувствовалъ непреодолимую потребность подѣлиться этими знаніями съ своими соотечественниками, чтобы двинуть ихъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, приблизить ихъ къ тѣмъ идеаламъ, которыми онъ самъ былъ воодушевленъ. Уже въ дѣтствѣ онъ пытливо озирался изъ гнѣздышка, свитаго ему любящею рукою отца, приглядывался къ окружавшей его дѣйствительности, сличалъ ее съ тѣмъ, что вычитывалъ изъ книгъ, и привыкалъ относиться къ ней критически. На семнадцатомъ году жизни онъ переводитъ въ поученіе своимъ согражданамъ книгу, въ которой описываются нравы парижанъ и французовъ. Въ слѣдующемъ своемъ трудѣ онъ уже прямо говоритъ, что написалъ его «въ душевное назиданіе ближняго». Затѣмъ въ предисловіи къ третьему своему труду онъ упоминаетъ о томъ, что старается «писать сколько можно простѣе, чтобы всѣмъ вразумительно», и чтобы «всѣ могли жить гораздо покойнѣе». Словомъ, онъ сильнѣйшимъ образомъ озабоченъ тѣмъ, чтобы воспользоваться своими знаніями для исцѣленія общественныхъ недуговъ, имъ подмѣченныхъ въ самой жизни. Намъ здѣсь нечего напоминать о всѣхъ мѣстахъ въ его сатирахъ, которыя служатъ прямымъ указаніемъ на это настроеніе родоначальника нашей изящной словесности: они всѣмъ хорошо извѣстны изъ учебниковъ словесности. Уже первая его сатира, доставившая ему такую громкую славу, была краснорѣчивымъ проявленіемъ этого настроенія. Тутъ впервые двадцатилѣтній Кантемиръ, стоявшій на высотѣ образованности своего времени, отмѣтилъ даровитою рукою плоды своихъ наблюденій надъ окружавшей его дѣйствительностью, и у него вырвался крикъ отчаянія: такъ глубокъ былъ разладъ между тѣмъ, что онъ хотѣлъ видѣть въ жизни, и тѣмъ, что онъ въ ней находилъ. Но каждый его стихъ, каждое его слово въ этой сатирѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ, служатъ доказательствомъ, что не высокомѣріе, не презрѣніе продиктовали ему его преисполненные горечи стихи, а жгучая боль, вызванная полнымъ несоотвѣтствіемъ идеала и дѣйствительности въ сердцѣ человѣка, всѣми силами души преданнаго отечеству. Такимъ образомъ, пламенный патріотизмъ и просвѣщеніе послужили источниками той литературы, которая впослѣдствіи была названа обличительною и родоначальникомъ которой былъ нашъ знаменитый сатирикъ.

Семевтковскій.

Жизненность сатиры Кантемира и ея гражданскій характеръ.

Кантемиръ далъ намъ первую отчетливую, какъ бы высѣченную изъ мрамора картину русскаго общества. Всѣ проявленія нашей общественной жизни нашли себѣ мѣсто въ его сатирахъ. Всѣ классы нашего общества были имъ изучены. Администрація, духовенство, дворянство, купечество, крестьянство были имъ подвергнуты тщательному анализу съ точки зрѣнія нравственныхъ, общественныхъ и государственныхъ «началъ» (это слово также введено Кантемиромъ въ нашъ литературный языкъ), съ точки зрѣнія чувствъ «гражданина»,—слова, также впервые употребленнаго у насъ Кантемиромъ въ этомъ смыслѣ. Не легко было нашему сатирику съ его тихимъ, кроткимъ нравомъ, съ его склонностью предаваться уединеннымъ занятіямъ и размышленіямъ надъ «дѣйствами и причинами всѣхъ вещей», говорить правду въ глаза и бросать обществу перчатку; но онъ сознавалъ, что, какъ гражданинъ, несетъ священный долгъ воспользоваться своимъ дарованіемъ и своими знаніями, чтобы, изображая общественныя несовершенства, содѣйствовать ихъ искорененію.

Печальна была картина русской дѣйствительности. Кантемиръ не сгущалъ красокъ; по своему правдолюбію онъ и не былъ на это способенъ. Онъ отмѣчалъ только то, что составляло сущность русской жизни; и по мѣрѣ того, какъ мы теперь подвигаемся въ изученіи того времени, мы все болѣе убѣждаемся въ глубокой правдивости картины, нарисованной Кантемиромъ. Если это было обличеніе, то обличеніе не тенденціозное, а раскрытіе дѣйствительно существовавшихъ язвъ. Невѣжество, разнаго рода суевѣрія и предразсудки, подобострастіе передъ сильными, угнетеніе слабыхъ, презрѣніе или недовѣріе къ наукѣ, угожденіе порочнымъ страстямъ, постепенное ниспроверженіе свѣтлыхъ началъ, внесенныхъ въ русскую жизнь Петромъ I, безконечныя злоупотребленія со стороны административныхъ лицъ, на какой ступени служебной іерархіи они бы ни стояли, — все это и многое другое, что слишкомъ длинно было бы перечислять, составляетъ фонъ картины русской дѣйствительности того времени. Задача художника и моралиста, какимъ былъ Кантемиръ, не могла быть иная, какъ раскрыть современникамъ безотрадный характеръ этой картины. Онъ обращается съ своимъ словомъ и къ высшимъ представителямъ власти. Изъ его наболѣвшаго сердца вырываются такіе сильные стихи, какъ:

Мало жъ пользуетъ звать тебя хоть сыномъ царскимъ,
Буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ.

Какими мѣткими штрихами онъ намъ изображаетъ фаворита Петра II, Долгорукаго, съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ провозглашаетъ, что

Чистъ быть долженъ, кто туда, не поблѣднѣвъ всходитъ,
Куда зоркіе глаза весь народъ наводитъ.

Далѣе, надо ли напоминать о томъ, какъ онъ зло казнитъ взяточничество, осмѣиваетъ боярство, которое мнитъ, что оно создано «изъ фарфорной глины», въ то время какъ остальные люди созданы «изъ навозной тины». Изображая намъ дворянъ того времени, онъ отмѣчаетъ ихъ страсть къ вмѣшательству въ государственныя дѣла, въ которыхъ они мало что смыслятъ, и незнакомство съ собственными дѣлами, вслѣдствіе чего ихъ постояннно «обкрадываетъ дворецкій съ приказчиками», и они за собою «водятъ толпу кредиторовъ». Въ томъ же безотрадномъ свѣтѣ представляется ему и большинство духовныхъ лицъ, которыя не стараются дѣйствовать на народъ «ученіемъ здравымъ и умнымъ, а плетутъ безъ стыда враки, почерпая вдохновеніе въ шумномъ съ вина мозгѣ». Никто въ церкви не обращаетъ вниманія на то, что «попъ ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не зная, что поетъ». Не лучше и купечество, помышляющее только объ обманѣ. Таковы высшія сословія, въ то время, какъ народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, какъ «нѣтъ силы описать бездну его суевѣрій». Мало того, школъ нѣтъ, народное просвѣщеніе не подвигается, а наука не пользуется уваженіемъ: «ободрана, въ лоскутахъ обшита, изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита, знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы», а невѣжество «подъ митрой гордится, въ шитомъ платьѣ ходитъ, сидитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ». Процвѣтаетъ невѣжество, процвѣтаетъ и пьянство. Что ни праздникъ, то «весь городъ пьянъ отъ края до края... Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочіе не трезвѣе, не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе»...

Мы только въ самыхъ общихъ чертахъ напомнили читателю картину русской дѣйствительности, такъ мастерски изображенную Кантемиромъ. Но если ближе всмотрѣться въ нее, то мы будемъ еще болѣе поражены глубиною его наблюденій и умѣньемъ дать имъ необычайно мѣткое и сильное выраженіе, доселѣ сохраняющее свою свѣжесть. То, надъ чѣмъ печалился Кантемиръ, остается въ значительной степени въ силѣ и теперь: такъ глубоко подмѣчены имъ главные недуги нашей общественной и государственной жизни.

Мы видимъ, слѣдовательно, что значеніе Кантемира опредѣляется не только тѣмъ, что онъ былъ родоначальникомъ нашей изящной словесности вообще, но и тѣмъ, что онъ былъ отцомъ такъ называемой обличительной литературы. Собственно говоря, его муза останавливалась на всѣхъ родахъ поэтическаго творчества, за исключеніемъ одной только драматической поэзіи. Эпосъ, лирика, басня, эпиграмма, сатира, всѣ эти формы поэзіи уже разработывались Кантемиромъ. Кромѣ того, онъ былъ философомъ, въ особенности его привлекала этическая философія, къ которой льнула его душа, потому что уже онъ ясно сознавалъ, что въ пріобрѣтеніи нравственныхъ качествъ заключается первенствующее условіе исцѣленія всѣхъ нашихъ общественныхъ, экономическихъ и государственныхъ недуговъ. Мы видѣли, что Кантемиръ былъ и ревностнымъ популя-

ризаторомъ науки. Словомъ, ему по всей справедливости можетъ быть приписана роль перваго нашего выдающагося свѣтскаго писателя въ широкомъ значеніи слова. Но, все-таки, самымъ крупнымъ лавромъ въ вѣнкѣ его славы являются его сатиры. Не столько по роду поэтическихъ произведеній, сколько по основному своему настроенію Кантемиръ заслуживаетъ названія отца нашей обличительной литературы.

Кантемиръ такъ вѣрно сразу оцѣнилъ основныя душевныя силы русскаго человѣка, такъ ясно понялъ сущность нашего національнаго духа, что избранное имъ направленіе въ литературѣ осталось преобладающимъ до нашихъ дней. Онъ съ перваго же своего произведенія воплотилъ въ художественной формѣ тотъ добродушный и въ то же время глубокій юморъ, съ какимъ русскій человѣкъ относится къ своимъ несовершенствамъ. Этотъ юморъ, это сознаніе собственныхъ ошибокъ, собственнаго несовершенства служатъ вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣха, потому что онъ заключаетъ въ себѣ духъ скептицизма, безъ котораго успѣхи вообще невозможны. Но это отрицательное отношеніе къ самому себѣ, эта насмѣшка надъ самимъ собою должна имѣть свои границы: надо знать, во имя чего и для чего смѣешься, осуждаешь, выражаешь недовольство или протестуешь. Обличительная наша литература, имѣющая своимъ родоначальникомъ Кантемира, въ послѣднемъ отношеніи сильно погрѣшила, т.-е., постепенно развиваясь, дошла, наконецъ, до того, что часто сама не знала, во имя чего отрицаетъ или протестуетъ. Отъ этой ошибки, отражающейся такъ невыгодно на новѣйшей русской литературѣ, былъ очень далекъ Кантемиръ. Если родоначальникъ нашей изящной словесности писалъ сатиры, протестовалъ, относился отрицательно къ окружавшей его дѣйствительности, то онъ очень отчетливо сознавалъ, во имя чего онъ протестуетъ: его положительные идеалы были ясны, какъ день, мало того, они отличались практическимъ характеромъ и были вполнѣ осуществимы. Въ этомъ отношеніи наша обличительная литература за полтораста лѣтъ, истекшихъ со времени смерти Кантемира, врядъ ли сдѣлала успѣхи. Скорѣе приходится допустить регрессъ.

Весьма сомнительны были уже положительные идеалы Фонвизина. Еще меньшею опредѣленностью отличалось міросозерцаніе Гоголя и совершенно туманно было положительное міросозерцаніе Салтыкова, послѣдняго изъ большихъ нашихъ сатириковъ. Возвышенность міросозерцанія всѣхъ этихъ писателей не подлежитъ никакому сомнѣнію: все это были личности свѣтлыя, которыми русская литература имѣетъ полное право гордиться, руководствуясь не только ихъ талантомъ и геніемъ, но и чистотою ихъ помысловъ, возвышенностью ихъ стремленій. И всѣ они въ равной мѣрѣ ставили выше всего «забытыя слова»; всѣ они были людьми гуманными, горѣвшими желаніемъ прійти на помощь ближнему, ставившими свободу, просвѣщеніе такъ высоко, какъ рѣдкіе писатели, даже во всемірной литературѣ. Но если мы будемъ имѣть въ виду положительные

идеалы, соразмѣренные съ условіями окружающей дѣятельности, осуществимые и въ этомъ смыслѣ практическіе, то мы должны будемъ признать, что со временъ Кантемира наша обличительная литература никакихъ успѣховъ не сдѣлала. Кантемиръ былъ далекъ отъ осмѣянія окружавшей его дѣйствительности во имя утопій, осуществленія несбыточныхъ надеждъ. Онъ не хотѣлъ пересоздать весь міръ, не помышлялъ о какомъ-то общемъ политическомъ и соціальномъ переустройствѣ. Его цѣли были скромны, мы бы сказали теперь — буржуазны. Онъ съ паѳосомъ восклицаетъ: «Петръ, отецъ нашъ, училища основалъ, и былъ тотъ трудъ — корень нашей славы». Онъ говорилъ дворянамъ, что надо знать свои дѣла: «не то приказчикъ съ дворецкимъ» будутъ ихъ вѣчно «обкрадывать». Онъ говорилъ купцамъ: «торговлю можно вести безъ обмана». Онъ говорилъ духовнымъ лицамъ, что «недостаточно убраться въ рясу, чтобы заслужить уваженіе прихожанъ». Какъ все это кажется намъ теперь наивнымъ, мелкимъ. О томъ ли мы теперь мечтаемъ? Правда, Кантемиръ уже въ свое время, т.-е. чуть не двѣсти лѣтъ тому назадъ, проповѣдовалъ, что «пахарь и вельможа равны въ судѣ», и что «одна правда превосходна», до глубины души возмущался тѣми, кто «каменной душою бьетъ холопа до крови» и училъ насъ, что въ «свободныхъ и холопяхъ течетъ одна кровь»; правда, онъ представилъ намъ тысячу доказательствъ своего глубокаго пониманія нашей русской природы. Онъ говорилъ намъ, что мы «къ свободѣ охотники», но что «въ насъ вкралась неволя», что «коротокъ жизни предѣлъ», но что у насъ всегда «велики затѣи», и что «состояніемъ своимъ мы всегда не довольны». Эту основную черту нашего національнаго характера, это вѣчное недовольство своимъ «состояніемъ» Кантемиръ отмѣтилъ; отмѣтилъ онъ также, почему мы, любя свободу, вѣчно остаемся рабами.

Не знаете ли сами, что хотѣть; теперь тое
Хвалите, потомъ сіе, съ одно на другое
Премѣняя мысль свою, и, что паче дивно,
Вдругъ одно желанье другому противно.

Врядъ ли послѣ Кантемира кто-либо въ немногихъ словахъ яснѣе опредѣлилъ, почему мы такъ «медленно преуспѣваемъ». Можетъ быть, еслибъ мы не забыли такъ скоро о родоначальникѣ нашей изящной словесности, почаще «развертывали его сатиры» втеченіе этихъ 150 лѣтъ, прошедшихъ со дня его смерти, и не только развертывали ихъ, но принимали къ сердцу и старались осуществить на дѣлѣ тѣ «мелкіе» идеалы, которые вдохновляли Кантемира, то теперь мы были бы гораздо ближе къ осуществленію «широкихъ» задачъ, которыми мы на словахъ вдохновлялись, забывая вѣщіе стихи отца нашей обличительной литературы.

Сементковскій.

IX сатира Кантемира, какъ выраженіе идейнаго настроенія лучшихъ дѣятелей Петровской реформы, и ея тѣсная связь съ современной дѣйствительностью.

На ряду съ другими сатирами Кантемира, и девятая раздѣляетъ главное достоинство произведеній этого писателя — реализмъ изображенія и горячее отношеніе къ окружающей его дѣйствительности. Общечеловѣческіе недостатки и пороки, которые онъ осмѣиваетъ, воплощаются у него въ живые образы современной ему эпохи. Такъ и девятая сатира, помимо ея общаго морально-дидактическаго значенія, представляетъ не малый интересъ, какъ живая и правдивая картина тогдашняго русскаго общества. Общество это, конечно, съ извѣстной долей схематичности, можно раздѣлить на два непримиримо враждующихъ между собою лагеря — противниковъ и приверженцевъ Петра I и его реформы. Тѣ явленія и типы русской жизни, которыя вызываютъ горькій и злобный смѣхъ Кантемира, могутъ служить характеристикой первой, подавляющей своей численностью группы; что же касается до чувствъ и мыслей автора, скрывающихся за смѣхомъ, то онѣ являются выраженіемъ идейнаго настроенія другой, немногочисленной части общества — сподвижниковъ Петра.

Не касаясь даже главнаго содержанія и разнообразныхъ типовъ девятой сатиры, мы можемъ и по мелкимъ, разсѣяннымъ въ ней бытовымъ чертамъ установить тѣсную связь ея съ характеромъ русской жизни того времени. По многочисленнымъ, какъ бы случайно оброненнымъ намекамъ Кантемира мы можемъ живо представить себѣ, что волновало и заставляло оживленно обсуждать и спорить людей той переходной эпохи. Въ этихъ мелкихъ историко-бытовыхъ данныхъ мы услышимъ отзвуки горячихъ споровъ объ Аввакумѣ и его «тетрадяхъ», о какой-то раскольничьей книгѣ, о сожженіи еретика Квирина Кульмана, толки о печатной библіи, судьбой которой такъ интересовался Петръ и нетерпѣливо ожидалъ ея изданія, и отголоски старинныхъ апокрифическихъ сказаній и космографическихъ представленій. На ряду съ этимъ наслѣдіемъ старины, продолжавшемъ жить еще полною жизнью, мы услышимъ сѣтованія на общественныя невзгоды современной эпохи, на неправосудіе, подкупы, взятки, притѣсненія, грабежи и разбои, на печальную судьбу науки и образованія въ Россіи, въ частности на печальное положеніе Академіи Наукъ — любимой мечты Петра I.

Эта связь девятой сатиры съ характеромъ и условіями русской жизни первой половины XVIII вѣка выяснится еще отчетливѣе, если мы перейдемъ къ главному предмету ея обличеній, а негодующій смѣхъ Кантемира надъ окружавшей его дѣйствительностью сопоставимъ съ тѣмъ изображеніемъ ея, какое найдемъ у другихъ писателей-современниковъ. Изъ нихъ мы остановимся, главнымъ образомъ,

на св. Дмитріи Ростовскомъ, Посошковѣ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Татищевѣ. Въ зависимости отъ различнаго характера ихъ духовнаго склада, условій ихъ жизни и образованія, а также отчасти и отъ времени выступленія на поприще общественной дѣятельности, ихъ сочувствіе къ общимъ принципамъ реформы выразилось въ разной степени и разныхъ направленіяхъ. Естественно, что кроткій, добросердечный и глубоко религіозный Дмитрій Ростовскій, уроженецъ Украйны и представитель еще старой южно-русской образованности, или самоучка-крестьянинъ Посошковъ, широкій и смѣлый реформаторъ въ вопросахъ экономическихъ, но стоящій еще на почвѣ Домостроя въ вопросахъ правственно-религіозныхъ, не могли итти такъ далеко, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и Татищевъ, люди европейски образованные и въ значительной степени раціоналисты. Но тѣмъ сильнѣе подчеркнется жизненность сатиры, если мы найдемъ полную аналогію между мыслями и даже образами Кантемира и этихъ писателей, столь несхожихъ между собою ни по натурѣ ни по характеру образованія.

Девятая сатира есть обличеніе невѣжества и, какъ слѣдствій его — суевѣрія, раскола, внѣшней обрядности, догматическаго значенія отжившихъ формъ старины и т. п. Живыми представителями этихъ отрицательныхъ свойствъ являются у Кантемира два ярко изображенныхъ типа — сошника-мужика и книжника. Переходя отъ нихъ къ священнику, Кантемиръ наглядно показываетъ, почему эти темныя стороны духовной жизни такъ упорно держатся въ простомъ народѣ. Ему не у кого учиться, у него нѣтъ передъ собой примѣра: духовный пастырь стоитъ не выше пасомыхъ по своему невѣжеству, пьянству, корыстолюбію и т. п.

Обращаясь къ болѣе состоятельнымъ и самостоятельнымъ классамъ общества, мы и тамъ находимъ ту же нравственную порчу, и даже въ большей степени, такъ какъ она прикрыта маской лицемѣрія. Таковъ типъ купца, съ виду набожнаго, богобоязненнаго. Но стоитъ только вглядѣться въ него поближе, и онъ окажется воромъ-фарисеемъ, заслуживающимъ тюрьмы.

Поднимаясь еще выше, къ источнику добра и свѣта — главнымъ средствомъ борьбы со всѣми вышеотмѣченными отрицательными явленіями Кантемиръ считаетъ образованіе, — онъ находитъ не менѣе грустную картину. Намекая, вѣроятно, на положеніе дѣла въ Академіи Наукъ, Кантемиръ съ горечью замѣчаетъ, что иной бѣднякъ, всѣмъ сердцемъ желающій учиться, не найдетъ тамъ и тѣни науки.

Эти отдѣльные явленія и образы приводятъ Кантемира къ общему, нѣсколько отвлеченному изображенію печальной русской дѣйствительности: богатый правъ, бѣднякъ обиженъ, въ судахъ судитъ не милость, а серебро; продажность судей даетъ сатирику поводъ нарисовать типъ взяточника-подъячаго, а лицемѣрныя осужденія другихъ — типъ деревенскаго старовѣра-философа.

Таково общее содержаніе девятой сатиры. Переходимъ теперь къ болѣе детальному ея анализу и постараемся выяснить, насколько

правдивы и характерны для того времени осмѣянныя Кантемиромъ лица со всѣми ихъ особенностями и въ какой степени скорбныя чувства сатирика соотвѣтствуютъ идеологіи лучшихъ его современниковъ.

Такъ какъ девятая сатира написана въ формѣ обращенія къ солнцу, то передъ нимъ и высказываетъ Кантемиръ первое свое общее положеніе:

Буде бъ честь отъ насъ Богу ты узнать желало,
Въ первыхъ бы суевѣріи бездну тутъ сыскало.

Излишне особенно распространяться о томъ, насколько сильно развито было суевѣріе на религіозной подкладкѣ въ то время, разъ это явленіе продолжаетъ бытовать и до сихъ поръ. Припомнимъ также и исконную борьбу русскаго духовенства въ лицѣ его лучшихъ представителей съ «двоевѣріемъ» народа, и поэтому ограничимся только однимъ примѣромъ изъ Духовнаго Регламента: «слышится, что въ малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный, водятъ жонку простовласую подъ имянемъ пятницы; а водятъ въ ходѣ церковномъ (есть ли то поистиннѣ сказуютъ) и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкія пользы. Такожъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе»[1]).

Вслѣдъ за этимъ общимъ положеніемъ Кантемиръ переходитъ къ частностямъ, и предъ нами является мужикъ, который

. . . вретъ богословски рѣчи:
Какія предъ иконы должно ставить свѣчи,
Что теперь въ церквахъ вошло старинѣ противно;
Какъ брадобритье терпитъ Богъ, то ему дивно.
На что, баетъ, библію отдаютъ въ печати,
Котору христіаномъ больно грѣшно знати?
Вотъ иной, зачитавшись, да ереси сѣетъ;
Говоритъ: «не грѣшенъ тотъ, кто бороду брѣетъ».
Парики ужъ всякъ знаетъ, что дьявольско дѣло.
А онъ, что то не грѣшно, одно споритъ смѣло;
Платье нѣмецко носитъ, да притомъ манжеты;
Кто ихъ назоветъ добромъ? все — адски примѣты;
А таки сказуютъ, что то не противно Богу...

Въ противовѣсъ Библіи мужикъ восхваляетъ книгу какого-то пустынника, можетъ быть, Семена Денисова[2]).

Такъ то-то уже книга, что ажъ уши вянутъ,
Какъ было грамотники у насъ читать станутъ!
Тамъ писано, какъ земля четырьми китами
Стоитъ, которы ее подперли спинами;

---

[1]) Духовный Регламентъ, С.-Пб., 1761, л. 13—14.
[2]) Сочиненія Кантемира, С.-Пб., 1867, т. I, стран. 179.

Сколько солнце всякій день милліоновъ ходитъ,
И гдѣ оно въ палаты въ отдышку заходитъ;
Какъ въ нынѣшнее время не будутъ являться
Святцы и богатыри; что люди мерзятся
Брадобритіемъ и всѣмъ бусурманскимъ нравомъ,
Не ходятъ въ старомъ отцовъ преданіи нравомъ.
Все тамъ есть о старинѣ съ мала до велика,
Сказать мнѣ все подробно не станетъ и языка.

Это живое изображеніе мужика-богослова невольно наводитъ на вопросъ: насколько характернымъ является такой типъ для эпохи Кантемира, считать ли его явленіемъ исключительнымъ или, наоборотъ, самымъ распространеннымъ и обычнымъ? Показанія современниковъ выведутъ насъ изъ этого недоумѣнія. Вотъ что говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей Дмитрій Ростовскій: «уже толь отъ расколовъ умалися самая истинная соборная Церковь Апостольская, яко едва гдѣ истиннаго сына церкви найти: едва бо не во всякомъ градѣ иная нѣкая особая обрѣтается вѣра; и уже о вѣрѣ и простые мужики, и бабы, весьма пути истиннаго незнающіи, догматизуютъ и учатъ, якоже о сложеніи тріехъ перстовъ глаголюще не правый и новый крестъ быти, и въ своемъ упорствѣ окаянніи стоятъ, презрѣвше и отвергше истинныхъ учителей церковныхъ[1])». Еще болѣе живую картину и ближе подходящую къ сатирѣ Кантемира находимъ мы въ проповѣдяхъ Симона Кохановскаго: «уже бо нынѣ не точію священницы и прочіе книжные люди, но и неграмотные мужики и бездѣльныя деревенскія бабы всю тую діавольскую богословію наизусть имѣютъ — которая пятница святѣйшая и которая сильнѣйшая, которая избавляетъ отъ огня, которая отъ воды, которая отъ вѣчной муки; что ясти и чего не ясти; что пити и чего не пити, и прочая симъ подобная бездѣлья и идолослуженія. А молитву Господню Отче нашъ развѣ сотый или тысящный мужикъ умѣетъ! На сколькихъ просфорахъ обѣдню служити — всѣ о томъ ссорятся, а что есть причастіе Тѣла и Крови Христовой, того и не поминай... Сказки бездѣльныя, скверныя бабьи пѣсни и продолженныя срамотныя пѣсни и малыя дѣти наизусть умѣютъ, а десять заповѣдей Божіихъ и старые мужики того не знаютъ!»[2]). Эти выдержки доказываютъ намъ съ полной очевидностью, насколько обычнымъ явленіемъ были въ то время рѣчи доморощенныхъ богослововъ-мужиковъ, подобныхъ тому, котораго изобразилъ Кантемиръ. Устранивши сомнѣнія по этому поводу, можно перейти собственно къ тому, что такъ горячо отстаиваетъ этотъ мужикъ и что служитъ его исповѣданіемъ вѣры. Въ его горячихъ филиппикахъ противъ всякихъ новшествъ можно выдѣлить нѣсколько пунктовъ. Намекая на современное печатаніе библіи («на что, бастъ, библію отдаютъ въ печати»), онъ считаетъ въ высшей степени грѣховнымъ чтеніе этой книги и противопоставляетъ ей другую,

[1]) Сочиненія Дмитрія Ростовскаго, Кіевъ, 1857 г., ч. II, стран. 116.
[2]) Пыпинъ, Исторія литературы, т. III, стран. 278.

душеспасительную — произведеніе какого-то пустынника; столь же грѣховнымъ онъ считаетъ и брадобритіе, ношеніе нѣмецкаго платья, париковъ, манжетъ, и введеніе какой бы то ни было новизны въ церковный обиходъ. Положительными въ его ученіи остаются только разсужденія о томъ «какія предъ иконы должно ставить свѣчи» (т.-е. онъ считаетъ самымъ важнымъ исполненіе внѣшней обрядности) да признаніе какъ бы догматическаго значенія за вышеупомянутой книгой пустынника.

Что касается до библіи, то, какъ мы упоминали уже и раньше, при Петрѣ занимались ея исправленіемъ; надъ этимъ трудились Өеофилактъ Лопатинскій, братья Лихуды и Поликарповъ; самъ царь очень интересовался этимъ дѣломъ и неоднократно торопилъ съ его ускореніемъ. Толки о библіи могли расходиться далеко, и слова мужика въ сатирѣ Кантемира являются ихъ отголоскомъ.

Съ другой стороны, взглядъ на чтеніе библіи, какъ на нѣчто грѣховное, былъ очень распространенъ въ русскомъ обществѣ. Современникъ Кантемира Татищевъ въ своемъ «Разговорѣ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ», посвящаетъ защитѣ библіи отъ подобныхъ нападокъ цѣлый вопросъ (45). Мужикъ въ сатирѣ у Кантемира говоритъ о библіи: «Вотъ иной, зачитавшись, да ереси сѣетъ... Ой нѣтъ, надо библіи убѣгать, какъ можно, бо зачитавшись въ ней, пропадешь безбожно...» Почти въ тѣхъ же словахъ выражаетъ свои недоумѣнія по поводу библіи и одинъ изъ пріятелей «Разговора»: «мнѣ случалось и отъ нашихъ правовѣрныхъ духовныхъ и мірскихъ слышать, что у насъ библію читать кромѣ духовныхъ было запрещено, и нынѣ слышу многіе допущенія того не похваливаютъ, сказуя, что не разумѣя многіе отъ пути праведнаго заблуждаютъ въ безуміе и ереси впадаютъ». Другой собесѣдникъ въ отвѣтъ на это объясняетъ, что запрещеніе и боязнь читать библію есть черта церкви католической, а не православной, и приводитъ примѣры заботъ и вниманія къ библіи, которыя оказывали ей Іоаннъ IV и Алексѣй Михайловичъ; не забываетъ онъ помянуть и Петра: «Петръ же Великій, довольно разумѣя пользу въ знаніи закона Божія, прилежно Синодъ понуждалъ оную исправя со изъясненіями напечатать, токмо нерадѣніемъ въ духовныхъ, кои къ тому опредѣлены были, доднесь дождаться не могли»[1]).

Свидѣтельства о такомъ же отрицательномъ отношеніи къ библіи идутъ и изъ болѣе поздняго времени. Такъ, извѣстный мистикъ Лабзинъ вспоминаетъ, что «никто къ чтенію библіи не увѣщевался и никто не предполагалъ, что библія служитъ даже къ просвѣщенію разума; напротивъ того, самые набожные люди имѣли тогда несчастную мысль, что отъ чтенія священной сей книги люди съ ума сходятъ. Въ малолѣтствѣ моемъ я разъ наказанъ былъ отъ матери

---

[1]) Татищевъ, «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ», Чтенія Об. ист. и древ. росс., 1887, книга I, стран. 61—62.

моей изъ набожности за то, что читалъ библію и перелагалъ въ стихи плачъ Іереміи»[1]).

Грѣховной библіи мужикъ противопоставляетъ книгу какого-то пустынника. Изъ несовсѣмъ яснаго описанія этой книги мы все-таки можемъ представить себѣ ея общій характеръ. Это какая-то смѣсь средневѣковыхъ апокрифическихъ и quasi-научныхъ космографическихъ представленій и «праваго преданія отцовъ» по отношенію къ обрядовой сторонѣ религіи, возведенная на степень догмата вѣры. О такихъ-то именно книгахъ или объ авторахъ ихъ говоритъ съ насмѣшкой въ своихъ проповѣдяхъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ: «учители, желая славитися видомъ всякія премудрости, не довольно себѣ имѣютъ показывати искусство свое въ богословіи, чудныя воистину составляя догматы и священнымъ писаніемъ нарицая тетрати невѣдомыхъ авторовъ. Еще къ тому служитъ имъ и физика — о зачатіи, напримѣръ, младенца во чревѣ матерьнемъ, и грамматика — о нарѣчіи: вѣкомъ, а не вѣковъ, и о имени Іисусовѣ, и географія — о земномъ раи, о Римахъ, о Вавилонахъ, и ариѳметика — о аллилуіи, и архитектура — о дѣланіи крестовъ, и музыка — о церковномъ пѣніи, и мануфактура — о камилавкахъ и клобукахъ, и еще не знаю какая хитрость о сложеніи перстовъ, буде то не хиромантія; такъ много знаютъ оніи господа»[2]).

Что касается до брадобритія, париковъ, ношенія нѣмецкой одежды, то мы хорошо знаемъ, съ какимъ рвеніемъ и подчасъ насиліемъ старался Петръ ввести у насъ внѣшнее обличіе западно-европейской культуры. Знаемъ и то упорное сопротивленіе въ защиту этихъ догматизированныхъ символовъ православной вѣры, на которое ему пришлось натолкнуться. Отпоръ шелъ не только со стороны раскола и простого народа — противъ подобныхъ новшествъ горячо возставалъ въ своемъ «словѣ» и главный представитель русской церкви, послѣдній патріархъ Адріанъ. Нападеніе и защита переходили должныя границы: одна партія была готова ради старины нести свои головы на плаху, другая ради новизны рубить ихъ. «Въ 1704 году, караульный привелъ нижегородскаго посадскаго, простого рабочаго человѣка, который сказалъ за собой государево дѣло. «Государево дѣло за мною такое: пришелъ я извѣщать государю, что онъ разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть. О брадобритіи писано въ уложеніи соборномъ (Стоглавѣ). А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ, а гдѣ про то написано, того не знаю, потому что грамотѣ не умѣю. А кто табакъ пьетъ, и тѣмъ людямъ въ старые годы носы рѣзывали. А на Москвѣ у него, Андрея, знакомцевъ никого нѣтъ и сказанными словами къ государю его никто не подсылывалъ — пришелъ онъ о томъ извѣщать собою, по-

---

[1]) Сочиненія Кентемира, 1867 г., С.-Пб., т. I, стран. 179.

[2]) Слова и рѣчи Ѳеофана Прокоповича, С.-Пб., 1761, ч. II, стран. 114—115.

тому что и у нихъ въ Нижнемъ посадскіе люди многіе бороды бреютъ и нѣмецкое платье носятъ и табакъ тянутъ — и потому для обличенія онъ, Андрей, и пришелъ, чтобъ государь велѣлъ все то перемѣнить. Кромѣ того, за нимъ Андреемъ иного государева дѣла нѣтъ».

Ромодановскій предположилъ, что имѣетъ дѣло съ раскольникомъ; но обличитель сказалъ, что съ раскольщиками не знается. На пыткѣ онъ повторилъ то же самое. «Пришелъ я его, государя, обличать самъ собою; что онъ, государь, не дѣло дѣлаетъ, разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороду брить, платье носить нѣмецкое, и табакъ велитъ курить». На пыткѣ обличителя жгли огнемъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Въ дѣлѣ осталась помѣта: «а умре онъ, Андрей, по христіански»[1]).

Вполнѣ естественно, что этотъ вопросъ о брадобритіи, нѣмецкомъ платьѣ и т. п. не ограничился рамками только отвлеченной полемики въ богословскихъ противораскольничьихъ и раскольничьихъ сочиненіяхъ, въ обличеніяхъ и защитѣ старины, — онъ перешелъ на улицу, укрѣпился въ жизненномъ обиходѣ, вызывалъ оживленные толки и споры, иногда же кровавыя столкновенія и бунты. Это можетъ подтвердить длинный рядъ примѣровъ; ограничимся нѣсколькими. «Въ лѣто 1705, разсказываетъ Дмитрій Ростовскій, бывшу ми во градѣ Ярославлѣ въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцѣхъ, и во единъ отъ воскресныхъ дней, изъ церкви соборныя по святѣй литургіи изшедшу ми, и къ двору своему грядущу, два нѣкіи человѣки брадаты, но не стары, приступльше ко мнѣ, воззваша, глаголюще: Владыка Святый! какъ ты велишь, велятъ намъ по Указу Государеву брады брити, а мы готовы главы наши за брады наши положити: уне намъ есть, да отсѣкутся наши главы, неже да обріются брады наши. Азъ же нечаянному и внезапному вопросу тому удивихся и не возмогъ вскорѣ что отъ писанія отвѣщати, противу вопросихъ ихъ, глаголя: что отрастетъ, глава ли отсѣчепая или брада обріеная; они же усумнѣвшеся, и мало помолчавше, рѣша: брада отрастетъ, а главѣ ни. Азъ же рѣхъ имъ: уне вамъ есть не пощадити брады, яже и десятерицею бріема отрастетъ, нѣже потеряти главу, яже единою отсѣчена не отрастетъ никогда же, развѣ во общее всѣхъ мертвыхъ воскресеніе. То рекъ, идохъ въ келлію мою. Проводиша же мя мнози честніи граждане, и въ келлію со мною внидоша, и бысть въ насъ разглагольствіе довольно о брадобритіи и небрадобритіи.

И познахъ, яко мнози, иже по Указу Государеву обриша брады своя, сумнятся о спасеніи своемъ, аки бы потеряли образъ и подобіе Божіе, и не суть уже по образу Божію и по подобію, обритыхъ ради брадъ. Азъ же увѣщавахъ ихъ не сумнитися, сказуя, яко не въ брадѣ и зримомъ лицѣ человѣческомъ состоится образъ Божій и подобіе, но въ невидимой душѣ; еще же и сего ради никтоже да сумнится о спасеніи своемъ, понеже не по своему его произволенію, но по

[1]) Пыпинъ, Исторія русской литературы, т. III, стран. 307—308.

Указу Государеву дѣется брадобритіе. Подобаетъ же велѣнію тѣхъ, иже во властехъ суть, повиноватися въ дѣлѣхъ не противныхъ Богу, ни вреждающихъ спасенія»[1]).

Но дѣло не всегда кончалось такими мирными бесѣдами; протестъ противъ вводимой Петромъ новизны выражался иногда и въ формѣ активнаго возстанія. Одинъ изъ такихъ случаевъ особенно любопытенъ, такъ какъ онъ показываетъ взглядъ и отношеніе народа къ парикамъ. «Когда вспыхнулъ астраханскій бунтъ, въ грамотѣ бунтовщиковъ, разосланной къ окрестнымъ казакамъ, говорилось, по обыкновенію, о вѣрѣ христіанской, нарушенной брадобритіемъ, нѣмецкимъ платьемъ, табакомъ и проч. Затѣмъ разсказано, что «воеводы и начальные люди кумирамъ покланялись и насъ кланяться заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, чтобъ болванамъ кланяться, не хотѣли... и мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ». Въ Москвѣ любопытствовали знать, что такое за кумирскіе боги, о которыхъ писали астраханцы. Дѣло объяснилось: кумирами бунтовщики называли «столярной работы личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы для береженія, чтобъ не мялись»[2]).

Эта борьба двухъ противоположныхъ началъ нашла себѣ выраженіе и въ области народнаго художественнаго творчества. Въ сатирической картинкѣ «Какъ мыши кота погребаютъ» Петру I сильно достается, между прочимъ, и за брадобритіе, табакъ и т. п.

Изъ другого лагеря, но уже какъ продуктъ книжнаго творчества, вышли слѣдующія комическія сѣтованія раскольника:

И не токмо вѣру нашу стару, святу и Богомъ устроенну,
Стоглавьемъ Макарьевскимъ крѣпко утвержденну
Попрали, но и платье долгое ужъ премѣнили,
Еже апостоли святые и пророки носили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
И тое они откуду взяли, ей недоумѣваемъ,
И сказать о томъ истинно не знаемъ.
Что законъ и правила святыхъ возбраняютъ:
Свои брады на голо желѣзомъ обриваютъ.
Человѣцы ходятъ якъ облезяны:
Вмѣсто главныхъ волосовъ носятъ паруки, будто нѣмцы поганы»[3]).

Этотъ вопросъ о брадобритіи, одеждѣ и т. п., хоть и утратилъ пылъ и жгучесть первой схватки, но все-таки въ то время, когда Кантемиръ писалъ девятую сатиру, оставался еще во всей своей силѣ. Переходя къ дальнѣйшимъ разсужденіямъ мужика, мы видимъ, что онъ жалуется на появившуюся въ церкви новизну и разсуждаетъ о томъ, какъ должно ставить свѣчи передъ иконами, т.-е. о внѣшней обрядовой сторонѣ религіи.

[1]) Розыскъ о брынской вѣрѣ, М., 1824 г., стран. 298—299.
[2]) В. Покровскій, Историч. хрестом., ч. IV, стран. 77.
[3]) Сочиненія Кантемира, С.-Пб., 1867 г., т. I, стран. 10.

Наиболѣе горячую филиппику противъ подобныхъ разсужденій о новизнѣ мы найдемъ у Ѳеофана Прокоповича: «Не оный ли безумный упрямымъ и безотвѣтнымъ обычный отвѣтъ: дѣло новое. О студнаго и окаяннаго суесловія! Аще бы и новое се дѣло, что же самая новость вредитъ; вещи новыя, яко же и ветхія, ни отъ доброты, ниже отъ худости своея, но токмо отъ времене нарицаются: зло и старое зло есть, добро и новое добро есть. Еще же и сіе внуши и разсуди всякъ, что нѣкія вещи за самую ветхость похвалы своея лишаются, новость же сама собою ничего отнюдь не порочитъ. И есть ли бы за самую новость охуждати подобало, то ничто же останется, чего бы уничтожить и безчестить не подобало. Все бо, что ни есть старое, было иногда новое; поищи коея бо вещи старыя и предревнія начала, въ началѣ своемъ была она новая»[1]).

По отношенію къ частному явленію говоритъ о новизнѣ и Дмитрій Ростовскій: «Явственно является безуміе нѣкоторыхъ человѣкъ, которые, егда икона новая, не хотятъ почитати, аще же старая и окоптѣлая, или и новая, когда окоптятъ дымомъ, то почитаютъ. И таковые не изображеніе первообразнаго почитаютъ, но дымъ и черноту, грязь и закоптѣлость, послѣдовательнѣ же не суть христіане, но идолопоклонники. Еще-жъ отъ предреченныхъ и тѣхъ безуміе показуется, которые, егда на доскѣ изображеніе бываетъ, почитаютъ, аще же на бумагѣ, или холстѣ, или иной вещи каковой, то не хотятъ и почитати. И таковые не изображеніе почитаютъ, но доску и древо, и въ идолопоклонники вмѣнятся, не знающе, что и Самъ Христосъ Господь свое изображеніе даде царю Авгарю не на доскѣ, но на убрусѣ... Аще бы кто и діавола изобразилъ и закоптилъ, то бы и діавола иный не знаючи почиталъ и кланялся ему. Или якоже нынѣшнихъ временъ нѣкоторые господа стыждаются въ домахъ своихъ поставляти икону Христову или Богородичну, но уже нѣкія безстыдныя поставляютъ изображенія Венеры, или Діаны, или прочихъ ветхихъ кумировъ, или и новыхъ: напримѣръ, королеву или Гишпанскую, или Аглинскую, или Французскую, и аще бы невѣжа пришелъ и такая нечистивая изображенія уже закоптѣлая увидѣлъ... могъ бы имъ кланятися»[2])...

Какъ бы обращаясь къ мужику, изображенному Кантемиромъ, говоритъ въ своемъ «Зерцалѣ» и Посошковъ: «Паки и сіе откуду вы взясте, еже на святыя новоисправныя книги востасте? Что вы зло и развращенно въ нихъ обрѣтосте: ереси ли какія, или нарушеніе христіанскія вѣры? И въ свое ли дѣло вступаете, еже за учеными людьми смотрити? Яко бы мордвинъ слѣпъ въ книжномъ писмени, подобнѣ и ваше разумѣніе противо высокоученыхъ людей. Азъ вамъ сказую: свойственно есть совершенство знати: святителю во святительствѣ, воину въ воинномъ дѣлѣ, пахарю въ пашнѣ, и ху-

---

[1]) Правда воли монаршей, М., 1726, л. 29.

[2]) Сочиненія Дм. Ростов., Кіевъ, 1857, т. III, ст. 158—159.

дожницы аще кой въ чемъ пребываетъ, той того дѣла совершенство и знаетъ. Подобнѣ и въ книжномъ художествѣ: той склоненія и падежи реченій и сочиненій силу и разумѣетъ, кто науки доступилъ. А простцу, земледѣльцу или купцу, како мощно то разумѣть, чего у него въ головѣ нѣтъ?»[1]).

Что же касается до отношенія къ внѣшней формѣ обряда, какъ къ непреложному догмату вѣры, то съ этимъ исконнымъ явленіемъ боролись еще заволжскіе старцы и Максимъ Грекъ. Въ полной силѣ продолжало оно существовать и во времена Кантемира, вызывая, естественно, горячій протестъ его единомышленниковъ. Вотъ отрывокъ, взятый изъ проповѣди Ѳеофана Прокоповича: «окаяннііцы суть, которіи въ попеченіяхъ житейскихъ погрязше, ни о чемъ не помышляютъ, что къ животу вѣчному вѣдати и содержати нуждно, а однако христіанскимъ именемъ украшаютъ себе, но именемъ токмо, а не дѣломъ. Ибо что видятъ христіаномъ обычное, внѣшнее, церемоніи или обряды, ходити, напримѣръ, въ церковь, хранити посты уставленныя, весело проводити праздники, вжигати свѣщи, употребляти крестное знаменіе и прочая, то и сами они дѣлаютъ, но дѣлаютъ, какъ мартышки, внѣшній видъ только христіанства изобразуя на себѣ, а внутренняго духовнаго отнюдь не имѣя»[2]).

Все жъ то се еще сотникъ плесть безмозгло смѣетъ;
Все вретъ, хоть слова складно молвить не съумѣетъ.
Кто жъ опишетъ, которы по грамотѣ бродятъ?

Съ этими словами Кантемиръ переходитъ къ новому типу — книжника-начетчика.

Тѣ-то суевѣріе все въ народѣ родятъ;
Отъ сихъ безмозглыхъ головъ родятся расколы;
Всякой простонародной въ нихъ корень крамолы;
Что же вянетъ, то у нихъ въ самомъ живомъ цвѣтѣ.
Тая-то вещь и мнѣ мнится всѣхъ смѣшнѣе въ свѣтѣ.
Нутко скажи такому, что всякъ день воскресный
Не въ пьянствѣ должно справлять во всей поднебесной,
Но лучше бъ въ ученіяхъ церковныхъ медлѣти,
Нежъ на кабакахъ пьянымъ безчинно шумѣти:
То ужъ онъ то понесетъ представлять резоны,
Что съ ума тя собьетъ, хоть ты какъ будь ученый.
Вынетъ тебѣ съ сундука тетради цѣлыя,
Предложитъ исторіи всѣ сполна святыя,
Не минетъ и своего отца Аввакума...

Лучшую параллель и поясненіе къ подобнаго рода доморощеннымъ грамотеямъ мы найдемъ опять-таки у Ѳеофана Прокоповича: «И жалостно и смѣшно видѣть», говоритъ онъ, «когда человѣкъ, перомъ только пачкати и нѣчто по книгамъ слѣпати навыкшій, въ бого-

[1]) Сочиненія Посошкова, М., 1863, стран. 193.
[2]) Слова и рѣчи Ѳеоф. Прок., С.-П., 1761, ч. II, стран. 247.

словская дѣла вступивъ, учнетъ вракати и сказывати о бозѣ, о Ангелахъ, о бѣсахъ, и что любо и что нелюбо богу, и что хранити надобно къ щастію, и что къ обереженію отъ чаровъ, и кія дни къ таковому, и кія къ другому дѣлу угодныя, и которыя псалмы или молитвы сильнѣйшія и прочія безмѣстныя басни; да о всемъ томъ такъ смѣло и дерзновенно пустословитъ, будто онъ восхищенъ былъ до третьяго небесе, и тамо всему тому научился. Часто вспоминаетъ священная писанія, а думаетъ о тетрадкахъ Аввакумовыхъ, или другихъ подобныхъ; часто на святыхъ отецъ шлется, хотя доселѣ и вѣдомости не получилъ, кто, и гдѣ они; многажды въ разговорахъ бредивъ, довольно восклицаетъ: глубина богословіи! великое дѣло богословія! А онъ такъ знаетъ ту богословію, какъ Колмыки архітектуру»[1].

Рѣчи книжника представляютъ въ общемъ мало новыхъ историко-бытовыхъ данныхъ, являясь повтореніемъ, лишь въ иной фразеологіи, уже разсмотрѣнныхъ положеній и сужденій мужика. Стоитъ остановиться лишь на одномъ, широко распространенномъ обычаѣ, который отмѣтилъ Кантемиръ — о пьянствѣ въ воскресные дни. Борьба съ этимъ обычаемъ шла на Руси уже издавна; естественно, что его не могли миновать и современники и единомышленники Кантемира. Такъ, Өеофанъ Прокоповичъ составилъ рукодовство для проповѣдниковъ: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ». Указывая различныя темы для поучительныхъ словъ и проповѣдей богословскаго, догматическаго характера, Прокоповичъ останавливается и на томъ, чего должно «хранитися, что божіе чести противно есть». Въ этомъ отдѣлѣ онъ прежде всего запрещаетъ «праздники проводити въ пьянствѣ и прочихъ безчиніяхъ»[2].

Отъ книжника Кантемиръ переходитъ къ изображенію современнаго пастыря:

Хочетъ ли кто божьихъ словъ въ церкви поучиться
Отъ пастыря, то я въ томъ готовъ поручиться,
Что, ходя въ церковь, не разъ потомъ обольется,
А чуть-ли о томъ отъ нихъ и слова добьется.
Если жъ бы онъ подошелъ къ попу на кружало,
То ужъ тамъ однихъ ушей будетъ мало,
Не переслушаешь рѣчь его медоточну:
Опишетъ онъ тамъ кругомъ церковь всю восточну.
Да какъ? Не ученіемъ вѣдь здравымъ и умнымъ,
Но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ съ вина шумнымъ,
Плететъ тутъ безъ разсмотру и безъ стыда враки;
Въ первыхъ, какъ онъ искусенъ всѣ свершать браки,
Сколько разъ коло стола обводити знаетъ
И какой стихъ за всякимъ ходомъ припѣваетъ.
То все это разсказавъ, станетъ поучати,
Какъ съ честью его руку должно цѣловати.

---

[1]) Слова и рѣчи Өеофана Прокоповича, С.-Пб., 1761 года, ч. II, стран. 245—246.
[2]) Богословскія сочиненія Ө. Прокоповича, С.-Пб., 1774, ч. IV, стран. 269.

«Не знаю (говоритъ), какъ тѣ люди спасутся,
Что давать намъ на церковь и съ деньгами жмутся.
Вѣдь не съ добра моя въ заплатахъ де ряса;
Вонъ дома назавтрѣ нѣтъ на что купить мяса,
Все де чортъ склонилъ людей и съ нѣмцами знаться.
О проклятые! за что насъ дарить скупятся?
Какъ такіе исцѣлятъ души своей раны,
Что не трепещутъ смѣло знаться съ бусурманы?
Каки бъ они ни были, да только не русски;
Надобно ихъ отбѣгать; ужъ въ нихъ путь не узкій,
Но широкія врата къ пагубѣ доводятъ,
Они жъ, не смотря на то, смѣло туда входятъ!...

Въ этой мрачной характеристикѣ священника краски противъ дѣйствительности нисколько не сгущены: Посошковъ и Дмитрій Ростовскій никогда не шли такъ далеко, въ вопросахъ религіозныхъ особенно, какъ Татищевъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ; они никогда не были ни вольнодумцами, какъ первый, ни свѣтскими людьми въ духовномъ одѣяніи, какъ второй. Тѣмъ не менѣе и они даютъ такую же печальную картину, какъ и сатира Кантемира. «Въ духовномъ чину аще будутъ люди неученые, — говоритъ Посошковъ, — и въ писаніи неискусные, и вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе, и воли Божіей неразумѣющіи, ктому же аще будутъ пьяницы и инаго всякаго безумія и безчинства наполнены, то благочестивая наша христіанская вѣра вся исказится и весьма испразнится, и вмѣсто древняго единосогласнаго благочестія вси разыдутся въ разногласные расколы и во иныя еретическія вѣры...»[1]) «А нынѣ истинно таковыхъ пресвитеровъ много, что не то, чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знаютъ, что то есть реченіе вѣра, и не до сего ста, но есть таковые, что и церковные службы, како прямо отправити, не знаютъ; да и знать не почему...»[2]) Это — общія положенія и взгляды Посошкова, навѣянныя дѣйствительностію; но онъ приводитъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній и частные примѣры, которые и легли въ основаніе столь отрицательнаго отношенія къ современному духовенству: «Видѣлъ я въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома боярина Льва Кирилловича Нарышкина, что и Татаркѣ противъ ея заданія отвѣту здраваго дать не умѣлъ, что же можетъ рещи сельской попъ, иже и вѣры христіанскія, на чемъ основана, не вѣдаетъ...»[3]) «Въ Новѣгородѣ видѣлъ я прошлаго 720 года новоставленника такова въ діаконствѣ на литургіи, не могъ единыя страницы въ евангеліи прочести, еже бы разовъ пяти-шести не помѣшатися...»[4]) «Мертвъ есть предъ Богомъ той», обращается къ пастырямъ и Дмитрій Ростовскій, «иже имя токмо и санъ пастырства носитъ, а должности пастырской не исполняетъ; должность же пастырская первая есть та, еже учити

---

[1]) Сочиненія Посошкова, М., 1842, стран. 9.
[2]) Тамъ же, стран. 13.
[3]) Тамъ же, стран. 10.
[4]) Тамъ же, стран. 19.

полезно, грѣхи человѣчески истребляющи, на путь же спасенія наставляющи... Не токмо же подобаетъ пастырю быти разумну, въ Божественномъ Писаніи искусну и учительну, но и житіемъ добродѣтельну и святу: не довлѣетъ бо словесныя овцы учити токмо словомъ, но и добраго по Бозѣ житія образомъ»[1]).

Это опять-таки разсужденія общаго характера, но вотъ и реальный жизненный случай, который передаетъ тотъ же Дмитрій Ростовскій и который произошелъ при посѣщеніи имъ одной сельской церкви: «Егда же вопросихъ тамошняго попа: гдѣ суть животворящія Христовы Тайны? Попъ той не уразумѣ словесе моего и яко недомышляяй стояше, молча. Паки рѣхъ: гдѣ тѣло Христово?—попъ же ни сего словеси познати можаше. Егда же единъ отъ со мною бывшихъ искусныхъ іереовъ рече къ нему: гдѣ запасъ? Тогда онъ иземъ отъ угла сосудецъ зѣло гнусный, показа въ немъ хранимую оную въ небреженіи толь велію святыню»[2]).

Кантемиръ въ своей сатирѣ надѣляетъ священника пятью характерными свойствами: безмолвіемъ въ церкви (т.-е. отсутствіемъ поученій), разговорчивостью въ кружалѣ и пьянствомъ, тяготѣніемъ къ внѣшней обрядности, сребролюбіемъ и ненавистью къ «нѣмцамъ».

Объ отсутствіи поученій въ церкви можно уже догадаться по приведеннымъ выше выдержкамъ изъ сочиненій Посошкова и Дмитрія Ростовскаго, рисующихъ духовенство въ столь непривлекательномъ видѣ. Гдѣ тутъ думать о пастырской проповѣди, когда и обычныя церковныя службы отправлялись иногда очень рѣдко: «А нынѣ всѣ сельстіи попы», говоритъ Посошковъ, «аще у коея церкви попа и два-три, то мало церковной службы у нихъ бываетъ. Въ Новогородскомъ уѣздѣ, въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть: у тоя церкви три попа, да дьяконъ, а на Святую Пасху только по два дни литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на Святой недѣлѣ прежде сего не бывало, то де тебя попаслись, что двѣ обѣдни были; и жилъ я ту недѣлю, ничимъ ни отмѣнну отъ простыхъ недѣль: ни обѣденъ, ни вечерень, ни утренnихъ не было. А у коихъ церквей по одному попу, то, чаю, и во весь годъ обѣденъ десятка другого не отслужитъ; понеже аще пашни ему не пахать, то голодну быть»[3]).

И Дмитрій Ростовскій на безмолвіе пастырей смотритъ, какъ на обычное явленіе своей эпохи: «Оле окаянному времени нашему!» — говоритъ проповѣдникъ, «яко отнюдь пренебрежеся сѣяніе, весьма оставися слово Божіе, ниже радитъ кто о души своей и о ближняго. Сѣятели не сѣютъ, а земля не пріемлетъ; іереи небрегутъ, а людіе заблуждаютъ; іереи не учатъ, а людіе не слушаютъ, ниже хотятъ слушати. Отъ обою страну худо: іереи глупы, а люди неразумны.

---

[1]) Сочиненія Дмитрія Ростовскаго, Кіевъ, 1857 года, ч. III, стран. 371.
[2]) Шляпкинъ, Дмитрій Ростовскій и его время, стран. 325—326.
[3]) Сочиненія Посошкова, М., 1842 года, стран. 27.

Пастыри заблуждаютъ, а овцы за ними не вѣдаютъ, камо бредутъ: слѣпые слѣпыхъ водятъ и купно въ яму впадаютъ»[1]).

Заботу о церковной проповѣди найдемъ мы и въ Духовномъ Регламентѣ: «понеже мало есть противно толикаго Россійскія Церкве многонародія таковыхъ пресвитерей, которые бы наизусть могли проповѣдать догматы и законы священнаго писанія, то всеконечная нужда есть имѣти нѣкія краткія и простымъ человѣкомъ уразумительныя и ясныя книжицы, въ которыхъ заключится все, что къ народному наставленію доволно есть, и тыя книжицы прочитовать по частемъ въ недѣльныя и праздничныя дни въ церквѣ предъ народомъ... А такъ вся оныя чтомыя части раздѣлить, чтобъ всѣ три книжицы могли быть прочтены въ четверть года. Ибо тако услышитъ народъ вся нуждная своя наставленія четырежды въ годъ, и возможетъ слышанная добрѣ памятовать»[2]). Въ тѣсной связи съ этимъ пожеланіемъ Духовнаго Регламента и стоитъ, отмѣченное выше, пособіе для проповѣдниковъ Ѳеофана Прокоповича: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ».

Что же касается до пьянства духовенства, то дѣйствительность представляла не менѣе печальную картину, чѣмъ сатира Кантемира. Духовный Регламентъ предписываетъ епископамъ наблюдать: «не безчинствуютъ ли священницы, и діаконы, и прочіи церковники, не шумятъ ли по улицамъ пьяни, или, что горшее, не шумятъ ли пьяни въ церквахъ..., не ссорятся ли помужичью на обѣдахъ, не истязуютъ ли въ гостяхъ потчиванія (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ, и за таковые вины жестоко ихъ наказывати. Но и сіе прилѣжно имъ заповѣдать епископъ долженъ, чтобъ... не ходили простовласы, не ложились бы спать по улицамъ, не пили бъ по кабакамъ, не являли бы въ гостяхъ силы и храбрости къ питію, и прочая симъ подобная. Таковая бо неблагообразія показуютъ ихъ быти ярыжными, а они поставлены пастырми и отцами въ народѣ»[3]). Почти въ такихъ же словахъ говоритъ объ этомъ и Посошковъ: «аще кой пресвитеръ, напившися до пьяна по улицѣ ходя, или гдѣ и сидя, будетъ кричать нелѣпостно и бранно, и сквернословити и дратися съ кѣмъ, или пѣсни пѣть, то таковыхъ имать, и въ архіерейской приказъ отводить... А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шелъ бы во утишное мѣсто и выспался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ, что онъ пьянъ. А буде кой попъ или діаконъ, паче же аще инокъ, пойдетъ пить на кабакъ или въ корчму, то таковыхъ надлежитъ наказать сугубо, дабы на духовный чинъ пороку не наносили»[4]). «А иногда

---

[1]) В. Покровскій, Историч. хрестоматія, ч. IV, стран. 260.

[2]) Духовный Регламентъ, С.-Пб. 1761 года, л. 16—19.

[3]) Тамъ же, приб., л. 24.

[4]) Сочиненія Посошкова, М., 1842, стран. 21.

случается и то,—добавляетъ Дмитрій Ростовскій,—что духовнаго чина люди, будучи пьяныи, бранятся, сквернословятъ, дерутся во храмѣ и святомъ олтарѣ. Тогда поистиннѣ храмъ Божій не храмъ Божій, но вертепъ разбойникомъ бываетъ»[1]).

Еще задолго до сатиры Кантемира на этотъ порокъ духовенства отозвалась сатира народная: «мечуще одѣяніе свое, ходящи безпрестани на корчму, другъ къ другу глаголаху съ похмѣлья попы и діаконы, складъ чиняху и на медъ посылаху на ведро, глаголюще: пропьемъ однорядку темнозеленую, да повеселимся; не пощадимъ кафтана зеленаго, сорокоустными деньгами окупимся. Сице попы помышляюще пьяные, коего бы мертвеца съ зубовъ одрать. Черными сермягами оболчемся и у мужиковъ въ братчинахъ пропьемъ и отъ попадей журьбы убѣжимъ... Что ти принесемъ, веселая корчмо! Каждый человѣкъ различныя дары тебѣ приноситъ, со усердіемъ сердца своего. Попы и дьяконы — скуфьи и шапки, однорядки и служебники; чернцы—монатьи, рясы, клобуки и свитки и вси вещи келейныя»[2]). Но ни сатира, ни обличенія, ни болѣе реальныя мѣры, какъ, напр., старанія правительства и частныхъ лицъ поднять уровень образованія, не искоренили этого порока. И много позже, говоря объ «обязанностяхъ духовенства» и сравнивая наше духовенство съ лютеранскимъ, Ломоносовъ съ горечью замѣчалъ: «а у насъ при всякой пирушкѣ по городамъ и по деревнямъ попы первые пьяницы. И не довольствуясь тѣмъ, съ обѣда по кабакамъ ходятъ, а иногда и до крови дерутся»[3]).

О пристрастіи къ внѣшней обрядности было уже сказано раньше, поэтому можно прямо перейти къ остальнымъ двумъ свойствамъ, которыя характеризуютъ пастыря въ сатирѣ Кантемира — къ корыстолюбію и ненависти къ иноземцамъ. Съ первымъ, широко распространеннымъ зломъ рѣшительно борется «Духовный Регламентъ»; онъ предписываетъ епископамъ слѣдить, чтобы «за дѣло служенія своего, напримѣръ, за крещеніе, вѣнчаніе, погребеніе, и прочее, не дѣлали бы іереи торгу, но довольны бы были подаваемымъ доброхотно награжденіемъ. Сіе наипаче наблюдать въ сорокоустахъ, за которые великія цѣны попы домогаются (хотя бы ихъ и не прошено о томъ, но и сами они часто сорокоустовъ служить не думаютъ, а насильно платы, будто пошлины за смерть, истязуютъ). Сіе едино зло, аще который епископъ укращать пренебрежетъ, довольную подастъ причину, звать себе на судъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ»[4]). Въ болѣе общихъ чертахъ и въ болѣе мягкой формѣ обращается къ духовенству съ подобнымъ же упрекомъ въ своихъ проповѣдяхъ и Дмитрій Ростовскій: «...Что тя приведе въ чинъ священный, то ли, дабы спасти себе и инѣхъ? Никакоже, но чтобъ

---

1) Сочиненія Дмитрія Ростовскаго, Кіевъ, 1857, ч. II, стран. 114.
2) Викторовъ, Описаніе рукописей Бѣляева, М. 1881, стран. 33—36.
3) Тихонравовъ, Лѣтоп. русс. лит., кн. II, «Объ обязанности духовенства».
4) Духовный Регламентъ, С.-Пб., 1761, приб. л. 20—21.

прокормить жену, и дѣти, и домашнія. И то правда, яко служащіи олтарю, отъ олтаря должны питатися; обаче аще кто самаго ради токмо препитанія, а не болѣе славы ради Божія и спасенія ради душъ человѣческихъ и своего идетъ въ тотъ чинъ, въ таковомъ трудно сыскать Христа. Разсмотри себе всякъ, о освященный человѣче! что ты мыслилъ еси, приходя въ чинъ духовный? Спасенія ли ради шелъ еси или ради покормки, чѣмъ бы питать тѣло? Поискалъ Іисуса не для Іисуса, но для хлѣба куса»[1]).

По отношенію къ иноземцамъ трудно подыскать такіе же примѣры, которые могли бы служить дополненіемъ къ образамъ Кантемира. Но всѣ современники его, показаніями которыхъ мы до сихъ поръ пользовались, единодушно стоятъ на точкѣ зрѣнія сатирика и не видятъ никакой бѣды въ сношеніяхъ съ «нѣмцами». Дмитрій Ростовскій хвалитъ «добрый той нынѣшнихъ временъ обычай, что многіе люди въ иныя государства ходятъ ученія ради: изъ-за морей бо умудренніи возвращаются»[2]); Ѳеофанъ Прокоповичъ посвящаетъ защитѣ путешествій цѣлыя проповѣди и рекомендуетъ иностранныхъ учителей въ проектѣ учрежденія духовной академіи; о томъ же говоритъ Татищевъ въ своей «Духовной» и «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ» (вопросъ 74); даже консервативный Посошковъ, искренній ненавистникъ Лютера, и тотъ совѣтуетъ брать хорошее отовсюду, лишь бы оно было пригодно, хотя бы даже и изъ турецкаго судебника.

Упомянувши вкратцѣ о «простолюдинахъ», съ которыхъ нечего много и спрашивать, какъ съ людей, не имѣющихъ передъ собой примѣра и не слышащихъ ни отъ кого слова поученія, Кантемиръ переходитъ къ типу купца.

Смотри: купецъ, украшенъ въ поясъ бородою,
Въ святомъ и платьѣ ходитъ, только не съ клюкою,
Во всемъ правдивъ, набоженъ: пріидетъ до иконы,
Полъ весь заставитъ дрожать, какъ кладетъ поклоны!
И чаялъ бы ты, что онъ весь въ правости важенъ;
Погляди жъ завтрѣ ажъ гдѣ? въ тюрьмѣ ужъ посаженъ.
Спросишь: «за что тутъ мужъ сидитъ святой и старый?»
Воровствомъ безъ пошлины провозилъ товары.
Эдакой святецъ вотъ что дѣлаетъ безгрѣшный,
Къ Богу лицемѣръ, къ власти воръ и хищникъ спѣшный!

Лучшимъ комментаріемъ къ этому художественному образу могутъ служить сочиненія Посошкова. Онъ даетъ и общую картину состоянія современнаго ему купечества: «купечество у насъ въ Россіи чинится вельми неправо; другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ добрыми, и вмѣсто добрыхъ продаютъ худые, а цѣну берутъ не прямую, и между собою союзства нималаго не имѣютъ, друга друга ѣдятъ, и тако вси погибаютъ, а

---

[1]) Сочиненія Дмитрія Ростовскаго, Кіевъ, 1857, ч. II, стран. 119.
[2]) Тамъ же, стран. 43.

въ зарубежныхъ торгахъ компанства между собою не имѣютъ и у иноземцевъ товары покупаютъ безъ согласія своего товарищества»[1]. Онъ же и объяснитъ, насколько неслучайнымъ штрихомъ въ сатирѣ Кантемира было то, что купецъ посаженъ въ тюрьму за безпошлинный провозъ товаровъ. «Я о семъ всесовершенно знаю», говоритъ Посошковъ, «что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ похочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся, и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти-шти имѣютъ у себя торгу, а Великому Государю не платятъ не по деньгѣ[2])».

Что же касается до внѣшней святости и лицемѣнія, то это было довольно обычной темой для проповѣдей Дмитрія Ростовскаго и Ѳеофана Прокоповича.

Да что жъ надъ симъ дивиться, сей обычной моды?
Вонъ дивись, какъ ученія заводятъ заводы:
Строятъ безмѣрнымъ коштомъ тутъ палаты славны;
Славятъ, что ученія будутъ тамо главны;
Тщатся хоть именемъ умножить къ нимъ чести
(Коли не дѣломъ); пишутъ печатныя вѣсти:
«Вотъ завтра ученія высоки зачнутся,
Вотъ ужъ и учители заморски сберутся:
Пусть какъ можно всякъ скоро о себѣ радѣетъ,
Кто оныхъ обучаться охоту имѣетъ».
Иной бѣдный, кто сердцемъ учиться желаетъ,
Всѣми силами къ тому скоро поспѣшаетъ,
А пришедъ, комплементовъ увидитъ не мало.
Высокихъ же наукъ тамъ стѣни не бывало.

«Вѣроятно, Кантемиръ имѣетъ здѣсь въ виду Академію наукъ, которая въ то время совмѣщала въ себѣ гимназію, университетъ и академію наукъ въ собственномъ смыслѣ. Здѣсь, по мысли Петра Великаго, ученые иностранцы должны были заниматься съ слушателями «изъ славянскаго народа». Къ сожалѣнію, иностранные ученые, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, почти совершенно уклонились отъ исполненія одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей, указанныхъ регламентомъ Петра — отъ преподаванія въ академической гимназіи и университетѣ. Молодые люди, являвшіеся сюда для образованія, «не имѣли въ наукахъ никакого наставленія»; съ самаго основанія академіи (1725 г.) до 1733 не было въ ней ни одного русскаго студента, который бы слушалъ лекціи профессоровъ»[3]).

Какое горячее вниманіе оказывали заботамъ о просвѣщеніи и Посошковъ, и Дмитрій Ростовскій, и Ѳеофанъ Прокоповичъ — фактъ

---

[1]) Сочиненія Посошкова, М., 1842, стран. 5.
[2]) Тамъ же, стран. 116.
[3]) Сочиненія Кантемира, С.-Пб., 1867, т. I, стран. 184—185.

общеизвѣстный. Поэтому отмѣтимъ здѣсь лишь, какъ наиболѣе близкую параллель къ сатирѣ Кантемира, размышленія Татищева о печальномъ положеніи Академіи наукъ въ его «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ»[1]).

Отъ Академіи Наукъ Кантемиръ переходитъ къ общей картинѣ грустнаго состоянія Россіи, особенно останавливаясь на неправосудіи и взяточничествѣ, и, нѣсколько повторяясь, изображаетъ подъячаго и деревенскаго лицемѣра.

Комментаріемъ къ этой части его сатиры могутъ служить уже не литературныя данныя писателей современниковъ, а самая ихъ жизнь. Въ сочиненіяхъ Посошкова, напримѣръ, можно найти не мало автобіографическихъ указаній, которыя ясно покажутъ, какимъ притѣсненіямъ подвергался онъ отъ приказныхъ и иныхъ людей, какъ тщетно искалъ правосудія, а иногда и боялся искать его; въ концѣ концовъ за свою литературную дѣятельность онъ попалъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Также и Кантемиръ послѣ смерти своего отца остался круглымъ бѣднякомъ, несмотря на то, что отецъ именно Антіоха и прочилъ въ свои наслѣдники, какъ самаго даровитаго изъ трехъ братьевъ.

Этимъ можно закончить разборъ девятой сатиры. Многочисленныя выдержки изъ другихъ литературныхъ памятниковъ той эпохи достаточно убѣдительно доказываютъ, что въ этой сатирѣ нѣтъ ни одной черты, которая была бы надуманной или фальшивой, которая не являлась бы отраженіемъ дѣйствительной жизни.

Съ другой стороны ясно и то, что мысли и чувства Кантемира были направлены на тѣ же явленія, которыя привлекали къ себѣ вниманіе и его лучшихъ современниковъ. Сходство между ними шло даже дальше одной только отвлеченной идеологіи. Какъ лучшіе дѣятели Петровской реформы, они прилагали или, по крайней мѣрѣ, старались приложить свои силы и къ чисто практической дѣятельности въ духѣ Петра. Посошковъ, будучи уже старикомъ, рѣшаетъ «завести коломинковую и полотняную фабрику, въ Новгородѣ, своимъ коштомъ»; Дмитрій Ростовскій устраиваетъ у себя въ Ростовѣ архіерейскую школу, въ которую вкладываетъ много труда и заботъ; заводитъ у себя школу и Ѳеофанъ Прокоповичъ, при чемъ ея ученики живутъ на его иждивеніи; Кантемиръ горячо стремится занять мѣсто президента Академіи Наукъ, чтобы поднять это учрежденіе и придать ему то значеніе, которое оно должно было бы имѣть по мысли Петра.

Но почти полная аналогія между сатирой Кантемира и другими литературными произведеніями той же эпохи не можетъ ли говорить о томъ, что Кантемиръ нападалъ на явленія, давно уже всѣми считавшіяся отрицательными, что его сатира есть рядъ трюизмовъ и что онъ ломился въ открытыя двери? Отвѣтъ на это можетъ быть

---

[1]) Чтенія Об. ист. и др. росс., 1887, кн. I, стран. 110—112.

только отрицательный. Людей, думавшихъ такъ же, какъ и Кантемиръ, было очень немного, а осмѣиваемое имъ зло царило въ полной своей силѣ. Не даромъ Посошковъ, говоря о дѣятельности Петра I, прибѣгаетъ къ такому образному сравненію: «Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то како дѣло его споро будетъ»[1])?

Къ числу такихъ немногихъ «пособниковъ», если не самого Петра, то его дѣла принадлежалъ и Кантемиръ.

И опять-таки интересно отмѣтить слѣдующую черту сходства въ жизни этихъ дѣятелей и ихъ тѣсную связь съ личностью самого Петра. Умираетъ Петръ, — и Посошкова сажаютъ въ тюрьму; Ѳеофанъ, несмотря на званіе первоприсутствующаго въ Синодѣ, съ минуты на минуту ждетъ своего паденія и не можетъ уже по прежнему защищать и разъяснять смыслъ петровскихъ преобразованій, а Кантемиръ становится бѣднякомъ и не смѣетъ подписать свое имя подъ сатирами, которыя съ такимъ восторгомъ бы встрѣтилъ Петръ I.

К. Покровскій.

Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Кантемира въ лексическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ.

31 марта минувшаго 1894 г. исполнилось 150 лѣтъ со дня смерти родоначальника русской сатиры, князя Антіоха Дмитріевича Кантемира, со времени котораго въ русской литературѣ окончательно утвердились два направленія: положительное и отрицательное. Какъ представитель второго изъ названныхъ направленій, Кантемиръ имѣлъ многихъ послѣдователей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательными дѣятелями, безспорно, являются такіе писатели, какъ Новиковъ, Фонвизинъ, Грибоѣдовъ, Крыловъ и Гоголь. Давъ русской литературѣ образцы эпоса, басни, лирики, эпиграммы, князь Кантемиръ, завершающій, такъ сказать, по формѣ своихъ произведеній, древній періодъ русской письменности и, по содержанію ихъ, начинающій исторію новой русской литературы, особенно прославился сатирами[2]) и, путемъ изображенія современной русской дѣйствительности[3]), сбли-

[1]) Сочиненія Посошкова, М., 1842 г., стран. 95.

[2]) Отсутствіе реторики, остроуміе, наблюдательность, яркія и вѣрныя картины современнаго сатирику общества, отсутствіе желчнаго негодованія, легкая насмѣшка и иронія, правдивость, неизмѣнно ровное одушевленіе и возвышенность идеаловъ автора — характеристическія особенности сатиръ Кантемира, постоянно думавшаго о важности распространенія образованія среди современнаго ему русскаго общества и глубоко сознававшаго вообще силу и значеніе науки.

[3]) Начавъ съ обличенія невѣжества, Кантемиръ затѣмъ въ своихъ сатирахъ представилъ полную картину современной ему дѣйствительности, подмѣтивъ при этомъ достойныя обличенія черты во всѣхъ классахъ русскаго общества (администраціи, духовенствѣ, дворянствѣ, купечествѣ и крестьянствѣ).

зилъ литературу съ жизнью, хотя и сохранилъ несвойственный русскому языку силлабическій размѣръ [1]), которымъ писали духовные стихи Петръ Могила, Димитрій Ростовскій, Симеонъ Полоцкій и др. Переводы Горацiевыхъ писемъ стихами безъ риѳмъ, съ приложеніемъ замѣчаній Кантемира о русскомъ стихосложеніи, а также переводы «Одъ Анакреонтовыхъ», въ связи съ сатирами *«рогатаго пророка»*, свидѣтельствуютъ о тяжелой и упорной борьбѣ Кантемира съ трудностями языка, совершенно неразработаннаго во время литературной дѣятельности Антіоха Дмитріевича, понимавшаго необходимость сближенія литературнаго языка съ русскою народною рѣчью и важность освобожденія его отъ тѣхъ элементовъ, которые препятствовали надлежащему развитію и совершенствованію русскаго литературнаго языка въ соотвѣтственномъ направленіи. И дѣйствительно, въ перечисленныхъ литературныхъ трудахъ Кантемира постоянно встрѣчаются чисто русскіе обороты рѣчи, а иногда даже и образная народная рѣчь, исполненная древне-русскихъ выраженій и словъ, при чемъ языкъ произведеній русскаго сатирика, вообще представляющій собою замѣчательное явленіе въ исторіи постепеннаго развитія и совершенствованія русскаго литературнаго языка, не имѣетъ, можно сказать, ничего общаго ни съ полуславянскимъ ни съ полупольскимъ языкомъ того времени [2]). Въ виду сказаннаго, изученіе главнѣйшихъ особенностей языка и слога произведеній Кантемира представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ при разсмотрѣніи постепеннаго развитія и совершенствованія русскаго литературнаго языка въ произведеніяхъ отечественныхъ писателей. Указаніе главнѣйшихъ особенностей языка и слога произведеній Кантемира и составляетъ задачу настоящаго очерка, при изданіи котораго имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду то, что для изученія особенностей языка и слога произведеній Кантемира въ среднеобразовательной школѣ нѣтъ до настоящаго времени никакихъ пособій, не смотря на то, что, согласно требованіямъ учебныхъ плановъ русскаго языка и словесности, утвержденныхъ для мужскихъ гимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія 20 іюля 1890 г., главною цѣлью занятій по русскому языку и словесности въ среднеучебныхъ заведеніяхъ признается отечественный языкъ, при чемъ центръ всѣхъ

---

[1]) Силлабическій размѣръ, основанный на равномъ числѣ слоговъ въ каждомъ стихѣ, свойственъ вообще только тѣмъ языкамъ, въ которыхъ удареніе въ словахъ постоянно находится на одномъ и томъ же мѣстѣ (напримѣръ, польскому и французскому языкамъ).

[2]) Церковно-славянскій языкъ, положенный древне-русскими книжниками въ основу литературной рѣчи, съ теченіемъ времени мало-по-малу смѣшался въ произведеніяхъ древне-русской литературы съ народнымъ, разговорнымъ языкомъ, почему и литературный языкъ древней Руси можетъ быть названъ языкомъ *славяно-русскимъ*. Впослѣдствіи, въ произведеніяхъ югозападныхъ писателей XVII столѣтія, русскій литературный языкъ представлялъ собою смѣсь языковъ церковно-славянскаго, южно-русскаго народнаго и польскаго, съ примѣсью словъ латинскихъ, и по обилію полонизмовъ получилъ названіе *польско-русскаго*.

занятій по русскому языку и литературѣ переносится собственно на языкъ по преимуществу[1]).

Главнѣйшими особенностями языка и слога произведеній Кантемира необходимо считать слѣдующія:

А. Въ лексическомъ отношеніи.

I. Въ произведеніяхъ Кантемира замѣчается употребленіе словъ и оборотовъ рѣчи церковно-славянскихъ, древне-русскихъ, старинныхъ, мѣстныхъ и простонародныхъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующія слова и выраженія: *оный, кой, убо, злато, огнь, убивство, матерь, перси, глава, пріять, очи, коротать, дочерь, сирѣчь, понеже, чадо, вервь, челобитная, кружало, зрѣть, ну-тка, чаять, досужно, денница, индѣ, инъ, повадка, тамо, пря, стезя, нѣкій, гладъ, яство* и *ѣства, куды, харя, зазоръ* (стыдъ), *рожа, паипаче, не къ издѣву, зѣница, вѣтръ, искусъ, наймитъ, херить, животъ* (жизнь), *баять, инако, расчухать, ловитва, яко, сей, десница, сгда, аще, брегъ, всуе, паки, азъ, дондеже, до дому* (домой), *чада, глаголати, абіе, днесь, рамена, токмо, докука, враки, ажъ, больно* (очень), *похулка, утріе, полюбовница, лѣзя, цѣловальникъ, помочь* (помощь), *терніе, тако, купно, алкать, единый, тварь, толь, намеднись, прикладъ, обаче, лѣпота, колико, святый* и др.:

а) «Адамъ дворянъ не родилъ, но одно съ двухъ *чадо*
Его садъ копалъ» *(Сат. II)*;

б) «Тутъ то ужъ безъ мѣлу,
Безъ *верви* кроитъ обыкъ, безъ аршина *враки*» *(Сат. III)*;

в) «Вонъ Кондратъ съ товарищи, сказываютъ, дышетъ
Гнѣвомъ, и стряпчихъ собравъ, *челобитну* пишетъ,
Имѣя скоро меня ужъ на судъ позвати,
Что хуля Клитесовъ правъ, тщуся умаляти
Пьяницъ добрыхъ, и съ ними *кружальны* доходы» *(Сат. IV)*;

г) «И что въ рѣчахъ кто *зритъ* себѣ досадно» *(ibid.)*;

д) «*Ну-тка* станемъ Туллію привѣтство писати» *(ibid.)*;

е) «Любовны пѣсни писать, я *чаю*, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло» *(ibid.)*;

ж) . . . «другой безразсудну
Прю начавъ, съ кѣмъ встрѣтился, сноситъ битву трудну» *(Сат. V)*;

з) . . . «Еще ему мнилось *яство* скудно» *(ibid.)*;

и) «Лишной *ѣствы*, остраго воздуха боится» *(ibid.)*;

к) «Попъ, видя, что ужъ пришло дѣло *не къ издѣву*,
Спѣшитъ утолять огонь» *(ibid.)*;

л) «На что, *баетъ*, библію отдаютъ въ печати,
Котору христіанамъ *больно грѣшно* знати?» *(Сат. IX)*;

м) «Такъ то-то уже книга, что *ажъ* уши вянутъ» *(ibid.)*;

н) «Вскорѣ *ловитвы* будетъ корысти
Раздѣляти» *(«Ep. Consolat.»)*;

о) «*Аще* изъ земли престанутъ рѣки
Истекати
И пачнутъ моря *брегъ* свой великій
Преступати,
То *ниже* тогда благость Вышняго
Многомощна»

---

[1]) См. „*Учебные планы и примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ вѣдомства Мин. Нар. Прос.* 1890 года, стран. 38—49.

Предасть праведна въ руки грѣшнаго
Безпорочно» *(ibid.)*;

п) «*Всуе* живется въ краткой сей жизни
Безпомощна *(«Metaphr. P.», 72)*;

р) «*Дондеже* и *азъ* сія постигохъ» *(ibid.)*;

с) « . . . . и ваши *докуки*
Нудять меня дозволять то, что вредно знаю
Намъ будетъ» *(«Къ стихамъ своимъ»)*;

т) « . . . . годенъ всякъ къ *похулкѣ* причину
Сыскать« *(ibid.)*;

у) «Чтобъ смотрѣться было *льзя* и въ кружкахъ, и въ блюдахъ»
(«Къ Торквату»);

ф) «*Обаче* я Бога *толь* знаю, что *сіе единое* знаніе принуждаетъ имя его во всякой *твари* искати и въ себѣ самомъ образъ, подобіе и какое хотя малое сходствіе примѣчать его единства» *(«Письмо VIII»)*.

II. Встрѣчаются въ произведеніяхъ Кантемира, и притомъ сравнительно довольно часто, вновь составленныя[1]), а также такія слова и выраженія, которымъ придано иное, новое значеніе и вообще слова мало или вовсе неупотребительныя. Таковы, напримѣръ, слѣдующія: *закономомное* (беззаконное), *толкъ* (вмѣсто: толкованіе), *протомоя* (прачка), *дверникъ*, *земледѣтель*, *обзнакомить*, *изхерить*, *позорище* (зрѣлище)[2]), *множить*, *за страхъ* (вмѣсто: страшно, сильно), *подлый* (какъ противоположеніе слову: благородный), *обильство*, *льстивый* (привлекательный), *безопаство*, *знать* (вмѣсто: умѣть), *блудить* (заблуждаться), *четверобочникъ* (карре) *недремительно*, *бѣдство*, *излитность*, *благодарство*, *противно* (наоборотъ), *чинъ* (порядокъ) *вдругорь* (въ другой разъ), *украса*, *привѣтство*, *неостудно*, *междучасіе*, *писцы* (писатели), *лишность*, *хохотанье*, *учтивство*, *смотритель* (зритель), *стропотный* (строптивый), *слѣдство*, *липчивый* (прилипчивый), *обнародствовать*, *винный* (виноватый), *субтильный*[3]), *вредительный*, *достальной* (остальной), *дѣйство*, *удовольство*, *досадный* (непріятный), *скудоплотный*, *усильство*, *древодѣлъ*, *пріятство*, *извѣстіе* (вмѣсто: указаніе), *таблица* (оглавленіе), *удобность*, *тельжный*, *игреливый*, *соправный*, *пѣснолюбка*, *плясатель*, *оказать* (обнаружить), *спаситель*, *великолѣпность*, *невѣстный* (неизвѣстный), *прилежность*, *свобожденникъ*, *бритовщикъ*, *благоразсудствіе*, *нахальчиво*, *смиренность*, *усильство*, *вѣдомость* (извѣстіе), *поселянство*, *роптаніе*, *правость*, *безумствіе*, *сходствіе*, *украденіе* и др.:

а) «*Обильство* сыплетъ тебѣ дары полнымъ рогомъ» *(Сат. II)*;

б) «Куча золота, ни домъ огромный, ни *льстивый*
На пуху покой, ни жизнь сколь бы ни прохладна» *(ibid.)*;

[1]) Кантемиръ полагалъ, замѣтимъ кстати, что вновь составленныя имъ слова «*войдутъ въ обыкновеніе*» и будутъ такимъ образомъ содѣйствовать обогащенію русскаго языка. Означенная надежда Кантемира основывалась на томъ, что введеныя имъ новыя слова вообще «*не противятся сродству языка русскаго* (Кантемиръ, Соч., т. I, стр. 386).

[2]) Ср. у Ломоносова: «Коль красное, коль великолѣпное, коль радостное *позорище* намъ бы открылось» *(«Слово похвальное Императрицѣ Елисаветѣ»)*.

[3]) Ср. у Гоголя:

«Женился на институткѣ молоденькой, *субтильной*» *(«Мертвыя души», II)*.

в) «Царь давно не далъ ему во знакъ *благодарства* (*Сат. III*);
г) «О себѣ Гликонъ ужъ *противно*
Разсуждаетъ» (*ibid.*);
д) «Ну-тка станемъ Туллію *привѣтство* писати» (*Сат. IV*);
е) «Злой нравъ станемъ мы пятнать вездѣ *неостудно*» (*ibid.*);
ж) . . . . «*лишностей* всякихъ отбѣгаемъ» (*Сат. V*);
з) «Отъ *хохотанья* его звенятъ всѣ палаты» (*ibid.*);
и) «Изъяснилъ *слѣдства* того вредныя гражданству» (*ibid.*);
к) . . . . «тутъ и *скудоплотны*
Лежатъ блѣдны болѣзни» («*Петрида*»);
л) «*Извѣстіе* наборщику» («*Переводы въ стихахъ*»);
м) «*Таблица* пѣсенъ *Анакреонтовыхъ*» (*ibid.*);
н) «Природа быкамъ рога,
Копыто дала конямъ,
. . . .
Птицамъ *удобность* летать,
Мужамъ разсужденіе» («*О женахъ*»);
о) «Когда я вина напьюся,
Игреливой тогда Бахусъ
Въ многоцвѣтной меня воздухъ
Веселаго пьянствомъ взноситъ» («*О себѣ*»);
п) . . . . «я прочелъ въ Пренестѣ
Троянской *спасителя* войны» («*Къ Лолію*»);
р) . . . . «увидѣлъ
Свобожденника въ пустой *бритовщика* лавкѣ
Тихо очищающа ножемъ свои ногти» («*Къ Нумицію*»);
с) . . . . «Ибо, если разумъ
И *благоразсудствіе*, не мѣсто, простреннымъ
Моремъ обладающе, отъимаетъ думы,
Если небо, а не умъ, тѣ перемѣняютъ,
Что преплываютъ моря, — въ многихъ трудахъ праздны
Мы потѣемъ» («*Къ Булацію*»);
т) «Долго, однако, потомъ стояли, и нынѣ
Еще не изгладились слѣды *поселянства*,
Ибо поздно римляне греческія книги
Честь стали» («*Къ Августу*»);
у) «А еслибъ, довольствуясь даннымъ, трудились вспахать и на себя землю прилежно и безъ *роптанія*[1]), съ благодареніемъ признали достойнымъ образомъ милость своего господина, то конечно бы земля плоды имъ принесла обильно» («*Письма о природѣ и человѣкѣ*»);
ф) «Какъ сердца, такъ и мѣшка *украденія* часто тутъ чинятся»
(«*Переводы въ прозѣ*»).

III. Иностранныя слова и обороты рѣчи встрѣчаются въ произведеніяхъ Кантемира вообще сравнительно довольно часто [2]). Таковы, напримѣръ, слѣдующія:
слично (весьма), *до воли* (довольно), *обра́за* (досада, оскорбленіе),

[1]) Ср. у Лермонтова:
«Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило» («*Демонъ*») и у Батюшкова. См. мое соч. «*Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Державина, Жуковскаго и Батюшкова*». Варшава. 1893 г., стр. 89.

[2]) Особенно часто въ произведеніяхъ Кантемира встрѣчаются галлицизмы; иногда означенные обороты затемняютъ даже смыслъ рѣчи Кантемира. См., напримѣръ, 100—101 ст. V сатиры: «*Сатиръ и Періегръ*».

съ болемъ (съ болью), *власно* (точно), *якъ, чрезъ годъ* (на цѣлый годъ), *звыкнуть, Бахусъ, Венера, Фебусъ, Танталъ, Олимпъ, чрезъ цѣлый день* (въ теченіе цѣлаго дня), *за нѣсколько мѣсяцевъ,* какъ ужъ стрѣлъ *ему не стало, циркуляція, элексъ, рефлексъ, коммерція, экстрактъ, гемисфера, резонъ, резонабельный, супендація, клуша, субстанція, принципіи, авантажъ, цитронъ, ауторитетъ, электоръ, протестація, сатисфакція, сентенція, купію, аудіенція, атенція, субсидія, декорумъ, медіація, негоціація, индексъ, конкорданція, реляція, инвенція, цивилитетъ, порцелиный, жадательный, генеральный, кризисъ, апробація, експеріэнція* (искусъ), *вояжиръ, балонъ, жадать, коштъ* и др.:

а) «Сильванъ одно знаніе *слично* людямъ хвалитъ» *(Сат. I);*
б) «Несомнѣнно знать можно заранѣе въ здѣшней *гемисферѣ,* что въ концѣ другой на тѣ вопросы отвѣчать станутъ»
(«Письма о природѣ и человѣкѣ»);
в) «Мы въ себѣ находимъ двѣ *принципіи*» *(ibid.);*
г) «Всѣ люди *резонабельные* отъ одного *резона,* такъ какъ мудрые — всѣ изъ единаго источника черпаютъ премудрость» *(ibid.);*
д) «Строятъ безмѣрнымъ *коштомъ* тутъ палаты славны» *(Сат. IX);*
е) «Есть дамы, паче всего *жадательны* будучи разумѣть сіи два языка и говорить оными, не щадятъ своего труда, и многія въ тѣхъ преуспѣваютъ» *(«Переводы въ прозѣ»);*
ж) «Я тогда еще опасался предложенія съ здѣшней стороны *медіаціи*» *(«Письма»);*
з) «И къ отдаленію всякихъ поводовъ къ жалобамъ, изъяснилъ ему *атенцію* В. И. В. къ шведскому народу» *(ibid.);*
и) «Вотъ для чего я, уме, нѣмѣе быть *клуши* Совѣтую» *(Сат. I).*

Б. Въ стилистическомъ отношеніи.

Въ языкѣ произведеній Кантемира необходимо отмѣтить въ стилистическомъ отношеніи слѣдующія особенности:

1. Повтореніе того или другого предложенія, а также той или другой части рѣчи въ видахъ сообщенія слогу особенной силы и выразительности:

а) Повтореніе той или другой части рѣчи:
«А ты сѣдъ и не женатъ: выбрать было трудно.
Та стара, *та* не умна, *та* рода не славна,
Та не красна, *та* гола, *та* недобронравна;
Всѣ не годны» *(«О прихотливомъ женихѣ»);*
б) Повтореніе предложенія:
«когда я вина напьюся» (стихотвореніе *«О себѣ»)*

2. *Обращенія* и разнаго рода *неожиданныя сближенія:*

а) «Граждане, граждане!
Деньги вы прежде всего доставать трудитесь —
Добродѣтели потомъ» *(«Къ Меценату»);*
б) «Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!» *(Сат. I);*
в) «Муза, свѣтъ мой!» *(Сат. IV);*
г) «Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу» *(Сат. I).*

3. *Метонимія:*
а) «*Спишь въ золотѣ, золото на золотѣ всходитъ*
Тебѣ на столъ, и холопъ твой *въ золотѣ ходитъ» (Сат. VI)*;
б) «*За краснымъ сукномъ* судитъ Адамлевы чада» *(Сат. II)*.

4. *Эллипсисъ:*
«Корабль ти кажется гробъ, *веревки — удавка,*
Море — адъ, парусъ — саванъ, буря — житью сбавка» (Сат. II).

5. *Тавтологическія выраженія*, состоящія въ повтореніи одного и того же корня въ глаголѣ и въ имени существительномъ: «Случаи случаются» (*«Переводы въ прозѣ»*).

6. *Пользованіе разнаго рода пословицами*[1]) *и поговорками:*
а) «*Исправитъ горбатыхъ могила» (Сат. V)*;
б) «*По водѣ тогда мои вотще пишите вилы» (Сат. II)*;
в) . . . . «И времени цѣну
Не зная, скучаетъ намъ, *лѣпя горохъ въ стѣну» (ibid.)*;
г) «*Аза въ глаза не знаетъ» (Сат. IX)*;
д) «*Въ чужомъ пиру похмѣлье» (Сат. IV)*;
е) «*Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ»*
(Сат. VI) и др.

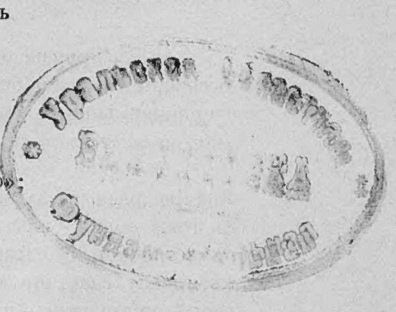
7. *Сравненія и уподобленія, въ связи съ замѣчательно вѣрными описаніями, картинами и драматическими сценами*[2]):
а) «Безгласенъ, недвиженъ я сталъ, *какъ камень»* (*«Елисаветѣ Первой»*);
б) «Красотѣ радѣя,
Какъ осла, златомъ себя тягчатъ» *(Сат. V)*;
в) «Труднѣй то, *нежь пьяницѣ вина не имѣти,*
Нежли не славить попу святую недѣлю,
Нежли купцу пиво пить не въ три пуда хмѣлю (Сат. I);
г) «Какъ войдетъ въ палату, гдѣ множество народу,
Распихнетъ всѣхъ, *какъ корабль плывущъ сѣчетъ воду» (Сат. III)*.

8. *Фигуры вопрошенія и восклицанія:*
а) «Какъ же можешь исполнить во время такъ мало
Указъ царевъ? набралъ ли извѣстій довольно,
Чтобъ его увеселить?»
б) «Чтожъ молчишь? Ужли твои уста косны стали?
Не знаешь ли, сколь намъ другъ полезенъ въ печали?

---

[1]) Кстати слѣдуетъ замѣтить, что многіе стихи сатиръ Кантемира въ XVIII столѣтіи употреблялись въ видѣ общераспространенныхъ пословицъ. Таковы, напримѣръ, слѣдующіе:

1) «Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Кои помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла Чичиринскаго сказуютъ похода»;
2) «Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло»;
3) «Слуги язва суть дѣтей; родителей злѣе
Всѣхъ примѣръ. Часто дѣти были бы честнѣе,
Еслибъ и мать и отецъ предъ младенцемъ знали
Собой владѣть, и языкъ свой въ уздѣ держали»;
4) «Сегодня одинъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю» и др.

[2]) См., напримѣръ, II сатиру, заключеніе V сатиры и др.

Сколь много здравый совѣтъ полезенъ бываетъ,
Когда тому слѣдовать страсть не запрещаетъ?
А, а! дознаюсь я самъ, что тому причина» *(Сат. II)*.

9. *Отсутствіе излишнихъ реторическихъ украшеній рѣчи*, чуждая желчнаго раздраженія *насмѣшка и иронія, простота, сила и краткость*, сообщающія слогу Кантемира, въ извѣстной степени *естественность, мѣткость изложенія*, отличающагося вообще сравнительно легкимъ, безыскуственнымъ характеромъ и представлявшаго, согласно вышеизложенному, для современниковъ Кантемира совершенно новое явленіе, не имѣвшее ничего общаго, какъ уже отмѣчено раньше, ни съ полуславянскимъ ни съ полупольскимъ языкомъ того времени[1]).

10. *Эпитеты*, содѣйствующіе вообще болѣе живому, наглядному изображенію предметовъ съ ихъ отличительными признаками, и разнаго рода *метафорическія выраженія:*
умъ *недозрѣлый*, *смѣлыя* ноги, *косныя* уста, подати *тяжкія*, рука *бережная*, мудрость *всеблагая*, хула *злая*, служба *вѣрная*, руки *проворныя*, возрастъ *глубокій*, острота *змiиная*, гибель *крайняя*, быкъ *бодливый*, дѣвица *красная*, битва *кровавая*, печаль *злая*, слѣдъ *праотческій*, глаза *зоркіе* и др.:

а) «Такъ *вкоренное съ млекомъ мнѣніе* неправо
И *повадка не даетъ* намъ *разсуждать* здраво
О состояніи своемъ» *(Сат. V)*;
б) «Но часто *тащится*
Лютая печаль за нимъ» (Переводъ стиховъ Вольтера: «*Les deux amours*»).

Таковы главнѣйшія особенности языка и слога произведеній Кантемира, глубоко вѣрившаго въ пользу науки и неустанно думавшаго о возможно болѣе широкомъ распространеніи въ Россіи образованія[2]). Вотъ почему Кантемиръ можетъ быть поистинѣ названъ первымъ сподвижникомъ Петра Великаго на томъ поприщѣ, которое было всецѣло подготовлено преобразователемъ Россіи и значеніе котораго ясно сознавалъ родоначальникъ русской сатиры, какъ это, между прочимъ, видно и изъ слѣдующихъ его многознаменательныхъ словъ: «*Петръ, отецъ нашъ, училища основалъ, и былъ тотъ трудъ — коренъ нашей славы*».

В. Истоминъ.

---

[1]) Въ произведеніяхъ Кантемира обращаетъ на себя вниманіе не только вышеотмѣченное его вообще искусство въ выраженіи мыслей въ разнаго рода описаніяхъ и сравненіяхъ, но также и *мастерское изображеніе характеровъ тѣхъ или другихъ лицъ, выведенныхъ въ сатирахъ*.

[2]) Нужно кстати замѣтить, что, подвергая осмѣянію и, слѣдовательно, осужденію разныя дурныя стороны жизни, разные недостатки и пороки, Кантемиръ въ тоже время училъ въ своихъ сатирахъ и правильной жизни, указывая образецъ нравственной и полезной дѣятельности серьезно образованнаго человѣка, приводящей къ идеалу счастливой жизни. См. VI сатиру *(«Объ истинномъ блаженствѣ»)*, въ которой нарисованъ идеалъ счастливой жизни, и VIII сатиру *(«На безстыдную нахальчивость»)*, въ которой изображенъ образецъ нравственной дѣятельности.

VI вып. Объ европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8°, 659 стр.). Изд. 3-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о **Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.**) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8°, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8°, 818 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Пушкинѣ.**) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.**) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8°, 648 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.**) (8°, 1044 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о **Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.**) (8°, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библіотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный орѳографическій словарь. Изд. 10-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*